

Г. И. МИРСКИЙ

ИРАК
В СМУТНОЕ
ВРЕМЯ

9H N128 26
M-64 АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МАТЕМАТИКИ

Г. И. МИРСКИЙ

1930—1941

Москва 1961

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Б. М. ДАНЦИГ

ПРЕДИСЛОВИЕ

После долгих, томительных столетий застоя арабский мир вновь вышел на арену мировой истории. Названия городов — Каир, Багдад, Дамаск, ассоциировавшиеся в нашем представлении со средневековьем, с халифатом, — приобрели актуальное политическое звучание и оказались связанными с животрепещущими проблемами современности. Народы арабских стран завоевали свою независимость. Началась новая эпоха в истории арабского мира.

Вполне понятен интерес советского читателя к истории современных арабских государств, играющих ныне значительную роль в международных делах.

Ирак позже большинства других арабских стран попал под иго империализма и позже освободился. Египет, Ливия, Судан, Тунис, Алжир, Марокко были завоеваны европейскими колонизаторами еще в XIX — начале XX в. В Сирии и Ливане западные оккупанты обосновались, правда временно, в середине XIX в. Ирак же не подвергался вооруженному вторжению европейских империалистов вплоть до первой мировой войны, в ходе которой 300-летнее владычество турок сменилось господством Великобритании, давно уже стремившейся к овладению этой важной в стратегическом отношении страной.

Известная формула лорда Керзона «граница Индии проходит по Евфрату» отражала заинтересованность Англии в установлении своего контроля над Ираком — важнейшим форпостом на имперском пути в Индию. К этому прибавился новый фактор исключительной силы — мосульская нефть. После того как накануне первой мировой войны английский флот был переведен на жидкое топливо, обладание мосульскими нефтяными

источниками стало одной из серьезных внешнеполитических целей Англии. Первая мировая война предоставила англичанам возможность добиться этой цели. Придя на берега Тигра и Евфрата в качестве «освободителей» иракцев от турецкого гнета, новые завоеватели, используя мандат Лиги Наций, постарались как можно прочнее обосноваться в Ираке.

Они не стремились превратить Ирак в колонию классического типа: времена были уже не те, и империалистическая эксплуатация достигалась иными методами. Ирак остался внешне самостоятельным государством, монархией со «своим» королем. Впоследствии страну приняли в Лигу Наций, но она была все так же прочно прикованной к колеснице британского империализма. У колыбели марионеточной иракской монархии стоял Черчилль, автор известного плана «контроля без оккупации», осуществленного Англией в Ираке. Этот хитроумный план возник после того, как в 1920 г. вооруженная до зубов английская армия потопила в крови национально-освободительное восстание иракского народа.

Провозглашение монархии в 1921 г., сопровождавшееся чисто фарсовой процедурой «избрания» заранее назначенного англичанами короля Файсала; образование «представительных» органов, укомплектованных английскими ставленниками; заключение целой серии неравноправных англо-иракских договоров, последним из которых стал печально известный договор 1930 г., воплощавший в течение последующей четверти века в глазах иракцев ненавистное господство империализма, неудачная попытка заменить этот договор новым Портсмутским договором в 1948 г., приведшая к антиимпериалистическому восстанию в Ираке; создание кабального Багдадского пакта в 1955 г. (впоследствии, после революции 1958 г. СЕНТО); наконец, образование недолговечной хашимитской федерации Ирака и Иордании в 1958 г. — таковы основные вехи мрачного и унижительного периода английского господства в Ираке.

В течение 40 лет на глазах всего мира Англия разыгрывала комедию, пытаясь представить связанное по рукам и ногам марионеточное государство как своего «равноправного партнера и союзника». А в это время, используя свое господствующее положение в стране, английские нефтяные монополии совместно с американскими и фран-

цузскими капиталистами выкачивали из недр Ирака его главное национальное богатство — нефть.

В стране свирепствовал «черный режим» продажной деспотической клики, тюрьмы и концентрационные лагеря были переполнены патриотами, в подполье находились даже буржуазные партии. Страна с богатейшим экономическим потенциалом, в которой, по словам представителя Ирака в ООН, 90% населения жило в лачугах и ходило босиком; восточная страна, феодальные правители которой совместно с империалистами вели бой против великого освободительного движения народов Востока, против Бандунга, против идеи нейтралитета и мира; арабская страна, оказавшаяся по вине своих руководителей в изоляции от всего пробудившегося арабского мира, — таков был дореволюционный, монархический Ирак, чудовищный пример уродливого переплетения империалистического и феодального гнета.

Долго оседало, готовясь рухнуть, это прогнившее здание — одно из «творений» отжившего свой век колониализма. Долго готовились иракские патриоты к решительному штурму. Удар был нанесен 14 июля 1958 г. За несколько часов рассыпался в прах режим, укреплявшийся империалистами в течение 40 лет. Лопнула, как мыльный пузырь, Хашимитская федерация. Ирак вышел из Багдадского пакта, порвал цепь империалистических договоров и соглашений, ступил на путь независимости и нейтралитета.

Интерес советских читателей к жизни иракского народа, к истории Ирака вполне понятен. Советская литература об этой стране весьма немногочисленна. Общая картина развития Ирака дается в работах Б. Данцига. Книга Л. Котлова посвящена восстанию 1920 г. Отдельные вопросы истории Ирака рассматриваются в работах Н. Корсуна, И. Левина, В. Гурко-Кряжина и др.

Большой фактический материал содержится в работах Лонгригга и Хаддури. Лонгригг, долгие годы проводивший в Ираке на службе английского империализма, пишет в объективистском духе, стараясь изобразить действия англичан в Ираке так, чтобы, несмотря на допускаемую им критику, у читателя создалось положительное впечатление об итогах «миссии Великобритании». Хаддури в основном отражает точку зрения умеренно проанглийских кругов. Написанная на арабском языке книга Ха-

сани дает добросовестную информацию о событиях без надлежащего анализа. Работы Мурувва, Уда и других арабских авторов, опубликованные после иракской революции, носят резко разоблачительный, антиимпериалистический характер, но не претендуют на полноту освещения интересующего нас исторического периода.

Наиболее ценные сведения об экономике Ирака содержатся в работах Уорринер и Боннэ¹. Вместе с тем весьма важный для развития современного Ирака отрезок времени между двумя мировыми войнами почти не получил отражения в нашей литературе.

Данная работа является попыткой восполнить этот пробел и исследовать развитие иракского государства в то время, когда оно, будучи формально независимым, фактически находилось под английским контролем, узаконенным договором 1930 г. Это так называемое смутное время в истории Ирака, когда в стране происходили бурные потрясения и напряженная внутренняя борьба. Политическая история Ирака рассматривается в работе только с 1930 г., но социально-экономическое развитие страны освещается за весь межвоенный период.

¹ См. список использованной литературы.

ВВЕДЕНИЕ

Отношения между Англией и Ираком до 1955 г. определялись договором 1930 г. Своеобразие этого документа состояло в том, что, будучи по форме обычным договором о союзе между двумя государствами, он в то же время фактически легализовал подчиненное положение одной стороны. В статье 4 говорилось, что «помощь его величества короля Ирака в случае войны или опасности неминуемой войны будет состоять в предоставлении его британскому величеству на иракской территории всяких зависящих от него льгот и помощи... включая пользование железными дорогами, реками, портами, аэродромами и средствами связи»¹.

Назначение этой статьи состояло в том, чтобы прочно узаконить право Англии использовать по своему усмотрению территорию, транспортную сеть, аэродромы Ирака, который таким образом безоговорочно обязывался стать пособником Англии в любой ее агрессивной войне.

В статье 5 было зафиксировано, что «король Ирака обязуется предоставить его британскому величеству на время действия союза участки для воздушных баз, по выбору его британского величества — в Басре или поблизости от нее, и для воздушной базы, по выбору его британского величества, к западу от Евфрата».

Его величество король Ирака, далее, разрешает его британскому величеству право содержать на иракской

¹ Цит. по «Хрестоматии по новейшей истории», т. I, стр. 843, 844.

территории воинские силы в указанных выше местностях...»².

Французский юрист Нольд в своей книге «Ирак» называл ограничения территориального суверенитета Ирака, наложенные на него договором 1930 г., «подлинным порабощением с международной точки зрения и рассматривал присутствие английских войск в стране как „перманентную локализованную оккупацию“».

Приложения к договору узаконивали аренду англичанами двух авиационных баз в Ираке и сохраняли те привилегии в судебной и финансовой областях (включая свободу от обложения налогами), которыми находившиеся в стране английские войска пользовались к моменту заключения договора; английский военный персонал оставался вне юрисдикции иракского суда, что, по мнению Нольда, напоминало режим капитуляций³. Англия сохраняла за собой право в течение пяти лет держать наземные войска в пунктах Мосул и Хинайди, где были расположены две авиационные базы (приложение № 1 к договору 1930 г.). Затем вместо этих баз англичане получили две другие — в Хаббании и Шайбе. Наземные войска должны были пользоваться теми же льготами и преимуществами в отношении передвижения, снабжения, условий для учебных занятий, какие они имели ко времени заключения договора (приложение № 3)⁴. Ирак обязывался приглашать только англичан в качестве военных инструкторов для своих вооруженных сил, посылать своих офицеров учиться только в Англию, снабжать свои войска оружием и снаряжением только английского образца (приложение № 5). Разрешалось передвижение через Ирак всех видов английских войск (приложение № 7). Этот пункт сыграл огромную роль в 1941 г.

Несмотря на то что с 1921 г. численность английских войск в Ираке сокращалась, фактически страна находилась под иностранной оккупацией. Сокращение же численности оккупационных войск было связано с новым курсом английской политики, намеченным Черчиллем в связи с необходимостью уменьшить расходы. Этот курс, демагогически получивший название «контроль без оккупации», предполагал широкое использование авиации для

выполнения тех карательных функций, которые прежде возлагались на наземные войска. Если в 1921 г. англичане имели в Ираке 33 батальона пехоты, 6 кавалерийских полков и 16 артиллерийских батарей, то уже в 1924 г. численность их войск снизилась до 4 батальонов пехоты и 1 артиллерийской батареи, зато военно-воздушные силы выросли с 4 эскадрилий до 8. К моменту подписания договора в Ираке находились 4 воздушные эскадрильи и вспомогательные части, обслуживавшие и охранявшие аэродромы. Ни английской пехоты, ни артиллерии в Ираке уже не было; последний батальон был эвакуирован в 1928 г.⁵.

Английская авиация весьма активно действовала против народных повстанцев Ирака. Имеются красноречивые описания вооруженного вмешательства в иракские дела, сделанные самими англичанами. В сентябре 1932 г. в журнале «Нью стейтсмен энд Нейшн» была опубликована статья английского капитана Мэмфорда. В ней приводились конкретные факты участия английской авиации в подавлении народных восстаний на севере Ирака. Вспоминая о действиях британской авиации против независимого курдского вождя шейха Ахмеда Барзани, капитан Мэмфорд писал: «Район расположения лютей Ахмеда был подвергнут интенсивной бомбардировке с использованием бомб замедленного действия; даже скот уничтожали с воздуха»⁶.

Известный английский колониальный деятель, бывший гражданский комиссар Англии в Ираке А. Вильсон, выступая 8 июня 1932 г. с речью в Королевском среднеазиатском обществе, говорил о том «упорстве, с каким (не взирая на декларации в Женеве) королевские воздушные силы бомбардировали в течение последних 10 лет курдское население... Разрушенные селения, уничтоженный скот, искалеченные женщины и дети были свидетелями распространения, говоря словами корреспондента „Таймс“, единой линии цивилизации»⁷.

Можно было бы увеличить число подобных высказываний, но и приведенные сведения достаточно убедительно показывают ту весьма «активную» роль, какую играли в Ираке британские вооруженные отряды. Вывод на-

² Там же.

³ E. Nolde, *L'Irak*, p. 226, 227.

⁴ Ibid.

⁵ «Special report by H. M. government...», p. 48.

⁶ См. «The new statesman and Nation», 24.IX.1932.

⁷ Ibid.

земных войск не помешал английскому империализму сохранить в этой стране достаточные силы для того, чтобы подавлять все народные выступления, грозившие поколебать господство феодальной верхушки — опоры колонизаторов. Без военной помощи империалистов правящей клике Ирака вряд ли удалось бы справиться с народными волнениями, и это заставляло иракских правителей упорно ориентироваться на английских колонизаторов.

Вооруженные силы английского империализма, находившиеся в Ираке, выполняли в основном карательные функции. Однако одновременно Англия удерживала плацдарм для агрессивных войн, возможность которых отнюдь не исключалась.

Постепенно с годами участие английских вооруженных сил в карательных экспедициях иракских властей все более и более уменьшалось. Это объяснялось следующими обстоятельствами. Во-первых, иракская армия, обученная и вооруженная англичанами, снабженная собственной авиацией, уже могла самостоятельно проводить такие операции. Во-вторых, иракская правящая верхушка, среди значительной части которой распространялись антианглийские и прогерманские настроения, уже не была столь склонна, как раньше, демонстрировать свою слабость и зависимость от Англии, привлекая английскую авиацию для расправы со своим народом. В свою очередь и англичане понимали, насколько вредят им в глазах всех народов факты, вроде описанных капитаном Мэмфордом; возмущение общественного мнения в самой Англии также давало себя знать. Все эти обстоятельства привели к тому, что английская авиация как бы отгородилась, изолировалась на аэродромах (сначала в Мосуле и Хинайди, а затем в Хаббании и Шайбе). Тем не менее английская авиация оставалась в Ираке, и, следовательно, в случае возникновения войны Англия могла без особых усилий использовать Ирак для осуществления своих агрессивных целей.

В 1932 г. английская газета «Дейли геральд» писала: «Надо понять, что в военном смысле мы останемся в Ираке. Мандат кончился, но вместо него имеется договор. Ирак входит в Лигу Наций, но Великобритания из Ирака не уходит»⁸.

⁸ Цит. по кн.: В. Бронштейн и В. Розенблюм, *Нефтяная эпопея*, стр. 443.

Договор 1930 г. обеспечивал в достаточной степени также нефтяные интересы Англии. Английские монополисты, ставшие фактически хозяевами нефтяных богатств этого района еще до первой мировой войны и получившие концессию на разработку мосульских месторождений, в мандатный период (1920—1932) добились присоединения к Ираку этой территории. Условия концессионного договора с международной нефтяной монополией «Ирак петролеум компани», заключенного в 1925 г. сроком на 75 лет, в 1931 г. были пересмотрены. По сути дела, все основные нефтяные месторождения Ирака оказались в руках этой компании, где 47,5% акций принадлежало английскому и англо-голландскому капиталу. То обстоятельство, что такое же количество акций пришлось уступить американским и французским капиталистам, было связано с вопросами международной политики, выходившими за пределы англо-иракских взаимоотношений.

Английские интересы в торговле, а также в других хозяйственных областях были полностью сохранены если не статьями самого договора 1930 г., то дополнительными нотами, предусматривавшими также привлечение англичан в качестве иностранных специалистов для работы в государственном аппарате. В 1931 г. в министерствах страны работали 196 английских чиновников: в министерстве внутренних дел — 78, экономики и путей сообщения — 85, финансов — 19, юстиции — 8 и т. д.⁹ Если при этом учесть, что англичане, как правило, занимали руководящие должности, то станет ясна та роль, которую они играли в управлении страной. Автор работы «Ирак в 1900—1950 гг.» историк Лонгригг, являвшийся одним из руководящих работников иракского государственного аппарата, упоминает следующие должности, которые занимали англичане в стране в 1932 г.: начальник полиции, инспектор полиции, директор таможенного управления, генеральный ревизор, директора департаментов сельского хозяйства, доходов и государственных земель, геодезии, ирригации, железных дорог, ветеринарии, начальник управления порта, генеральный инспектор здравоохранения, советник министра путей сообщения и общественных работ, главный геолог

⁹ «Special report by H. M. government...», p. 293.

и т. д.¹⁰ Уже одно это перечисление показывает, на каких ответственных постах находились английские чиновники, призванные оберегать здесь интересы Англии. И хотя их число с каждым годом сокращалось, а многие из руководителей переименовывались в «советников», английские чиновники проявляли достаточную напористость, когда требовалось навязать стране те или иные мероприятия, в которых была заинтересована Англия. Убедительным примером может служить продажа правительству Ирака в 1936 г. железных дорог, бюджет которых был постоянно дефицитным. Правительству пришлось уплатить англичанам почти 500 тыс. ф. ст. за эти дороги, и в том же году они принесли убыток, превышавший 10 тыс. ф. ст. В 1938 г. убыток, причиненный стране эксплуатацией железных дорог, составил уже 142 тыс. ф. ст.¹¹ Это финансовое бремя взвалено на страну под прикрытием лицемерных фраз «о возросшей самостоятельности молодого государства» и об «ухуде англичан с последних позиций экономического управления в Ираке». В действительности, однако, английские чиновники были оставлены на важнейших постах в управлении железными дорогами сроком на 20 лет, т. е. по-прежнему здесь сохранялся английский контроль, в то время как убытки уже не касались англичан. Такого рода махинация, едва ли осуществимая в других условиях, оказалась вполне применимой по отношению к «независимому государству». Это наглядно свидетельствовало о выгодах, извлекаемых Англией из ее «новых» взаимоотношений с Ираком.

Посол Англии в Ираке, по договору 1930 г. считавшийся старшим среди дипломатических представителей других европейских государств, оказывал решающее влияние на всю внешнюю политику страны. Если ко всему этому прибавить, что финансы по-прежнему находились под контролем английских банков, то так называемая независимость Ирака представится как сплошная фикция, документально скрепленная договором 1930 г. Общественное мнение именно так и расценило это кабальное соглашение. «Статьи договора, — писала 22 июля 1930 г. газета „Аль-Биляд“, — это цепи, безжа-

лостно затянутые на горле иракского народа и обрекающие его на рабство в продолжение еще четверти столетия»¹². Газета «Аз-Заман» 27 октября 1930 г. проводила параллель между англо-иракским (1930), англо-иранским (1919) и Севрским договорами, этими тремя наиболее беззастенчивыми колонизаторскими «соглашениями», навязанными империалистами Ираку, Ирану и Турции¹³.

Французский юрист Нольд, считавший новое государство «искусственным творением британского империализма», писал, что Англия «воспользовалась окончанием мандата, чтобы превратить Ирак в подлинного сателлита своей политики, теоретически даровав ему суверенитет и независимость»¹⁴.

Говоря о стратегических и экономических целях, которые преследовала Англия, прибирая к рукам страну, Нольд подчеркивал, что эти цели «полностью достигнуты при том положении вещей, какое существует в Ираке. Видимая независимость страны ни в чем их (т. е. англичан. — Г. М.) не стесняет»¹⁵. Французский автор Джонс считал, что в Ираке «британские интересы гарантированы столь же прочно договором 1930 г., как и договором 1922 г.»¹⁶.

Английский журнал «Эйша» писал, что Англия «не выпустила из своих рук контроля, пока не получила от Ирака все, что могла. Страна плавает на море нефти. Это море теперь практически контролируется Англией... Имперские коммуникации полностью обеспечены договором о независимости»¹⁷.

Даже такой защитник английского господства в стране, как Лонгригг, выставивший в качестве главных мотивов отказа Англии от мандата «идеализм и уважение к правам слабого», вынужден был признать желание Англии «сохранить основные преимущества (стратегические и коммерческие), которые мог предоставить Ирак, без необходимости постоянно нести тяготы и ответственность, связанные с двоевластием»¹⁸.

¹² Цит. по кн.: Ph. Ireland, *Iraq...*, p. 416.

¹³ Ibid.

¹⁴ E. Nolde, *L'Irak*, p. 235.

¹⁵ Ibid., p. 236.

¹⁶ J. Jones, *La fin du mandat...*, p. 63.

¹⁷ A. Viton, *Iraq: a study in imperialism*, — «Asia», 1938, January.

¹⁸ S. Longrigg, *Iraq 1900 to 1950*, p. 188.

¹⁰ S. Longrigg, *Iraq 1900 to 1950*, p. 245.

¹¹ «Statistical abstract of Iraq for 1940», p. 100.

Удобство такой формы отношений с зависимой страной заключалось в следующем. Во-первых, исчезала необходимость в крупных оккупационных расходах и всегда имелась возможность передать новому государству убыточные предприятия (как было, например, с железными дорогами). Во-вторых, если при мандате всем странам в Ираке предоставлялись равные права, то у формально независимого государства Англия могла добиться особых привилегий только для себя. Практически англичане и до отмены мандата чувствовали себя в Ираке полными хозяевами. Однако возможная перспектива более интенсивного проникновения в эту страну таких держав, как Франция и особенно США, делала «союзный договор с независимым дружественным государством» куда более желательным, нежели мандат. В-третьих, прекращение открытого иностранного господства приветствовалось верхушкой иракского общества, которая получила большие права в области внутреннего управления. Новая ситуация устраивала и помещиков и компрадорскую буржуазию, и лишь некоторые их представители требовали для страны полной независимости. Народ Ирака, оставшийся все таким же нищим и бесправным, не видел никаких выгод от юридических перемен 1930—1932 гг. «Независимое Иракское королевство» было одним из самых отсталых государств на земном шаре.

ГЛАВА I

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СТРОЙ

В течение почти трех столетий турецкого господства Ирак находился в состоянии экономического застоя и упадка.

К началу XX в. Ирак был одной из наиболее отсталых провинций Османской империи. Хозяйство страны, процветавшее во время Багдадского халифата, деградировало под влиянием нашествия монголов и турок, многочисленных войн, приводивших к разрушению ирригационной системы, опустошению и разорению земель. Население занималось в основном экстенсивным, примитивным и малопродуктивным сельским хозяйством. Наука, культура, искусство, ремесла — все то, что во времена халифата бурно развивалось и оказывало большое влияние на арабский мир, — пребывали в состоянии застоя и отсталости.

Население страны накануне первой мировой войны не достигало и 3 млн. Основную массу его составляли арабы, которые делились на феллахов-земледельцев и бедуинов-кочевников. Значительная часть феллахов сохранила традиционную родо-племенную структуру, оставшуюся со времен кочевничества. Во главе племени стоял шейх, выполнявший административные и представительские функции. Все племя сообща владело землей и обрабатывало ее, даже если земля была зарегистрирована на имя шейха.

В конце XIX в. Ирак был втянут в мировую капиталистическую систему. Зерно стало предметом экспорта. В начале 90-х годов прошлого века экспорт зерна составлял 65 тыс. т, а в 1909—1913 гг. — уже 120 тыс. т

в год¹. К началу 30-х годов нынешнего столетия экспорт зерна вырос до 380 тыс. т. Развитие товарно-денежных отношений явилось мощным стимулом для превращения земель, принадлежавших племенам, в личную собственность шейхов племен.

Турецкое правительство ни во что не вмешивалось, довольствуясь получением своей доли урожая. Непосредственно обработкой земель занимались рядовые члены племени, которым земля сдавалась в аренду. В этот период начала усиливаться тенденция к абсентеизму шейхов. Так, по свидетельству Вильсона, в районе р. Дияла шейхи превратились в настоящих помещиков: они прибрали большую часть земель и уже не занимались лично хозяйством, а переехали жить в Багдад².

Закабаление Ирака после первой мировой войны англичанами совпало с разложением родо-племенного строя в иракской деревне. В отчете английских властей имеется следующее описание этого процесса: «Шейхи племен заразились земельной горячкой... Оседлые члены племени, бывшие свободные кочевники, попадают в положение, почти родственное положению крепостных, дешевый труд которых служит для обогащения их верховного главы — шейха... Патриархальное племенное управление... перерастает в феодальное государство, в котором только верховный господин получает выгоду от этой перемены»³.

Установив на местах контроль своих чиновников, английские власти стремились найти себе социальную опору в деревне, заручиться помощниками по сбору налогов и принуждению народа к выполнению различных трудовых повинностей. Вполне естественно, что в этой роли выступили шейхи. В одном из официальных английских документов говорилось: «Мы признали влиятельных глав племен, и они стали нести ответственность за своих соплеменников... Наша политика заключалась... в поддержке шейха»⁴.

Обычно легко шли на сговор с англичанами шейхи земледельческих племен и помещики. Шейх племени

отвечал за порядок в своем районе и за охрану дорог; взамен он получал подтверждение его права на владение землей, освобождался от уплаты налогов и щедро субсидировался. В одном из писем в Англию английская разведчица Гертруда Белл сообщала, что багдадским помещикам, владевшим землями в районе Дияла, было указано вступить в переговоры с представителями восставших крестьян этого района и уговорить их прекратить борьбу. Все помещики согласились с удовольствием.

В ряде районов, по сообщению Айрленда, сбор налогов был предоставлен крупным шейхам и помещикам на таких условиях, которые гарантировали их лояльное отношение к англичанам. «Неустанные усилия сэра Перси Кокса и его помощников с целью установления личного контакта с шейхами и местной знатью, наряду с раздачей им субсидий и освобождением от налогов, обеспечили благожелательный нейтралитет многих из них»⁵.

Следовательно, уже в первые годы закабаления англичанами Ирака сложился союз между оккупантами и классом земельных собственников. Как писал американский автор Вайтон, многие местные помещики, числившиеся владельцами крупных участков, до прихода англичан не могли добиться официального признания их прав на обширные земельные участки из-за сопротивления племен⁶. Англичане решительно стали на их сторону. Вильсон в своем сообщении в Лондон 12 августа 1920 г. писал: «В области политики мы поддерживали шейхов и укрепляли их власть»⁷.

В аграрной стране с крайне незначительно развитой промышленностью, со сравнительно слабой городской буржуазией и полным отсутствием сельской буржуазии — кулаков — помещики, шейхи, саркалы, ростовщики, наряду с компрадорской буржуазией могли служить социальной опорой империализма. Эти люди, получившие от английской администрации подтверждение своих прав на владение бывшей общинной землей, боялись потерять ее и были заинтересованы в силах, способных в случае необходимости подавить любое народное восстание. Анг-

¹ D. Warriner, *Land and poverty...*, p. 106.

² A. T. Wilson, *Loyalties...*, p. 80.

³ «Special report by H. M. government...», p. 237.

⁴ «Review of the civil administration of Mesopotamia», p. 24, 143.

⁵ Ph. Ireland, *Iraq...*, p. 95.

⁶ A. Viton, *The struggle of the lowly*, — «Asia», 1938, May.

⁷ Ibid.

лийские империалисты в свою очередь стремились сохранить в Ираке удобный для них строй и не допустить к власти такие социальные группы, интересы которых могли бы прийти в противоречие с их интересами.

Наиболее убедительным доказательством того, что английская политика в Ираке была направлена на укрепление власти помещиков, явилась так называемая земельная реформа 1919 г., проведенная оккупационными властями. В мае 1919 г. был издан циркуляр о политике в аграрном вопросе, предписывавший провести обследование. Целью этого обследования было не «создание новых прав на землю, а уточнение уже существовавших прав». Иными словами, английской администрации надо было закрепить за помещиками захваченные последними земли. Помещикам было предоставлено право собирать от имени властей налоги с крестьян, что возрождало существовавшую при турках откупную систему. Там, где помещики не могли этого делать, оккупанты оказывали им помощь. Так, в провинции Мунтафи английские власти обязались забирать у крестьян 30% урожая и из них 15% отдавать землевладельцам. Английский отчет следующим образом подводит итог «реформе» 1919 г.: «Помещик в результате осуществления плана 1919 г. получает в большинстве случаев намного большую сумму, чем он когда-либо мог получить»⁸.

Конечно, нельзя согласиться с Вайтоном, который считает, что англичане создали в Ираке класс феодалов. Феодалы, разумеется, существовали в Ираке давно. Уже в конце XIX и начале XX в. натуральный характер феодального хозяйства изменился в связи с развитием товарно-денежных отношений. «Старые» помещики переходили от натурального хозяйства к товарному, появились новые шейхи, присвоившие земли племен.

Английские власти, закрепив юридические «права» помещиков на землю, поставили представителей этого класса у власти.

«Во времена турок, — писал Коук, помещики во многих случаях даже не осмеливались выехать из города и навестить свои сельские владения, которые часто приносили им лишь номинальную ренту... Британская оккупация по крайней мере надежно закрепила за ними их

⁸ «Review of the civil administration in Mesopotamia», p. 83, 84.

владения и сделала возможным доступ к ним... Они (англичане. — Г. М.) обеспечили помещикам беспрепятственное и своевременное получение ренты»⁹.

Для крестьян это было феодальное рабство. Безвыходность положения крестьянских масс определялась их безземельем или малоземельем, обрекавшим крестьян на арендную и ростовщическую кабалу. Даже городские капиталисты, вкладывавшие капитал в землю, выступали в деревне в роли феодальных эксплуататоров, и применявшиеся ими технические усовершенствования в рамках феодальных производственных отношений содействовали закабалению крестьянства.

Это относится в первую очередь к такому важному мероприятию, каким явилось введение механических насосов для орошения. В такой отсталой стране, как Ирак, даже небольшие механические насосы означали крупнейшее усовершенствование системы орошения.

Примитивные сооружения для искусственного орошения, применявшиеся в Ираке с незапамятных времен, стали вытесняться механическими насосами, большая эффективность которых была очевидна. Появление насосов стимулировалось потребностями производства, обслуживавшего мировой рынок. Земельные собственники были заинтересованы в увеличении продукции и, следовательно, в таких технических усовершенствованиях, которые способствовали достижению этой цели.

Еще в 1921 г. в Ираке насчитывалось всего около 150 насосов, а к 1930 г. их число увеличилось до 2100¹⁰; следует иметь в виду, что средняя мощность насоса выросла с 1921 по 1929 г. с 11 до 27 квт¹¹. Общая площадь земель, орошаемых насосами, составляла в 1921 г. всего 200 кв. км, а в 1929 г. — уже 7400 кв. км¹². К 1944 г. площадь орошаемой насосами земли увеличилась до 10 117 кв. км¹³.

Поскольку вся обрабатываемая площадь в зоне искусственного орошения составляла 16 тыс. кв. км¹⁴, то

⁹ R. Coke, *The heart of the Middle East*, p. 177.

¹⁰ «Revue internationale d'agriculture», 1934, février, p. 62.

¹¹ «Annales de géographie», 15.1.1934, p. 69.

¹² Ibid.

¹³ D. Warriner, *Land and poverty...*, p. 106.

¹⁴ «Introduction to the past and present of the Kingdom of Iraq» (далее — «Kingdom of Iraq...»), p. 55.

выходит, что к началу 40-х годов уже более 62% обрабатываемой земли здесь орошалось при помощи насосов.

Установка одного насоса обходилась в среднем в 2 тыс. ф. ст.¹⁵, что было непосильным делом для крестьян. Средствами для установки насоса располагали только богатые шейхи, помещики и представители городской знати. Они использовали установку насосов в качестве важного средства для усиления закабаления крестьян.

Прежде всего введение насосов увеличило захват племенных земель. Это происходило двояким путем. Владельцы насосов устанавливали их на участке земли, издавна обрабатывавшемся племенем, но не закрепленном за ним юридически (что было типично для Центрального и Южного Ирака). Через некоторое время владельцы насосов требовали, чтобы государство признало захваченный участок их собственностью. При этом они утверждали, что усовершенствовали данный участок путем создания ирригационной системы и, следовательно, согласно положению, применявшемуся при разделе земли еще турками (тапу), имеют на него право. Таким образом, право на землю переплеталось с правом на воду; и если в отношении земли еще можно было сослаться на обычай, то в отношении воды этого сделать было нельзя: все насосы были установлены недавно, и владельцы их известны. В таких случаях либо владелец насоса получал данный участок во владение от правительства (на правах тапу или лязмы¹⁶) и заставлял крестьян платить ему ренту, превращая их в издольщиков, либо сдавал насос в аренду крестьянам и, поскольку у последних не было достаточно количества денег, чтобы заплатить за него, снабжал их необходимой суммой под кабальные проценты. Кончалось это обычно тем, что в счет уплаты все нараставшего долга крестьян владелец насоса приобретал весь участок земли¹⁷.

Другой способ закабаления крестьян заключался в следующем. Если племя (чаще всего в лице шейха) имело документ на право владения участком земли, то

¹⁵ D. Warriner, *Land and poverty...*, p. 106.

¹⁶ Подробнее о правах тапу и лязма см. настоящее издание, стр. 22—23.

¹⁷ D. Warriner, *Land and poverty...*, p. 106, 116.

владельцу насоса разрешалось заключить с ним договор на 10-летний срок¹⁸. Договор предусматривал аренду насоса владельцами земли и, как правило, приводил к тем последствиям, о которых только что упоминалось: хозяин насоса, действуя как ростовщик, постепенно добивался перехода земли в его руки, зачастую даже раньше истечения положенного 10-летнего срока, на который предусматривалась аренда насоса.

Помимо закабаления крестьян установками насосов, помещики использовали для своего обогащения оросительные каналы, от которых зависело крестьянское хозяйство в зоне искусственного орошения. В большинстве случаев каналы являлись собственностью помещиков (имеются в виду не крупные государственные каналы, а многочисленные мелкие, отводившие воду на поля от рек и больших каналов). По словам Вильсона, «в провинции Хилла, в этом хлебном районе, насчитывается 54 канала с площадью орошения от 240 акров до 22 тыс. акров. Большинство этих каналов являются частными»¹⁹.

Наличие в руках помещиков каналов усиливало зависимость крестьян, так как ставило их под постоянную угрозу оказаться отрезанными от воды, питавшей их поля, и заставляло соглашаться на предложенные владельцами каналов кабальные условия раздела урожая.

В 1926 г. был издан закон, предусматривавший полное или частичное освобождение от налогов земель, орошаемых насосами²⁰. Это мероприятие способствовало переходу земель в руки владельцев насосов. Многие мелкие землевладельцы, стремясь избавиться от непосильных налогов, но не имея средств на приобретение насоса, либо залезали в долговую кабалу к ростовщику, чтобы добыть денег на покупку насоса, либо продавали свой участок владельцу насоса и работали на этой же земле уже в качестве арендаторов.

Развитие насосного орошения имело своим важным последствием вовлечение в сферу сельскохозяйственного производства городского капитала. В сельское хозяйство вошел новый элемент — городской капиталист²¹. Представители богатой городской знати и частично торговой бур-

¹⁸ «Special report by H. M. government...», p. 112.

¹⁹ Цит. по сб. «Аграрный вопрос на Востоке», М., 1933, стр. 290.

²⁰ «Special report by H. M. government...», p. 112.

²¹ S. Longrigg, *Iraq 1900 to 1950*, p. 262.

жуазии стали вкладывать капиталы в покупку и установку насосов; богатые купцы, не оставляя торговли, становились в то же время землевладельцами и ростовщиками. Тем самым пополнялся растущий класс земельных собственников. Возник союз богатых шейхов племен с городской торговой буржуазией, вложившей капитал в землю, а также с городской знатью, которая издавна была связана с землей (многие представители старинных знатных родов Багдада с давних времен владели участками земли, главным образом в районе Дияла). Именно этот союз и стал той силой, которая в течение длительного периода играла господствующую роль в экономической и политической жизни Ирака.

Наиболее знатные и богатые шейхи составляли небольшую группу крупнейших земельных собственников Ирака. Помещик, о котором сообщал известный экономист Боннэ, имел в районе северо-восточнее Багдада громадное поместье площадью 60 тыс. га, на территории которого было расположено 40 деревень, где жили 2 тыс. крестьянских семей, не считая 4 тыс. полусоседных кочевников.

Проблема собственности на землю в Ираке была исключительно запутанной, во многих районах наблюдалась совершенно хаотическая картина. Помещикам, шейхам, узурпировавшим племенную землю, необходимо было добиться юридического оформления своих прав.

В мае 1932 г. был издан закон об урегулировании прав на землю. Ведущую роль в подготовке земельной «реформы» 1932 г. сыграли английские власти. Они были инициаторами исследования, проведенного Даусоном, и авторами проекта нового закона.

Закон 1932 г. устанавливал следующую классификацию земель: частная (аради мамлюка), заброшенная или необрабатываемая (аради матрука), завещанная духовенству (аради маукуфа) и государственная (аради амирийя). Фактически это было повторением старой турецкой классификации.

Согласно новому закону²², государственная земля (амирийя) состояла из трех категорий:

1. Аль-муфаввада бит тапу (тапу) — земля, право на которую предоставлено, согласно тапу.

2. Аль-мамнуха биль лязма (лязма) — земля, пожалованная согласно положению о лязме.

3. Аль-амирийя ас сирфа (сирфа) — земля, отданная в распоряжение, т. е. в аренду.

Важнейшей чертой этого закона было введение новой категории земель — «лязма». Считалось, что такая форма землевладения наиболее соответствует условиям Ирака среди населения которого еще был силен родо-племенной уклад. Согласно одному из положений закона, земля категории лязма не могла быть продана или передана кому-либо вне данного племени; это мотивировалось стремлением сохранить единство племени. Обладателем права лязма становился тот, кто мог доказать, что он в течение 15 лет арендовал данный участок земли и обрабатывал его. Так же как вакфные и тапу, земли лязма могли быть отобраны государством, если их владелец систематически не обрабатывал свой участок.

Право на землю тапу утверждалось при наличии соответствующего документа, а при отсутствии такового — требовалось доказать, что владелец обрабатывал свой участок в течение 15 предыдущих лет. В противном случае документ тапу считался утратившим силу и участок переходил к государству.

Земли лязма, как и тапу, считались собственностью государства и были им как бы пожалованы частным лицам. Право лязма, как и тапу, было наследственным.

Каждый член племени, чтобы получить землю в лязму, должен был доказать, что он занимал определенный участок в течение десяти лет. В отношении племен, где обработка земли велась сообща, это было, разумеется, невозможно, и вся земля, обрабатывавшаяся племенем, регистрировалась на имя шейха, который получал лязму. В тех же случаях, когда крестьяне индивидуально обрабатывали землю, но не были прикреплены к определенному участку (это было связано с постоянными переменами, вызванными засолением почвы и т. д.), также не представлялось возможным закрепить права на землю за земледельцами; в таких случаях обычно земля считалась входящей в категорию сирф и регистрировалась опять-таки на имя шейха.

В ряде районов, где родо-племенные отношения практически уже не существовали, феллахам все же удалось закрепиться на индивидуальных участках, которые они

²² «Аль-Иха аль-Ватани» (الاحاء الوطنى), 2.VI и 3.VI.1932.

обрабатывали самостоятельно. Однако и в этом случае они были обязаны выплачивать шейху в виде своеобразного побора часть урожая — в среднем около $\frac{1}{5}$. Такое положение имело место главным образом в провинции Дивания, где к 1931 г. уже насчитывалось 8378 мелких земельных наделов площадью от 1 до 100 мушаров²³, в то время как в соседней провинции Хилла таких наделов было всего 452, а в провинции Дулайм — 2334. Правом лязма, таким образом, воспользовались «новые собственники», в основном шейхи, захватившие общинные земли.

Еще до широкого внедрения механических насосов крестьяне на этих землях закрепили за собой участки, орошаемые карадами (водяными колесами). Здесь урегулирование проводилось следующим образом: если, например, в племени имелось 100 земледельцев и каждый из них выплачивал шейху $\frac{1}{5}$ своего урожая, то государственная комиссия выделяла шейху участок, равный $\frac{1}{5}$ общей площади всей земли, обрабатывавшейся членами племени. Каждый феллах соответственно получал документ на право владения участком площадью $\frac{4}{5}$ своего прежнего участка²⁴.

Шейх, становившийся владельцем крупного участка, начинал сдавать землю в аренду феллахам своего же племени, индивидуальные наделы которых сократились. Однако вскоре, не будучи в состоянии свести концы с концами на своих маленьких участках, феллахи попадали в кабалу к шейху, запутывались в долгах и во многих случаях теряли и те участки, которые им были ранее предоставлены во владение. Закон о лязме разрешал переход участков из одних рук в другие в рамках того же племени, и таким образом шейх «законным» путем увеличивал свой надел, превращая мелких собственников — феллахов в безземельных арендаторов.

В ряде случаев шейхи или городские дельцы, стремясь заполучить побольше земли, подкупали государственные комиссии. «Обычно, — отмечала Уорринер, — в этих комиссиях работали чиновники, не обладавшие ни достаточной компетентностью, ни необходимой энергией, которые к тому же долго не засиживались на этой работе и не

успевали приобрести нужный опыт; не удивительно, что они становились продажными»²⁵.

Закон 1932 г., разработанный и проводившийся в жизнь классом помещиков, дал им возможность прочно закрепить за собой государственные земли. «Комиссии по урегулированию, — констатировала Уорринер, — осуществили в обширных районах отчуждение государственных земель в пользу шейхов племен и влиятельных горожан — владельцев насосов»²⁶.

Один из конкретных примеров такого распределения земель приводил иракский экономист Мухаммед Зарка²⁷: в 1936 г. возник вопрос о пустовавших землях в районе Абу-Гариб. Правительство объявило о своем решении распределить эти земли среди крестьян мелкими наделами. Фактически же все эти земли, площадь которых достигала 200 тыс. дунамов, были поделены между несколькими влиятельными лицам, каждое из которых владело десятками тысяч дунамов земли. Большая часть земель была отдана шейхам племени Шаммар на правах лязма.

Закон 1932 г., как правильно отмечалось в отчете американской миссии, облегчил процесс перехода земель в руки крупных землевладельцев²⁸. Даже ярый апологет политики британского империализма в Ираке — Лонгригг был вынужден признать, что деятельность комиссий по урегулированию была «слишком благоприятной для шейхов и полуабсентеистских городских землевладельцев и несправедливой по отношению к подлинным земледельцам», что «тысячи последних остались безземельными и столь же зависимыми, как прежде; владельцами земли стали шейхи и городские эксплуататоры с насосами»²⁹.

Формы эксплуатации в тот период носили типично феодальный характер. Хайят Джафар указывал, что наиболее распространенным способом распределения урожая на арендуемых землях являлось деление его на пять равных частей (кумат или фарадиш)³⁰. Государство получало 20% урожая, владелец земли и арендатор каждый имели по 40%.

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid.

²⁷ محمد زرقى، اقتصادنا الوطني، بغداد، ص ٤٢

²⁸ «Economic development of Iraq», p. 13.

²⁹ S. Longrigg, *Iraq 1900 to 1950*, p. 261.

³⁰ Дж. Хайят, *Иракская деревня*, стр. 37.

²³ «Statistical handbook of Middle Eastern countries», p. 82.

²⁴ D. Warriner, *Land and poverty...*, p. 112.

Боннэ, наблюдавший весной 1933 г. за распределением урожая в Центральном Ираке, приводил следующие данные³¹: государство получало 10%, владелец или крупный арендатор — 47,5%, феллах — 40%, саркал — 2,5%.

Как правило, феллах был не в состоянии расплатиться с долгами из суммы, вырученной от продажи своей доли урожая, и залезал в новые долги. Это приводило к тому, что ростовщик забирал у него весь урожай и переносил на следующий год оставшуюся часть долга. Дети работали после смерти отца, чтобы выплатить его долги. Они не имели права переменить место жительства, пока не рассчитаются полностью. Этим иногда пользовались крупные землевладельцы, которым не хватало рабочей силы: они выплачивали долги за целую деревню или даже несколько деревень и переводили все население, «освобожденное» таким образом от долгов, работать бесплатно на земли своего поместья³².

Так совершалось закабаление крестьян, превращение бывших свободных членов племени в издольщиков, распространение долгового рабства на целые поколения людей.

Наряду с этими феодальными формами эксплуатации на юге Ирака, в районах финиковых плантаций, распространялись капиталистические отношения. Там также существовала система сдачи земли в аренду, однако был довольно широко распространен и труд наемных рабочих, оплачиваемый деньгами или натурой.

Привлечение рабочей силы для работы на таких землях зачастую носило специфический характер. Боннэ следующим образом описывает найм рабочих в крупном поместье провинции Багдада: «Управляющий поместья обычно при помощи саркалов нанимал необходимое количество феллахов для работы на полях. Считалось, что после получения аванса эти люди находятся в долгу у хозяина и не могут оставить места работы без разрешения. В случае самовольного ухода правительство всегда могло силой заставить их вернуться на работу. Для ведения крупного хозяйства наличие такой наемной рабочей силы совершенно необходимо»³³.

Найти постоянное место работы было трудно в условиях, когда развитие промышленности тормозилось империалистами и помещиками, и волей-неволей феллахи были вынуждены соглашаться на «оплачиваемое рабство», как называл Боннэ этот фактически принудительный труд.

Созданное британскими империалистами в Ираке помещичье государство использовало законодательный аппарат для закрепления феодальной эксплуатации крестьянства. Юридическое закрепление сложившихся в Ираке аграрных отношений было осуществлено при помощи двух законов³⁴. Закон от 1931 г. устанавливал порядок предоставления сельскохозяйственного кредита и разрешал местным банкам, с предварительного одобрения министра финансов, кредитовать нуждающихся земледельцев, которые, однако, не должны были быть в долгу у государства и могли считаться «надежными», т. е. внушали уверенность в том, что они выплатят долг в установленный срок. Эта оговорка была направлена против подавляющей массы крестьян, находившихся в неоплатном долгу у ростовщиков. Ссуды предоставлялись на срок, не превышавший года, с них взималось 8%, размер займа не мог превышать 500 динаров. Правительство гарантировало банкам выплату долгов; не уплатившие считались должниками государства.

Этот закон принес пользу лишь крупным и средним землевладельцам, но несколько не улучшил положения мелких землевладельцев и тем более арендаторов. Как указывал в своей лекции бывший министр финансов Юсеф-бей Ганима, большая часть земледельцев была лишена помощи государства³⁵.

Закон от 1933 г. устанавливал, что землевладельцы должны пользоваться предпочтительным правом при взимании долгов с феллахов за семена, скот, сельскохозяйственное оборудование, при востребовании авансов и т. д. Тем самым устанавливалось право помещиков взимать с крестьян долги раньше государства и других кредиторов. Далее, в § 14 закона указывалось, что «при взимании долгов кредитор должен оставить феллаху достаточно средств, чтобы последний мог прожить в тече-

³¹ A. Bonné, *State and economics...*, p. 132.

³² Ibid.

³³ Ibid.

³⁴ «International labour review», 1937, February.

³⁵ «Аль-Иха аль-Ватани», 12.I.1932.

ние одного сезона, но при условии, что феллах обязуется остаться работать в поместье в течение последующих сельскохозяйственных сезонов». Иными словами, этот закон подтверждал порядок, по которому помещик имел право закрепить на своей земле крестьянина, не уплатившего долг. Только при условии такого закрепления феллаху оставались средства, необходимые для существования в течение сезона, в противном случае кредитор имел право отнять у феллаха все до последней нитки и пустить его по миру.

Но крестьянину некуда было уходить. Пытаться основать где-либо в другом районе новое хозяйство, не имея никаких средств, было невозможно, все равно пришлось бы обращаться к ростовщику и снова попадать в кабалу. В городе же работы не было. Феллах был вынужден оставаться работать на земле помещика. Государство обеспечивало помещиков рабочей силой и узаконивало долговую кабалу, граничившую с крепостничеством.

Тот же закон легализовал распространенную практику найма крестьян при условии уплаты их старых долгов. «Владельцу земли, — говорилось в законе, — запрещается нанимать феллаха, являющегося должником другого владельца земли, если только первый сам не возместит этот долг». Закон запрещал всем государственным и муниципальным учреждениям и зарегистрированным торговым компаниям и фирмам нанимать на работу лиц, имеющих задолженность в деревне. Если же таковое лицо уже находилось на службе, то с него обязаны были удерживать $\frac{1}{3}$ жалованья и пересылать кредитору данного лица в счет уплаты долга.

Этот параграф закона отнимал у крестьян всякую возможность уйти от помещика и найти применение своему труду в другом месте. Попавший в долговую кабалу крестьянин прочно закреплялся за определенным участком чужой земли, которую он должен был обрабатывать. Превращенный в арендатора, не имеющего ни своей земли, ни своих орудий производства, и находясь в постоянной задолженности, иракский крестьянин утрачивал возможность распоряжаться своей судьбой и терял личную свободу.

Государство, защищавшее интересы помещиков и ростовщиков, фактически не обеспечивало крестьян даже

минимальным сельскохозяйственным кредитом. В упоминавшейся лекции Юсефа-бей Ганима с сожалением отмечалось: «Надо сказать, что сельскохозяйственное кредитование и помощь в Ираке проводятся различными путями, и все они несправедливы с экономической точки зрения, так как у земледельцев нет кредитных организаций, которые бы давали им необходимые ссуды». Крестьяне берут ссуды у ростовщиков под процент, колеблющийся от 20 до 40 в год, под зимний или летний посев или продают землю (перед сбором урожая) на 30 — 60% дешевле существующей цены.

В Ираке сложилось несколько форм эксплуатации крестьян. Ниже приводятся наиболее типичные из них.

Крестьянин имеет участок земли, но из-за его ничтожных размеров не может обеспечить себя всем необходимым и вынужден дополнительно арендовать землю у помещика, получая в среднем всего 40% урожая. Крестьянин, обладавший своим участком и арендовавший дополнительно землю у помещика, был в состоянии в течение какого-то времени хотя и впроголодь, но все же кормиться вместе со своей семьей. Но в конце концов он неизбежно разорялся и терял свой участок, пополняя ряды крестьян другой категории, которая была преобладающей в Ираке.

Эта самая многочисленная категория состояла из крестьян, не имевших своих участков, а арендовавших землю у помещика и получавших в среднем 40% урожая. К этой категории относились крестьяне, обрабатывавшие землю своим инвентарем, и те, кто был лишен не только земли, но и всех средств производства. В обоих случаях крестьяне как будто бы отделены от земли, они не имеют своего участка, но тем не менее речь идет не о капиталистической аренде, так как существенным условием феодальной кабалы является не отделение, а, наоборот, прикрепление работника к земле. В действительности крестьянин, даже потеряв земельный участок, оставался прикрепленным к земле.

В Ираке для крестьянина не было возможности уйти в город, и он вынужден был оставаться в деревне. Ему ничего другого не оставалось, как работать на земле, чтобы не умереть с голоду. Потеряв свою землю либо из-за невозможности выплатить долги, либо в результате мошеннических махинаций чиновников, проводив-

ших «земельное урегулирование», крестьянин мог применить свои руки, свой жалкий инвентарь лишь на этой же земле. Чаще всего он оставался жить в том же доме, где раньше, и пахал тем же плугом тот же участок земли, который он обрабатывал, будучи его владельцем. Но теперь уже больше половины урожая он был обязан отдавать помещику и государству.

При отсутствии свободного рынка труда в Ираке обезземеливание крестьян нельзя рассматривать как их отделение от земли. Оно являлось специфической формой прикрепления их к ней. В отличие от помещиков пореформенной России иракские помещики, полностью отняв у крестьянина землю, ничего не теряли: он все равно оставался работать на них и не как вольнонаемный рабочий, а как арендатор-издольщик. Помещики лишь увеличивали при этом свои владения и доходы. Сдавая землю в аренду безземельным крестьянам, помещик присваивал не только продукт их прибавочного труда, но и часть продукта необходимого труда крестьянина (в силу чего крестьянин был вынужден залезать в долги, чтобы как-нибудь прожить). Крестьянин всегда находился под страхом, что в любой момент его могут согнать с земли.

В Ираке не существовало принципиального различия между теми крестьянами, которые, не имея земли, обладали все же своим инвентарем, семенами и т. д., и теми, которые уже не имели ничего, кроме своих рабочих рук. Последние также не были пролетариями. Даже в том случае если землю у помещика арендует крестьянин, лишенный не только земли, но и всех средств производства, и обрабатывает ее орудиями самого помещика, то он еще не является батраком в капиталистическом смысле этого слова, так как при этом, как в любом феодальном типе хозяйства, здесь базисом присвоения прибавочного продукта земельным собственником служит земельная собственность, а не капитал.

Анализируя схожую форму аграрных отношений в царской России, Ленин писал: «Это — старая престарая кабала. Нищий крестьянин, оставаясь нищим и полуголодным даже в лучший год, имея слабую, голодную лошадь, имея старые, жалкие, нищенские орудия, идет в кабалу к помещику, к „барину“, потому что мужику нелегко деться. „Барин“ не даст ни земли в аренду, ни

поезда, ни водооя, ни лугов, ни лесных материалов без того, чтобы крестьянин шел в кабалу... Это не крупное хозяйство помещиков. Это кабала мужика. Это — крепостническая эксплуатация миллионов обнищавшего крестьянства посредством имений в тысячи десятин, имений помещиков, которые со всех сторон сжали и придушили мужика!»³⁶.

В условиях Центрального и Южного Ирака базисом присвоения феодалом прибавочного труда крестьян была не только собственность на землю, но и собственность на воду.

Другую категорию составляли крестьяне, которые самостоятельно вели хозяйство на своем, фактически им принадлежавшем, участке, но считавшемся общинным владением племени. Такой крестьянин получал 60% продукции, производимой им на своем участке, выплачивая 30% государству в виде налога и 10% — шейху племени. В налог, уплачиваемый государству, считавшемуся собственником земли, фактически входила и рента. Такая форма присвоения прибавочного продукта крестьян помещичьим государством, расходующим полученные средства на содержание аппарата насилия, в конечном счете представляла собой ограбление крестьян помещиками.

Доля же, уплачиваемая шейху, являлась не рентой, а феодальным побором. Сосредоточивая в своих руках крупные средства, образовавшиеся за счет поборов, шейх становится ростовщиком, ссужающим семена или деньги крестьянам, попавшим в тяжелое положение вследствие неурожая или в силу других причин. Это — начало процесса закабаления, заканчивающегося переходом общинных земель в руки шейха и превращением мелких земельных собственников в арендаторов-издольщиков.

В ряде районов страны еще существовала барщина, т. е. безвозмездная обработка крестьянами помещичьих земель, что свидетельствовало о наличии прямого внеэкономического принуждения. Последнее имело место и в районах общинных земель.

«Возник могущественный и богатый класс феодалов,—писал об этом же Вайтон,—который, не будучи

³⁶ В. И. Ленин, *К вопросу об аграрной политике (общей) современного правительства*, — Сочинения, т. 19, изд. 4, стр. 168, 169.

заинтересован в улучшении производительности земли... тяжелым бременем висел на крестьянстве... Неспособные сами использовать землю, они не давали ее другим. Так создалось парадоксальное положение: страна с огромным излишком земли, способная прокормить сельскохозяйственное население, по крайней мере в 8 раз превышающее нынешнее, страдает от земельного голода»³⁷.

По имеющимся данным, в 40-х годах в Ираке из пригодной для обработки земли общей площадью 121 тыс. кв. км фактически обрабатывалось только около 22 тыс. кв. км³⁸. На пути развития сельскохозяйственного производства непреодолимой преградой стояла отжившая свой век феодальная система.

«В земледелие, — писал Ленин, — капитализм проникает особенно медленно и среди чрезвычайно разнообразия форм»³⁹. В Ираке же феодализм удерживал свои позиции в значительной степени при помощи внешней силы. В свою очередь в лице иракских помещиков британские империалисты обрели социальную опору в стране. Англичане способствовали переходу общинных земель в руки шейхов; английские штыки охраняли власть иракских помещиков и позволили им утвердить свое господство, создать свой аппарат насилия и грабежа народных масс.

Превратив Ирак в рынок сбыта своих товаров, империалисты затормозили развитие национальной промышленности страны, способствовали росту аграрного перенаселения, приковали нищих иракских крестьян к земле, преградив им путь в город, т. е. обеспечили господство кабальных феодальных отношений в иракской деревне. Тем самым империализм, закрепив позиции феодализма в Ираке, способствовал консервации феодального базиса страны.

Засилье империализма и феодалов вело к экономической отсталости.

Ирак обладает колоссальными гидроэнергетическими ресурсами, которые, будучи поставлены на службу народному хозяйству, смогли бы сыграть громадную роль в индустриализации страны.

³⁷ A. Viton, *Iraq: a study in imperialism*, — «Asia», 1938, January.

³⁸ «Kingdom of Iraq...», p. 55.

³⁹ В. И. Ленин, *Развитие капитализма в России*, — Сочинения, т. 3, изд. 4, стр. 146.

По данным Даусона, из общего числа жителей Ирака, составлявшего в 1931 г. 2824 тыс. человек, в городах жило лишь 578 тыс.⁴⁰. Подавляющее большинство городского населения проживало в трех крупных городах — Багдаде, Мосуле и Басре.

По официальным английским данным, в стране к началу 30-х годов насчитывалось 11 тыс. рабочих (в эту цифру не включены ремесленники и рабочие, занятые в сфере услуг). Наиболее крупным отрядом рабочего класса (по данным 1930 г.)⁴¹ были железнодорожники — 5,7 тыс. Нефтяников насчитывалось свыше 3 тыс.; в порту Басра работало около тысячи человек. В легкой промышленности также было занято очень незначительное число рабочих.

В начале 30-х годов промышленность в Ираке была развита слабо. В 1931 г. насчитывалось только 18 предприятий легкой промышленности, пользовавшихся привилегиями по закону о поощрении индустрии. К 1938 г. количество таких предприятий выросло до 67, но и тогда численность занятых на них рабочих не превышала 5 тыс.⁴².

Рабочий класс, очевидно, составлял в 30-х годах меньше 10% городского населения. Невелика была по численности и промышленная буржуазия. Что касается торговой буржуазии, то, по официальным данным, в 1931—1932 гг. в Ираке насчитывался 4191 зарегистрированный торговец⁴³.

Ниже приводятся данные, характеризующие рост числа предприятий отдельных отраслей иракской промышленности с 1929 по 1941 г.⁴⁴:

	1929	1933	1937	1939	1941
Мукомольная	1	2	4	4	6
Спирто-водочная	1	2	3	4	4
Сигареты	—	11	12	10	8
Спички	—	1	5	5	5
Мыло, парфюмерия	1	2	4	4	5
Ткацкая и вязальная	—	2	4	5	5
Хлопкоочистительная	1	2	2	3	3

⁴⁰ E. Dowson, *An enquiry...*, p. 12.

⁴¹ «Special report by H. M. government...», p. 246.

⁴² «Statistical handbook of Middle Eastern countries», p. 84.

⁴³ «Statistical abstract of Iraq for 1940», p. 197.

⁴⁴ «Statistical handbook of Middle Eastern countries», p. 84.

Кожевенная	1	2	2	2	1
Кирпично-черепичная . . .	2	5	8	16	20
Типографская	1	2	2	2	3
Прочие	—	7	13	16	12

Всего 8 38 59 71 72

В 1929 г. был издан закон о поощрении индустрии, согласно которому национальные предприятия вышеперечисленных отраслей освобождались от подоходного налога на шестилетний период, а также от пошлин на ввозимое сырье. Затем был провозглашен «пятилетний план» развития индустрии. Источником финансирования этого плана, утвержденного парламентом в июне 1931 г., являлись платежи нефтяных компаний. Он предусматривал проведение больших общественных работ и рекламировался в правительственных кругах как начало коренного преобразования иракской экономики.

«Пятилетний план» провалился. Было признано необходимым изменить его основные положения. В начале 1936 г. план в новом виде был представлен парламенту.

Приведенные данные показывают, что рост предприятий происходил крайне неравномерно. Существенно возросло лишь производство кирпича и черепицы; эта отрасль стала одной из крупнейших в стране. В 1938 г. было произведено 72 млн. штук кирпича, а на кирпичных заводах было занято 1644 рабочих. В том же году на табачных фабриках работало лишь 780 человек, на спичечных — 91, мыловаренных — 41, винокуренных — 74, кожевенных — 12 человек⁴⁵.

Английский империализм, контролировавший и направлявший экономическую политику иракского правительства, не был заинтересован в развитии национальной промышленности Ирака. Особенных усилий для того, чтобы воспрепятствовать индустриализации Ирака, англичанам прилагать не приходилось, так как местная правящая верхушка, довольствуясь прибылями, которые ей приносило вложение капиталов в землю, сама не стремилась к созданию местной промышленности. Помещики понимали, что с развитием промышленности для закабаленных крестьян появится возможность найти себе работу в городе.

⁴⁵ Ibid.

Правящие круги Ирака не проводили политики протекционизма, которая могла бы оградить национальные предприятия от конкуренции иностранных фирм. Ирак ввозил множество товаров, которые могли быть изготовлены на месте. Выступая с докладом в январе 1932 г., Юсеф-бей Ганима, возмущаясь тем, что Ирак израсходовал крупные суммы на закупку цемента, говорил, что страна в состоянии сама производить этот простой вид промышленной продукции. Точно так же, по его словам, обстояло дело и с сахаром, бумагой, стеклом и рядом других товаров, импортировавшихся Ираком, в то время как имелись все возможности наладить их производство собственными силами. «Надо, — заявил Ганима, — чтобы все граждане начали пользоваться изделиями отечественного производства»⁴⁶.

С призывами покупать в первую очередь иракские товары выступала неоднократно и печать, но, конечно, никакой патриотизм населения не мог обеспечить такого повышения конкурентоспособности товаров широкого потребления иракского производства, которое позволило бы им успешно состязаться с продукцией иностранных фирм, не говоря уже о том, что целый ряд товаров в Ираке вообще не производился. В результате такого положения внешняя торговля Ирака имела колониальный характер.

В среднем в 1930—1937 гг. импорт Ирака почти вдвое превышал экспорт. Так, в 1930 г. было ввезено товаров на 5 734 984 динара, а вывезено на 2 893 455 динаров, в 1931 г. — соответственно 4 752 305 и 2 638 107 динаров и т. д. После 1937 г. разрыв увеличился еще больше. Так, в 1938 г. импорт составил 9 361 004 динара, экспорт (без нефти) — 3 472 369 динаров⁴⁷.

Наиболее крупными статьями импорта являлись хлопчатобумажные изделия, сахар и чай, составлявшие вместе от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{6}$ всей стоимости импорта. Главными статьями экспорта после нефти были зерно, финики и шерсть.

При сравнении цифр внешней торговли Ирака в 30-х годах и начале 50-х годов хорошо видны размеры ограбления Ирака империалистами в результате увеличения неэквивалентного обмена.

⁴⁶ «Аль-Иха аль-Ватани», 15.I.1932.

⁴⁷ «Statistical abstract of Iraq for 1940», p. 130.

Цена тонны фиников — важнейшего предмета иракского экспорта — выросла за этот период примерно в три с половиной раза (средняя цена в 1935—1938 гг. составляла приблизительно 5 динаров⁴⁸, в 1950—1953 гг. — 18 динаров⁴⁹). За это же время цена тысячи метров хлопчатобумажных тканей — важнейшей статьи иракского импорта — выросла примерно в шесть раз (соответственные цифры — примерно 16 и 97 динаров), а средняя цена тонны сахара — другого важнейшего предмета ввоза — примерно в пять раз (11 и 53). Следовательно, если в 30-х годах для ввоза тонны сахара Ираку необходимо было вывезти 2 т фиников, то в начале 50-х годов, чтобы ввезти такое же количество сахара, требовалось вывезти уже 3 т фиников. Для покупки тысячи метров тканей Ираку в 30-х годах надо было продать 3 т фиников, а спустя 15 лет — уже 5,4 т. Иначе говоря, динамика внешней торговли Ирака показывает, что рост цен вывозимых товаров значительно отставал от роста цен ввозимых предметов потребления. Пользуясь своим монопольным положением, империалистические страны грабили Ирак, принуждая его к неэквивалентному обмену товаров и наживаясь за счет иракского народа.

Во внешнеторговом обороте Ирака наибольший удельный вес приходился на долю Англии. По данным официальной статистики, доля Англии в иракском импорте за 1929—1935 гг. составляла последовательно (в процентах к общему импорту) 31, 34, 27, 34, 25, а доля ее в экспорте Ирака за эти же годы — соответственно 20, 26, 31, 37 и 31.

Англия вывозила около 80% всего иракского ячменя, шедшего на экспорт (ячмень использовался в Англии для корма скота и для изготовления пива), поставляла Ираку примерно 80% спиртных напитков, 40% металла и машин и т. д.⁵⁰. Значительную роль во внешней торговле Ирака играли страны Британской империи, особенно Индия, доля которой в иракском импорте в начале 30-х годов составляла 18%, в экспорте — 20%. Индия наряду с Англией и США являлась крупнейшим экспортером иракских фиников.

⁴⁸ Ibid, p. 156.

⁴⁹ «Economic and commercial conditions of Iraq», 1953.

⁵⁰ «Economic conditions in Iraq, 1933», p. 16, 18, 21.

Внутренняя торговля Ирака отражала отсталость страны, узость внутреннего рынка, связанную с нищетой закабаленного крестьянства — основной массы населения, зависимость от иностранных поставщиков. Правда, процесс развития внутреннего рынка ускорился после отмены мандата и ослабления английского влияния в экономической и политической жизни Ирака. В 1930/31 г. в Ираке насчитывалось всего 122 зарегистрированные компании и 2112 зарегистрированных торговцев, в 1936/37 г. — уже 553 компании и 4110 торговцев. Характерным, однако, было почти полное отсутствие капиталистических компаний акционерного типа: в 1933/34 г. в Ираке было зарегистрировано всего три акционерных общества с ограниченной ответственностью, с общим капиталом 25 тыс. долл. Кроме того, в Ираке действовали филиалы шести иностранных акционерных компаний (одна — торговая, три — транспортные и две — страховые). К началу войны число иракских акционерных обществ увеличилось до девяти (в том числе шесть промышленных и два торговых) с общим капиталом 90 тыс. динаров⁵¹.

Несмотря на окончание мандата, английские чиновники, все еще занимавшие видные посты в иракском государственном аппарате, наносили немалый ущерб экономике страны. Высокие оклады, выплачивавшиеся этим чиновникам, сильно обременяли казну. Так, по сообщениям иракской печати, жалование 33 высокопоставленных иностранных чиновников управления порта Басра составило в 1932 г. 448 983 рупии. Кроме того, управление выплатило за них в пенсионный фонд 75 942 рупии. И это в то время, когда годовой доход порта Басра и управления строительства равнялся 447 330 динарам⁵².

Англичане передали иракскому государству целый ряд убыточных предприятий, в том числе железные дороги, расходы которых составляли 508 888 динаров, а расходы достигали 519 504 динаров. Этот дефицит Ирак был вынужден покрывать за счет казны. В 1938/39 г. доходы железных дорог составили 697 306 динаров, а расходы — 839 780 динаров, в 1939/40 г. соответствующ-

⁵¹ «Statistical abstract of Iraq for 1940», p. 197.

⁵² «Аль-Ахали» (الاهالي), 12.VI.1933.

щие цифры составили 711 356 динаров и 754 008 динаров⁵³.

Все эти махинации как нельзя лучше характеризовали подлинный характер взаимоотношений между империалистической Англией и «независимым» Ираком.

В этой связи интересен тот факт, что «Ирак петролеум компани» (ИПК), добывающая иракскую нефть, ввозила обратно в Ирак очищенные нефтепродукты и продавала их по ценам, установленным в районе Мексиканского залива, где нефть вообще стоила значительно дороже, чем на Ближнем Востоке. Вслед за девальвацией доллара в 1933 г. экспортные цены на нефтепродукты в Мексиканском заливе повысились, и в соответствии с соглашением цены, взимаемые с иракских потребителей за нефтепродукты, также были повышены. Ирак протестовал, указывая, что другие страны, ввозя такие же нефтепродукты, платят меньше, но ИПК отказалась пойти навстречу законным требованиям Ирака. Как указывалось в труде, изданном в США, «по-видимому, с потребителей в Ираке продолжали взимать цены, основанные на котировках цен в Мексиканском заливе, несмотря на то, что: а) сырая нефть добывается в Ираке, б) она добывается по низкой себестоимости, в) она перерабатывается на близлежащем нефтеочистительном заводе, г) нефтепродукты сбываются местной компанией»⁵⁴.

Таким образом, империалистические монополии наживались на снабжении Ирака иракской же нефтью.

Нефть была для Англии главной притягательной силой в Ираке. Вначале, правда, существовали и другие экономические мотивы, предопределившие проникновение в эту страну английских монополистов. В частности, некоторые представители деловых кругов Англии собирались превратить Ирак в поставщика хлопка. Первая попытка в этом направлении была сделана, когда английские капиталисты приобрели вблизи Багдада в районе Лятифия земельный участок площадью 60 тыс. акров специально для создания хлопковой плантации. Была учреждена компания «Латифия эстейтс». Однако разведение хлопка не дало ожидаемых резуль-

татов, и, как сообщала в 1933 г. английская пресса, было решено не культивировать хлопок в широком масштабе.

Какую же роль в экономическом и политическом развитии Ирака играло то обстоятельство, что нефтяные богатства страны были захвачены империалистами?⁵⁵

Иракская нефть целиком шла на экспорт (за исключением небольшого количества, добываемого английской нефтяной компанией «Ханекин ойл компани») и не использовалась в хозяйстве страны. Свои потребности в нефтепродуктах Ирак удовлетворял как за счет переработки ханекинской нефти, так и путем импорта. Так, в 1939 г., когда ИПК добыла свыше 4 млн. т нефти, Ирак ввез примерно 60 тыс. т нефти, 10 тыс. т керосина и 10 тыс. т бензина и авиационного спирта⁵⁶. Таким образом, страна, на территории которой добывалось огромное количество нефти, была вынуждена ввозить из-за границы необходимые нефтепродукты и платить за них втридорога.

Вначале эксплуатация нефтяных богатств Ирака не оказала сколько-нибудь серьезного влияния на экономику страны. Иностранная нефтяная компания создала в Ираке своего рода «государство в государстве», почти так же, как это имело место в Южном Иране, на предприятиях «Англо-Иранской нефтяной компании». Соколовища иракских недр извлекали из земли, их перекачивали по нефтепроводу к Средиземному морю, и они входили в оборот мирового хозяйства, но иракский народ, которому эти богатства принадлежали, совершенно ими не пользовался. Нефтеобрабатывающей промышленности в Ираке не было, количество рабочих, занятых в нефтедобыче, было невелико. Так, в 1934 г. из 5237 рабочих и служащих, занятых на предприятиях нефтяных компаний, было 4999 иракцев. К 1939 г., после того как закончилось строительство нефтепроводов, это число даже снизилось до 3987⁵⁷. Нефтяники состав-

⁵⁵ Борьба за иракскую нефть весьма полно изложена в многочисленных работах как советских, так и иностранных авторов. См., например: Б. Данциг. *Ирак*; А. Санталоз. *Империалистическая борьба за источники сырья*; Л. Денни. *Борьба за нефтяную монополию*; Н. Лонгригг. *Iraq 1900 to 1950*.

⁵⁶ «Statistical abstract of Iraq for 1940», p. 118.

⁵⁷ Ibid., p. 116.

⁵³ «Statistical abstract of Iraq for 1940», p. 100.

⁵⁴ «Международный нефтяной картель», стр. 120.

ляли, правда, относительно крупный (наряду с железнодорожниками) отряд рабочего класса в Ираке, но тем не менее наличие нефтепромыслов не разрешило проблемы занятости, проблемы, связанной с бегством в город разорившихся крестьян. Таким образом, и в этом отношении эксплуатация иракской нефти ничего не давала народным массам Ирака.

Ирак получал «ройялтиз», т. е. отчисления с доходов от нефти, в размере 4 шилл. с каждой тонны. С 1935 г. компания стала выплачивать иракскому правительству дополнительно 60 тыс. ф. ст. в год за добычу, превышавшую 4 млн. т. Именно на этом и основывала свои утверждения английская пропаганда о якобы «благодетельном воздействии» на Ирак деятельности нефтяной компании. Дело изображалось таким образом, будто Ирак, который все равно не смог бы собственными силами эксплуатировать свои нефтяные богатства, получил огромную выгоду, сдав нефтеносные участки в аренду; не тратя средств и усилий, страна лишь получала крупные суммы за то, что эти богатства случайно были обнаружены именно на ее территории.

Фактически же, не говоря уже о том, что отчисления в пользу Ирака составляли лишь небольшой процент прибылей компании, они доставались не иракскому народу, а правившей феодальной верхушке. Для народа Ирака это «благодетельное» оборачивалось большим злом, ибо «ройялтиз» укрепляли союз правящих кругов страны с империалистами.

Открытие в Ираке богатых запасов нефти резко обострило интерес английского империализма к этой стране, что наряду со стратегическим значением Ирака послужило основной причиной упорного стремления Англии поставить эту территорию под свой контроль. «Британское правительство, — писали английские публицисты Дэвенпорт и Кук, — независимо от его политических обязательств, чувствовало себя привязанным к Ираку концессиями контролируемых им нефтедобывающих компаний»⁵⁸.

Захват иракской нефти иностранным капиталом закрыл доступ национальному капиталу в нефтедобываю-

щую промышленность. Правда, в описываемый период национальная буржуазия в Ираке была еще очень слаба. Однако иракская буржуазия все же сосредоточивала в своих руках довольно солидные капиталы, приобретаемые в основном в торговой сфере. Невозможность прибыльно вложить эти капиталы в сферу промышленности приводила к тому, что они по преимуществу вкладывались в землю. Следствием же этого процесса, как доказал еще Маркс, являлось возрастание цен на земельные участки и раздувание земельной ренты, что в конечном счете вело к ухудшению положения крестьян. Полагать, что в иракских условиях, при небольшой плотности населения и отсутствии земельного голода, данное положение неприменимо, было бы неверно, так как необходимо учитывать факт ограниченности пригодной для обработки земли и роль ирригационных сооружений.

Таким образом, эксплуатация иракской нефти иностранными монополиями, разграблявшими естественные богатства страны и наживавшими колоссальные прибыли, подрывала возможность нормального экономического развития страны. Лишенный возможности самостоятельно распоряжаться сокровищами своих недр, Ирак был обречен на роль поставщика сырья для империалистических монополий.

Отсталость и зависимость от иностранного капитала экономики Ирака предопределяли бедственное положение народных масс. Вопрос о положении народных масс в Ираке — это прежде всего проблема крестьянства. Обрабатываемая в Ираке земля составляла в рассматриваемый период 22 тыс. кв. км. Исходя из того что в земледелии занята половина населения (т. е. 2250 тыс.) и что каждый крестьянин получал половину произведенной им сельскохозяйственной продукции, иракский экономист Джавад высчитал, что каждые 112,5 человека потребляли не более 50% продукции, производимой на 1 кв. км земли⁵⁹.

Если продолжить эти расчеты, то можно вычислить, исходя из среднего сбора ячменя (7,7 ц на га) и пшеницы (7,2 ц на га)⁶⁰, что на долю одного человека из чис-

⁵⁸ E. Davenport, S. Cooke, *The oil trusts and Anglo-American relations*, p. 151.

⁵⁹ H. Jawad, *The social structure of Iraq*, p. 19.

⁶⁰ «Yearbook of food and agricultural statistics», 1947, p. 10, 11.

ла земледельческого населения приходилось менее 4 ц зерновых культур в год, что следует признать крайне низким показателем. Надо, однако, иметь в виду, во-первых, что Джавад явно занизил процент земледельческого населения и, во-вторых, что в среднем доля продукта, приходившаяся на крестьянина, составляла не половину, а значительно меньшую часть общего сбора. Следовательно, на крестьянина приходилось еще меньше, чем 400 кг зерновых в год.

По оценке Джавада, стоимость сельскохозяйственной продукции, приходившейся на долю крестьянина и его семьи из пяти-шести человек, равнялась в зоне орошаемого земледелия 10—12 динарам, а в зоне богарного земледелия — 15—20 динарам⁶¹. По некоторым данным, доход крестьян перед второй мировой войной не превышал 5 динаров. Как правило, крестьяне, помимо земледелия и скотоводства, занимались побочным промыслом. «Среди кочевых племен и сельского населения, — указывалось в органе международной рабочей организации, — главными ремеслами являются прядение и ткачество. Хлопчатобумажные, шерстяные и даже шелковые изделия вырабатываются на ручных станках почти повсюду»⁶².

«Полагая, — писал Джавад, — что вложения в среднее крестьянское хозяйство составляют всего 5—10 ф. ст. Зажиточным крестьянином считается тот, кто имеет корову, одну или две овцы, одного или пару мулов, плуг и несколько деревянных или железных мотыг»⁶³.

Положение рабочего класса мало чем отличалось от положения крестьян. Ни одна категория рабочих не получала заработной платы, достаточной для обеспечения прожиточного минимума. В начале 30-х годов строительный рабочий зарабатывал в день 16 центов, нефтяник — 50 центов, батрак — 15—19 центов⁶⁴. В 1930 г. железнодорожный рабочий получал в день от 40 центов до 1,5 долл. В официальном английском отчете дается описание одного из «крупнейших» иракских предприятий — ткацкой фабрики, созданной в 1926 г. в Кадимейне. Здесь работало 180 человек, из них примерно 75 мужчин, 60

женщин и 45 мальчиков. Мужчины зарабатывали от 26 центов до 1 долл. 10 центов в день, женщины — 18 центов, дети от 10 до 16 лет — от 26 до 65 центов в день. По данным того же отчета, на прядильной фабрике в Багдаде, оборудованной ручными машинами, было занято 300 девушек от 12 до 20 лет. Их рабочий день был очень длинным, а заработная плата колебалась от 14 долл. в год для учениц до 100 долл. для квалифицированных работниц. В кожевенной промышленности, сообщал далее отчет, в день «рабочие получают от 36 до 65 центов. Женщины, занимающиеся отделением шерсти от кожи, зарабатывают от 18 до 22 центов. Мальчики, которые работают погонщиками ослов и мулов, перевозящих шкуры, зарабатывают лишь несколько грошей и питаются главным образом горстью фиников, которую им удается взять из запасов, используемых в кожевенном производстве. Рабочий день ничем не ограничен»⁶⁵.

В нефтяной промышленности, по данным отчета, положение рабочих было несколько лучше. Месячная заработная плата неквалифицированного рабочего составляла 11 долл., квалифицированного — 43—65 долл. Была установлена 50-часовая рабочая неделя; за смерть или увечье полагалась компенсация в размере 700 долл.⁶⁶

Весной 1936 г. был издан закон о труде. Правительство пошло на этот шаг под давлением развертывавшегося рабочего движения. Вскоре выяснилось, что этот закон — сплошная демагогия и обман рабочего класса. Даже Лонгригг вынужден был признать, что практические результаты введения закона о труде были небольшими. Закон не устанавливал продолжительности рабочего дня, предоставлял соответствующее право правительству. Положение об оплате 10-дневного ежегодного отпуска, а также оплате по болезни (не свыше 15 дней в

⁶¹ H. Jawad, *The social structure of Iraq*, p. 21.

⁶² «International labour review», 1937, February, p. 211.

⁶³ H. Jawad, *The social structure of Iraq*, p. 20.

⁶⁴ «Революционный Восток», 1934, № 6, стр. 88.

⁶⁵ «Special report by H. M. government...», p. 246, 247. — Следует отметить, что в иракской промышленности широко применялся детский труд. По закону, изданному в марте 1934 г., официально разрешалось нанимать для ручной работы детей в возрасте до 12 лет. Это мотивировалось следующим образом: во-первых, положение рабочей семьи требует, чтобы дети работали, иначе им не на что будет существовать; во-вторых, пока нет обязательного всеобщего обучения, дети могут деморализоваться, если их оставить без работы.

⁶⁶ Ibid., p. 245.

году) распространялось лишь на предприятия с десятью рабочими или более. В законе отсутствовало запрещение увольнять беременных женщин и т. д. Лишь в 1942 г. было издано «дополнение» к закону, предусматривавшее запрещение детского труда, вводившее оплачиваемые отпуска и т. д.⁶⁷

В исключительно тяжелом положении находились безработные, число которых для Ирака было довольно велико. В июне 1932 г. в Союзе рабочих было зарегистрировано 5 тыс. безработных⁶⁸. Следует, однако, иметь в виду, что регистрация безработных, как правило, проводилась лишь в Багдаде и, таким образом, не отражала положения дел на периферии. Об уровне жизни безработных иракский автор сообщал следующее: «Большое число лиц из племени альбу мухаммед переселилось в города, чтобы найти себе пропитание, они работали носильщиками, строительными рабочими... Остальные (т. е. не нашедшие работы. — Г. М.) члены племени страдают от голода и холода. Они питаются хлебом, травой и рыбой, ходят без одежды, за исключением повязки вокруг бедер»⁶⁹.

«Крестьянин, — писал Джавад, — ест очень мало мяса и закалывает овцу лишь для гостей или когда она уже безнадежно больна»⁷⁰.

Об ужасных условиях жизни и о распространенности различных заболеваний среди широких народных масс Ирака Кимхе, например, сообщал следующее: «Десятки тысяч нищих беженцев устремляются в Багдад каждую весну, спасаясь от разлива Тигра. Они строят глиняные лачуги по соседству с роскошными домами богачей или убогие жилища на пустырях. Ежегодно от малярии умирает 50 тыс. человек... Эти данные недостоверны, так как настоящая статистика отсутствует... В деревнях нет врачей, и о всех случаях заболевания тифом сообщается как о малярии»⁷¹. В 1934 г., по официальным данным, в Ираке насчитывалось 476 тыс. больных глазными болезнями, 606 тыс. страдающих эндемическими желудочно-кишечными и 410 тыс. эпидемическими и ин-

фекционными болезнями; сифилисом болело 600 тыс. человек⁷².

В 1935 г. правительство приняло так называемый Пятилетний план здравоохранения, причем предполагалось посвятить первый год борьбе против малярии и сифилиса, второй — против холеры и чумы. Этот план не улучшил состояние здравоохранения. Число заболевших не уменьшилось (табл. 1).

Таблица 1

Зарегистрированные больные в 1934—1938 гг. *
(тыс.)

Болезни	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.
Эпидемические и инфекционные	410	484	826	763	702
Глазные	476	582	652	766	828
Желудочно-кишечные	506	591	718	773	797

* «Statistical abstract of Iraq for 1940».

Как явствует из табл. 1, болезни продолжали распространяться.

Состояние здравоохранения было крайне неудовлетворительным (табл. 2).

Таблица 2

Число лиц, лечившихся от наиболее распространенных болезней в 1934—1938 гг. *
(тыс.)

Болезни	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.
Малярия	277	349	635	582	524
Трахома	220	274	358	409	428

* «Statistical abstract of Iraq for 1940», p. 22.

По данным, относящимся к 1950 г., в стране с 5-миллионным населением насчитывалось всего 811 врачей.

⁷² «International labour review», 1937, February, p. 203.

⁶⁷ S. Longrigg, *Iraq 1900 to 1950*, p. 246, 312.

⁶⁸ «Аль-Ихъ аль-Ратахи», 21 VI.1932.

⁶⁹ M. F. Jamali, *The new Iraq...*, p. 134.

⁷⁰ H. Jawad, *The social structure of Iraq*, p. 20.

⁷¹ J. Kimche, *Seven fallen pillars*, p. 85.

из которых 444 жили в Багдаде. По стране, за исключением Багдада, на 11 тыс. человек приходился один врач⁷³.

Феодално-монархический режим показал свою неспособность разрешить одну из самых жгучих проблем Ирака — поднять жизненный уровень подавляющей массы населения, точно так же, как он был не в состоянии разрешить и другие насущные проблемы Ирака.

⁷³ «Economic and commercial conditions in Iraq», p. 29.

ГЛАВА II

ФЕОДАЛЬНО-БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ ДИКТАТУРА

Становление «черного режима»

Подавляющее большинство населения Ирака, как уже отмечалось, составляли крестьяне. Рабочий класс был численно невелик, основной массой городского населения были ремесленники, мелкие торговцы (эти слои у арабов называются «ахль ас-сук» — «люди базара»), а также лица, обслуживавшие представителей обеспеченных классов.

Имелась еще одна категория лиц, отсутствующая в материалах статистики, — это буржуазно-феодалная интеллигенция, обычно именуемая «эфенди». Под термином «эфенди» подразумевался не столько учитель, врач, юрист или литератор, сколько молодой человек, выходец из состоятельной семьи крупных землевладельцев или купцов, получивший высшее образование, главным образом за границей, либо являющийся студентом одного из багдадских учебных заведений.

Эта немногочисленная прослойка играла важную роль в политической жизни Ирака. По старой турецкой традиции административный аппарат и армия считались наиболее достойными сферами деятельности для молодых людей из состоятельных семей. Воспитание и традиция способствовали тому, что сыновья обеспеченных родителей не проявляли склонности к применению своих сил на поприще народного образования и здравоохранения, а тем более в индустрии или других отраслях народного хозяйства. Конец турецкого владычества и создание своего арабского правительства, казалось, сули-

ли им широкие перспективы политической и административной деятельности. Но в мандатный период преобладание в государственном аппарате англичан и старых турецких чиновников закрыло молодым «эфенди» путь к руководящим постам. Это и было одним из основных мотивов, побудивших лиц этой категории активно включиться в борьбу за отмену мандата. Несомненно, что к этому примешивалось и оскорбленное национальное чувство, особенно обострившееся у представителей этой группы в годы пребывания в европейских учебных заведениях, где вся атмосфера была проникнута духом буржуазного национализма. Сравнивая свою отсталую, зависимую от чужеземцев родину с государствами Запада, эти буржуазные интеллигенты не могли не испытывать чувства горечи и обиды за унижения, которым подвергались их нация.

Идеи арабского возрождения, распространившиеся еще в последние десятилетия турецкого господства и вдохновлявшие борцов за освобождение арабских стран, приобрели антимпериалистическую направленность, как только владычество турок сменилось гнетом держав Запада. Мечты о политическом и культурном возрождении арабских государств, восстановлении былой славы и могущества арабов, об их объединении, которое позволило бы им вновь занять почетное место среди ведущих наций мира, находили благоприятную почву в среде национальной буржуазии наиболее развитых арабских стран (Египет, Сирия).

В Ираке носителями идей арабизма стали молодые интеллигенты из буржуазно-помещичьей среды. На Запад они смотрели со смешанным чувством восхищения и ненависти. Они стремились к созданию независимого национального государства, в котором им принадлежала бы ведущая роль, государства, построенного по западноевропейскому образцу. Однако на практике они оказались беспомощными перед новыми задачами, возникшими после отмены мандата. Правда, теперь возможности достижения административной карьеры для них несколько улучшились, хотя доступ в парламент, монополизированный представителями крупных землевладельцев, по-прежнему почти полностью был для них закрыт. Оттесненные на второй план в политической жизни, презирающие консервативных помещиков и неве-

жественных шейхов, но вынужденные терпеть их гегемонию, эти «политиканы из кофеен», как их называли англичане, проявляли свою активность в печати и на митингах, яростно обличая империалистов и их агентов.

Эти люди выражали интересы нарождавшегося класса национальной буржуазии. Они выступали против британского империализма и его классовой опоры в Ираке, правда, не всегда с одинаковых позиций. Те из них, кто был по происхождению связан с менее имущими слоями общества, стремились прежде всего к социальным реформам. Они составили ядро группы «Аль-Ахали», часть их вошла в левое крыло партии «Аль-Иха аль-Ватани», а впоследствии поддерживала Хикмета Сулеймана. После второй мировой войны они участвовали в деятельности национально-демократической партии. Некоторые из них сомкнулись с антианглийски настроенным офицерством и группой Рашида Гайлани, а после войны составили костяк партии «Истикляль».

Как указывалось в тезисах VI конгресса Коминтерна, «мелкобуржуазная интеллигенция, студенчество и пр. весьма часто являются самыми решительными представителями не только специфических интересов мелкой буржуазии, но и общих объективных интересов всей национальной буржуазии, и в первый период национального движения они часто выступают как выразители национальных стремлений. Их роль на поверхности движения относительно велика»¹.

В Ираке буржуазная интеллигенция особенно выдвигалась на передний план вследствие слабости пролетариата и промышленной буржуазии. Поскольку средоточием интеллигенции являлся Багдад, в нем была сконцентрирована политическая деятельность буржуазных националистов. «Багдад, — отмечал Коук, — вырастает непропорционально по отношению ко всей остальной стране... Иракский национализм сосредоточен в столице и даже вообще не выходит за ее пределы»².

Характерная особенность политической жизни Ирака состояла в том, что в ней преобладали сунниты, хотя большинство арабского населения страны принадлежало к шиитскому толку. Религиозный фактор и до сих

¹ «VI конгресс Коминтерна. Тезисы...», стр. 138.

² «Contemporary review», 1933, May, p. 583.

пор играет в Ираке серьезную роль, а в период становления государства он имел еще более важное значение. Расположенный между суннитской Турцией и шиитским Ираном, Ирак насчитывал, по данным 1934 г., 1300 тыс. шиитов и 500 тыс. суннитов-арабов (не считая курдов)³. Со времен турецкого владычества, когда османские власти проводили политику преследования шиитов, все руководящие административные посты в стране занимали сунниты. Между тем основная масса населения Центрального и Южного Ирака, включая крупных и богатых шейхов племен, принадлежала к шиитскому толку. Это несоответствие в условиях Ирака с его почти полностью неграмотным сельским населением имело серьезное значение. Представители экономически сильных слоев шиитского населения требовали участия в политической жизни на равных правах с суннитами. Однако шиитская молодежь, получавшая, как правило, духовное образование, была не подготовлена к государственной службе, в то время как молодежь из знатных суннитских фамилий имела современное образование, чаще всего полученное в Европе.

Политические позиции шиитов были серьезно подорваны после изгнания в 1924 г. ведущих муджтахидов, потерпевших поражение в борьбе против правительства и англичан. Но к концу 20-х годов шиитские шейхи, опираясь на своих представителей в Багдаде в лице нарождавшейся молодой шиитской интеллигенции, получившей уже светское образование, вновь создали «Партию возрождения» («Хизб ан-Нахда») и выступили с требованием увеличить число шиитских министров в кабинете. Шиитская феодальная верхушка была заинтересована в союзе с империализмом не меньше, чем багдадские помещики-сунниты, но, добиваясь политического равенства с суннитами и часто выступая на этой почве против правительства, эта верхушка была источником многочисленных интриг и смут, направленных и против иностранного засилья.

Борьба между знатными шиитами и суннитами несомненно ослабляла лагерь иракской реакции. Но она также отвлекала народные массы от борьбы против их угнетателей и нередко вводила патриотическое и соци-

альное движение народа в русло религиозной борьбы. Это оказывалось на руку империалистам, подогревавшим эти распри.

Наряду с суннитско-шиитской враждой империалисты разжигали и использовали в своих интересах национальную рознь, прежде всего между арабами и курдами. Ирак, в котором проживало много курдов (в 30-х годах их насчитывалось примерно 800 тыс.), еще во времена Османской империи был ареной частых столкновений между курдами и арабами. Натравливая эти народы друг на друга, турецкие правители добивались того, чтобы курдские и арабские крестьяне Северной Месопотамии относились друг к другу с большей враждой, чем к своим общим угнетателям.

Эта закоренелая вражда помешала арабам и курдам выступить единым фронтом против англичан в 1920 г. (хотя имели место их отдельные совместные действия), она же разобщила их впоследствии. Присоединив в 20-х годах населенный курдами район Мосул—Киркук к Ираку и добившись на это в конце концов согласия Турции, английские империалисты преследовали в первую очередь цель — обеспечить себе обладание нефтью этого района. Несомненно также, что они рассчитывали при помощи включения в подвластное им государство многочисленного враждебного меньшинства усилить давление на иракские правящие круги. Поддерживая сепаратистское движение курдов, англичане недвусмысленно давали понять Багдаду, что от них зависит усиление или ослабление этого движения. Наконец, курдско-арабская вражда ослабляла национальное движение народов Ирака, и в этом для британского империализма состояла главная выгода включения курдских районов в Ирак.

Среди других национальных меньшинств иракского государства находились айсоры и евреи, а также некоторые другие незначительные по численности национальные группы. Общая численность иудеев, христиан и других религиозных меньшинств (немусульман) составляла в 1934 г. 400 тыс.⁴ После второй мировой войны общая численность населения составляла 4500 тыс., из них 1200 тыс. составляли национальные меньшинства⁵.

⁴ Ibid.

⁵ A. H. Hourani, *Minorities in the Arab world*, p. 91.

³ «L'Asie française», 1935, janvier, p. 31.

Привилегированной верхушкой иракского общества был класс крупных землевладельцев, а также связанная с ним крупная торговая буржуазия — арабы по национальности, сунниты по религии. Экономическая и политическая жизнь в стране контролировалась империалистами, опиравшимися на местных феодалов, включая шиитских шейхов и курдских ага, а также на компрадорскую буржуазию, значительную часть которой составляли иудеи и христиане. Ключевые политические посты, включая министерские, были монополизированы багдадской суннитской феодальной верхушкой. Противоречия между этой ничтожной верхушкой и более широкими кругами господствующего класса, особенно шиитскими экономически могущественными феодальными шейхами, добивавшимися политической власти, сыграли немалую роль в политическом развитии Ирака.

Установленный в Ираке режим являлся диктатурой класса крупных землевладельцев, замаскированной внешними атрибутами западной буржуазной демократии. Главным из них была конституция, принятая в 1923 г. Ее авторам — английским юристам — было поручено, как писал английский ученый Айрленд, «обеспечить при помощи закона дополнительную поддержку британских позиций в Ираке»⁶. Другой исследователь, Фостер, отмечал, что конституция полностью узаконила этот «британский режим, который существовал до ее вступления в силу»⁷.

Законодательная власть была вверена парламенту и королю. Парламент состоял из двух палат: сената, все 20 членов которого назначались королем, и палаты депутатов (1 депутат избирался от каждых 20 тыс. человек мужского населения Ирака). Парламент имел право выражать недоверие правительству и требовать его отставки. Однако на практике иракское правительство неоднократно разгоняло парламент, опираясь при этом на статьи 26, 38 и 40 конституции, гласившие, что король имеет право в случае серьезных событий распустить парламент по требованию правительства. А так как нигде не указывалось, какие «серьезные события» имеются в виду, то правительство неизменно пользова-

лось этой туманной формулировкой для роспуска того или иного неудобного парламента. В то же время в истории Ирака не было случая, чтобы правительство вышло в отставку вследствие формального выражения волеизъявления недоверия со стороны парламента.

Газета «Аль-Ахали» писала в передовой статье: «Глядя на то, как правительства обращаются с парламентом, становится ясно, что парламент ответствен перед кабинетом, а не наоборот... Кабинеты управляют парламентом и распускают его, когда хотят, а сам парламент ни разу не пожелал выразить недоверие министрам или использовать полномочия, данные ему конституцией, и довольствуется тем, что позволяет правительству идти тем путем, каким оно хочет»⁸.

Как верно отмечал один буржуазный автор, «закон дал стране все внешние парадные стороны парламентарной демократии, но это мало отразилось на политическом развитии»⁹. Согласно статье 12 иракской конституции, население должно было пользоваться всеми гражданскими свободами, в том числе правом объединяться и создавать ассоциации. Однако в законе существовала оговорка, дававшая законодательному органу (парламенту) право определять «границы гражданских свобод». Таким образом, парламент, беспомощный перед правительством, являлся лишь ширмой, за которой можно было совершать любой произвол.

Вся механика выборов в парламент способствовала превращению его в орудие правящего класса. Еще со времени внедрения англичан в Ирак установился порядок, по которому в выборах участвовало лишь ничтожное меньшинство населения. На выборах в первый представительный орган (после восстания 1920 г.) в Багдаде из 200 тыс. населения получили право голоса всего 762 человека, в Мосуле из 60 — 80 тыс. — 450 человек¹⁰. Эта антидемократическая линия, введенная англичанами, в общем сохранялась и в «независимом» Ираке. Так, по рассматриваемой конституции 1923 г. непосредственно права голоса были лишены все женщины (это, конечно, наполовину сокращало число потенциальных избирателей). Что касается бедуинов,

⁸ «Аль-Ахали», 27. VI.1933.

⁹ G. Lenczowski, *The Middle East in world affairs*, p. 217.

¹⁰ A. Viton, *The struggle...*

⁶ Ph. Ireland, *Iraq*, p. 372.

⁷ H. Foster, *The making of modern Iraq*, p. 185.

формально имевших право голоса, то в существовавших условиях они могли голосовать только за шейхов своего племени, саркалов и т. д. По данным Кимхе, городское население Ирака имело право избирать в парламент лишь 20 депутатов из 139, а шейхи племен — 100¹¹. Английские авторы конституции, используя прием формальной демократии, свели до минимума представительство от городов с их недовольным населением: разоряющимися ремесленниками, угнетаемыми рабочими, патриотически настроенной интеллигенцией, с их партиями и агитаторами — и обеспечили большинство представителям сельских феодалов. Повсюду в сельской местности шейхи назначали сами себя представителями народа или выдвигали своих ставленников. Эти назначения производились с согласия центральной власти. Как свидетельствовал Айрленд, повсюду на периферии «конфиденциального приказа правительства провинциальным властям было достаточно, чтобы обеспечить избрание кандидатов, будь они жителями данного района или нет»¹². Правящие классы использовали в своих интересах также широко распространенную практику, которая заключалась в том, что неграмотные избиратели могли передоверить свой голос людям, умеющим читать и писать.

Так происходили выборы. А на вопрос о том, кого выбирали в парламент, цинично ответил сам Нури Саид в интервью, данном иерусалимской газете «Миддл Ист таймс» в феврале 1946 г.: «Выдвижение кандидатов устроено так, что в список включаются имена всех бывших премьер-министров, всех министров, занимавших свои посты более чем дважды, бывших парламентских должностных лиц, видных отставных чиновников-пенсионеров, выдающихся местных деятелей, шейхов племен и т. д. Они составляют почти 60% общего количества депутатов; остальной состав парламента зависит, как правило, от желания того правительства, которое в данный момент находится у власти»¹³.

Иллюзорный характер этой «демократии» отмечали все буржуазные авторы. Лонгригг называл ее псевдodemократической и писал о «фасаде демократических

форм, за которым действовала подлинная власть маленького правящего класса»¹⁴. Вайтон, перефразируя известное выражение Линкольна, обвинял англичан в том, что они установили в Ираке «демократию аристократии посредством аристократии и для аристократии»¹⁵. Кимхе писал: «Министры... выбирались из одних и тех же 50 или 60 семей... Это было правительство шейхов, их ставленников и друзей, для шейхов, их ставленников и друзей. А англичане были крестными отцами»¹⁶.

«Как во времена мандата, так и после, — сообщал Кук, — иракские кабинеты и законодательные органы контролировались в основном крупными помещиками, жившими в городах»¹⁷.

Ширма парламентарной демократии прикрывала по существу деспотический режим. Право создавать ассоциации и партии, предусмотренное конституцией, фактически осталось на бумаге. Отдельные группы представителей господствующих классов объединялись вокруг тех или иных политических лидеров и формировали «партии», состоявшие из нескольких десятков человек каждая. Ни одна из таких «партий» не имела четкой разработанной программы или устава, не обладала организационным аппаратом и не распространяла свою деятельность за пределы Багдада. На периферии эти партии вообще почти не были известны.

Грызня между возникавшими группировками, каждая из которых стремилась свергнуть другую, приводила к крайне отрицательным последствиям для интересов страны. Обычно после прихода к власти группа раскалывалась, начинались интриги между вчерашними союзниками, и вскоре премьер, вся энергия которого сосредоточивалась лишь на том, как бы удержаться в своем кресле, бывал вынужден уступить место другому. Оказавшись не у дел, бывшие министры тотчас же начинали борьбу за возвращение к власти, стараясь всячески затруднить деятельность нового кабинета и пытаясь перессорить его членов. Хикмет Сулейман как-то сравнил это положение с аттракционом «чертового коле-

¹⁴ S. Longrigg, *Iraq 1900 to 1950*, p. 224—225.

¹⁵ A. Viton, *The struggle...*

¹⁶ J. Kimche, *Seven fallen pillars*, p. 87.

¹⁷ H. V. Cooke, *Challenge and response in the Middle East*, p. 174.

¹¹ J. Kimche, *Seven fallen pillars*, p. 86.

¹² Ph. Ireland, *Iraq*, p. 432.

¹³ G. E. Kirk, *A short history of the Middle East*, p. 175.

со»: внизу у колеса всегда стоит толпа бывших министров, с нетерпением ожидая момента, когда колесо остановится и сегодняшние министры выйдут из кабинков, чтобы уступить им место.

С 1921 по 1950 г. в Ираке сменилось 45 кабинетов, т. е. в среднем правительство менялось каждые семь с половиной месяцев. Как выразился однажды Нури Саид, «имея маленькую колоду карт, вы должны ее часто тасовать»¹⁸.

Естественно, что такое положение еще больше усугубляло ту неэффективность, которой отличалось правительство Ирака. «Работа одного министра, — свидетельствовал Лонгригг, — сводилась нанет его преемником»¹⁹. «Сплошь и рядом, — говорил в парламенте депутат Ибрагим Шахбендер, — мы видим, как чиновники проваливают порученное им дело, но нам говорят, что они действовали с добрыми намерениями, и так продолжается все время».

«Цивилизирующее» воздействие англичан привело к путанице и неразберихе в работе административного аппарата. Характерен пример, приводимый Кимхе²⁰. Делом урегулирования земельных вопросов в системе завещанной Ираку англичанами, занималось семь министерств: общую ответственность несло министерство сельского хозяйства; ирригацией занималось министерство коммуникаций; государственные земли входили в компетенцию министерства финансов; земли племен — в компетенцию министерства внутренних дел; вопросами земельной собственности занималось министерство юстиции; вопросами земледелия — министерство экономики, и, наконец, имелся отдельный ветеринарный департамент, не подчинявшийся ни одному из вышеперечисленных министерств²¹.

Пышно расцветала коррупция. Придя к власти, каждый министр считал себя обязанным «устроить» на хорошую должность своих друзей. При этом, как со-

общал Айрленд, «либо смещали прежних чиновников, либо создавали новые должности, причем основанием для занятия этих должностей служили не способности и знания, а родственные или приятельские отношения»²². По отзыву этого же автора, в 1929—1930 гг. усилились взяточничество и продажа должностей²³.

Все мероприятия сменявших друг друга правительств, вся законодательная деятельность парламента свидетельствовали о своекорыстном использовании государственной власти помещиками и шейхами.

Типичным примером в этом смысле было постановление о снижении налогов с продуктов земледелия, разрекламированное как мероприятие, призванное облегчить положение крестьян-землепашцев. По свидетельству Айрленда, это постановление оказалось благодеянием лишь для крупных помещиков²⁴, поскольку они являлись поставщиками основной массы товарной продукции. В то же время налог на скот снизился незначительно — это объяснялось тем, что большей частью скота владели не шейхи и помещики, а кочевники-бедуины.

«В интересах класса землевладельцев, преобладавшего в парламенте, — писал Айрленд, — проводилось и финансовое законодательство». В качестве примера он приводил, в частности, уже упоминавшийся закон о налогах 1926 г. и отмечал, между прочим, что одним из лиц, для которых этот закон оказался особенно выгодным, был... издавший его министр финансов: будучи крупным помещиком, он при уплате налогов ежегодно экономил 3 тыс. ф. ст.²⁵.

Ко времени отмены мандата английской администрации удалось добиться бездефицитного бюджета. В последующие годы, однако, в связи с ростом расходов (в первую очередь военных) в иракском бюджете вновь появился дефицит. В 1935/36 бюджетном году доходы составили 5 357 502 динара, а расходы — 5 648 592 динара, т. е. дефицит достиг 291 090 динаров. В 1936/37 г. дефицит составлял уже 1 132 185 динаров, в 1937/38 — 625 451, в 1938/39 — 295 806, в 1939/40 —

¹⁸ M. Khadduri, *Independent Iraq*, p. 29.

¹⁹ S. Longrigg, *Iraq 1900 to 1950*, p. 201.

²⁰ J. Kimche, *Seven fallen pillars*, p. 88.

²¹ Работе этого департамента дал оценку депутат К. Санаун; выступая в парламенте, он сказал: «Я не знаю, что делает департамент, и слышу о нем только, когда читаю в печати сообщения об эпидемиях скота, как будто он является департаментом информации об эпидемиях» («Аль-Ахали», 16.II.1933).

²² Ph. Ireland, *Iraq*, p. 435.

²³ Ibid., p. 441.

²⁴ Ibid.

²⁵ Ibid., p. 442.

275 095 динаров²⁶. Вплоть до начала второй мировой войны рост расходов в Ираке не компенсировался ростом доходов.

О структуре и динамике доходной части иракского бюджета в 1934—1940 гг. дают представление следующие данные (в % ко всем доходам)²⁷:

	1934/35 г.	1935/36 г.	1936/37 г.	1937/38 г.	1938/39 г.	1939/40 г.
Таможня	45,5	42,8	41,0	42,6	44,4	42,3
Акциз	10,5	9,7	9,9	9,9	10,9	11,9
Сельскохозяйственные налоги	17,8	14,1	17,0	15,3	15,8	14,5
Поступления от нефтяных компаний**	—	6,3	6,3	5,4	1,4	1,2
Подходный налог	2,8	5,2	5,0	4,6	5,4	6,1
Прочие доходы	23,4	21,9	20,8	22,2	22,1	24,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Включаются налоги на урожай зерновых культур, фруктов, фиников, табака, а также налоги на скот, арендную плату и пошлины.

** Резкое сокращение поступлений от нефтяных компаний объясняется тем, что, после того как компании начали добычу нефти, отчисления с их прибылей шли уже не в обычный бюджет, а в чрезвычайный, специально созданный для этих отчислений. Эти прибыли и покрывали дефицит чрезвычайного бюджета.

Больше половины доходов, как видно из вышеприведенных данных, давали таможня и акциз. Поступления от сельского хозяйства, составлявшие в середине 20-х годов 30 % всех доходов, значительно снизились и продолжали относительно сокращаться в течение всего периода.

Налоговое бремя ложилось на плечи трудящихся. Правительство «независимого» Ирака увеличило налоги и эксплуатировало крестьян даже в большей степени, чем английские оккупанты, которые, как известно, резко увеличили налогообложение по сравнению со

временем турецкого владычества. Джамали приводил в своей работе письмо шейха одного племени, который сообщал, что в результате «чрезмерного увеличения взимаемых налогов» около третьей части жителей его племени, будучи не в состоянии заплатить правительству требуемую сумму, бежали в город в поисках работы²⁸.

Земельный налог, заменивший турецкий «ашар», собирался в Ираке с урожая, и, следовательно, необходимой предпосылкой для определения суммы налога в каждом случае была оценка точного количества собранной продукции.

В стране насчитывалось 11 различных способов оценки собранного урожая, и все они представляли, по выражению авторов последнего английского отчета Лиге Наций, «клубок не связанных друг с другом примитивных и неудовлетворительных фискальных приемов»²⁹. Распространен был, например, способ «тахмис», при котором земледелец уплачивал сумму, вычисленную на основе подсчета его среднего дохода с данного участка за предыдущие три — пять лет. Другие методы включали: оценку на корню или при сборе (с последующим пересчетом определенного таким образом «на глаз» количества продукции на деньги); оценку, основанную на обмере поля веревками, с вычислением сбора по средней урожайности; оценку продукции по количеству имеющегося сельскохозяйственного инвентаря; по числу подъемных сооружений (для районов подъемной ирригации и т. д.).

Согласно закону № 40 от 1929 г., был введен способ оценки урожая, который должен был постепенно заменить все остальные. Он заключался в том, что земли делились на категории в соответствии с их качеством и типом хозяйства и для каждой категории на определенное количество лет устанавливалась точная сумма налога с единицы площади.

Главным препятствием для внедрения этого метода было, однако, то обстоятельство, что он предполагал точный обмер земельных участков и их картографирование, что в Ираке в рассматриваемый период проводилось очень редко.

²⁶ «Statistical abstract of Iraq for 1940», p. 77, 81.

²⁷ Ibid., p. 81.

²⁸ M. E. Jamali, *The new Iraq*, p. 132.

²⁹ «Special report by H. M. government...», p. 112.

По признанию английских властей, в стране полностью отсутствовал земельный кадастр, а без него, разумеется, невозможно правильное налогообложение. Ввиду этого прежние крайне примитивные способы оценки урожая продолжали господствовать, они давали широкий простор для злоупотреблений. При таких сугубо приблизительных способах оценки всегда имелась возможность разногласий и споров, в которых верх брал, конечно, правительственный чиновник. Богатый шейх всегда мог подкупить чиновника или благодаря связям с местным начальством добиться хотя бы правильного установления размера налога со своей земли, что было совершенно не под силу отдельному крестьянину.

Правительство широко афишировало проводимые им мероприятия по снижению сельскохозяйственного налога, но на практике они принесли выгоду лишь помещикам, в интересах которых и проводились. В условиях, когда по мере распада племенной собственности и проведения «земельного урегулирования» земля переходила в руки шейхов и помещиков, последние добились снижения налогов. Но это нисколько не облегчило бремени, лежавшего на феллах-арендаторах, которые составляли большую часть крестьянского населения. Снижение налогов было использовано шейхами для дополнительного обогащения: они продолжали взимать со своих безземельных соплеменников «правительственную долю» в прежнем объеме, а излишек забирали себе.

Для владельцев недвижимого имущества был установлен специальный налог, но, как признавал итоговый отчет мандатария Лиге Наций, взимание «налога на имущество» с богатых и влиятельных лиц оказалось непосильной задачей для иракских властей³⁰; насквозь коррумпированный налоговый аппарат не мог охранять государственные интересы в деле взимания налогов с богатей.

О размерах и динамике расходной части иракского бюджета в 1934—1940 гг. можно судить по следующим данным (в % ко всем расходам)³¹:

	1934/35 г.	1935/36 г.	1936/37 г.	1937/38 г.	1938/39 г.	1939/40 г.
Министерство внутренних дел	7,1	7,4	6,0	7,1	7,6	6,8
Полиция	15,1	14,6	13,2	12,7	11,9	10,9
Вооруженные силы	22,7	23,6	22,6	23,5	28,6	13,0
Здравоохранение	5,8	5,5	6,0	7,2	6,3	5,8
Народное образование	10,0	9,7	11,1	12,1	12,7	13,1
Ирригация	2,9	2,0	2,4	2,4	2,1	2,0
Коммуникации и общественные работы	0,6	0,5	0,5	0,4	0,4	0,3
Прочие расходы	35,8	36,7	38,2	34,6	30,4	30,1
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Вышеприведенные цифры говорят о том, что около половины бюджета Ирака поглощал аппарат угнетения, ассигнования же, отпускавшиеся на развитие экономики страны, были крайне мизерны. Эти факты дают некоторое представление о характерных чертах «независимого» иракского государства.

Итак, к началу 1930 г. в Ираке функционировала собственная государственная машина, созданная руками английских империалистов и укомплектованная в основном представителями зажиточной местной верхушки. Предоставление власти этой, связанной с империализмом, феодально-бюрократической клике создало новую расстановку классовых сил в Ираке.

В мандатный период против английского империализма выступали не только народные массы Ирака, но частично и господствующие классы — помещики и крупная торговая буржуазия, добивавшиеся захвата в свои руки государственного аппарата. Существовавшие до отмены мандата партии выражали интересы именно этих классов, требовавших для себя большей доли в получении доходов от эксплуатации иракских трудящихся. Но, поскольку эти партии выступали, хотя бы на словах, против империализма, они все же пользовались поддержкой народа и могут быть названы национальными.

Однако после отмены мандата политические лидеры господствующих классов Ирака, как указывалось в отчете Иракской коммунистической партии, добившись удовлетворения своих требований, «дезертировали из

³⁰ «Special report by H. M. government...», p. 108.

³¹ «Statistical abstract of Iraq for 1940», p. 82.

национальных партий и перешли в империалистический лагерь»³². Это относится в одинаковой мере и к группе Рашида Али аль-Гайлани и к группе Нури Саида. Эти группы еще до 1930 г. представляли два различных течения одного и того же полигического движения. После 1930 г. политические противоречия между обеими группами продолжали существовать, но личные интересы отдельных борющихся за власть лидеров уже отодвигали эти противоречия на задний план.

Нури Саид, которого западные буржуазные авторы и печать называли единственным иракским политическим деятелем международного масштаба, оставил глубокий и кровавый след в политической жизни Ирака. Он родился в 1888 г., получил образование в Стамбульском военном училище. После нескольких лет службы в 6-м турецком корпусе и обучения в штабном колледже Нури Саид принял участие в Балканской войне в качестве офицера штаба. Вскоре он установил контакт с арабскими националистическими кругами. Когда это стало известно турецким властям, он бежал в Египет. После начала «восстания в пустыне» (1916—1918 гг.) Нури Саид примкнул к Файсалу и стал начальником штаба сначала Хиджазской, а затем Северной армии арабских повстанцев. В 1921 г. он вернулся в Ирак и был назначен начальником генерального штаба. В последующие годы он шесть раз занимал пост военного министра, а в 1930 г. стал премьер-министром. Начиная с этого момента Нури Саид стал играть основную роль в политической жизни Ирака; такое положение сохранялось (с некоторыми перерывами) вплоть до революции 1958 г.

Незаурядная энергия Нури Саида, его жестокость и беспринципность, умение ориентироваться в сложной обстановке — все это, несомненно, способствовало успеху его политической карьеры. Решающим обстоятельством явилось то, что он с самого начала связал свою судьбу с английским империализмом, сумел доказать ему свою преданность и неизменно выступал как наиболее усердный защитник интересов Англии. Видя в Нури своего наиболее надежного и способного агента в Ираке, английские власти всегда предпочитали его всем другим иракским политикам.

Характерной чертой Нури Саида являлась его непревзойденная способность к политической интриге, к терпеливому, настойчивому и искусному маневрированию с целью разъединить и ослабить своих врагов и укрепить свои позиции. Обладая широкими связями за границей, он всегда проводил значительную часть времени в Европе и благодаря этому был всегда знаком с международными делами лучше всех других иракских политиков. Он никогда не был популярен в народе. В правящих кругах его уважали и боялись. Представитель феодалов, Нури Саид на протяжении всей своей долгой деятельности прилагал усилия, чтобы сохранить в неприкосновенности существующую в Ираке отсталую и реакционную экономическую систему. Всегда отстаивая интересы империалистов и иракских помещиков, он был непримиримым врагом всякого социального прогресса, всех демократических преобразований, злейшим врагом иракского трудового народа. Нури Саид олицетворял антинациональную и антинародную политику правящих классов Ирака, и в истории этой страны его имя навсегда останется связанным с ненавистным британским империализмом, угнетателем иракских народных масс.

Вокруг Нури Саида группировались те из занимавшихся политической деятельностью правящего класса, которые были убеждены не только в необходимости, но и неизбежности английского господства и прочно связали свою судьбу с англичанами. В рассматриваемый период эта группа лишь один раз оформилась в качестве политической партии: в 1930 г. Нури провозгласил образование «Партии договора» («Хизб аль-Ахд) с программой, предусматривавшей проведение в жизнь договора 1930 г. и союз с Англией. После окончания мандата в 1932 г. он распустил партию, убедившись, что такая форма деятельности не может принести пользы его группе. Дело в том, что, будучи одним из авторов договора 1930 г. и не имея возможности выступать против него, он тем самым был лишен крупного козыря, который с успехом использовали другие политики, выдвигавшие в качестве своего основного лозунга борьбу против кабального договора. Нури Саид — единственный крупный политический деятель Ирака, который за всю жизнь ни разу — даже из тактических

³² «World news», 1954, N 20.

побуждений — не выступил с осуждением английского империализма и с требованием изменить коренным образом отношения, существовавшие между Ираком и Англией. Это ставило его в невыгодное положение по сравнению с другими лидерами правящей верхушки, которые зачастую с демагогическими целями выступали против английского господства.

В группе Нури Саида почти не было крупных деятелей: тяготясь его диктаторскими замашками, они предпочитали действовать самостоятельно, не желая уступать ему первого места. Исключением был отличившийся во время «восстания в пустыне» Джафар аль-Аскари, офицер, также сторонник тесного союза с Англией. Занимавший в 1926 г. пост премьер-министра, а затем назначенный послом в Англию, Джафар всегда поддерживал Нури Саида и благодаря своей популярности представлял для последнего очень ценного сторонника.

В начале 20-х годов Нури Саид и Джафар были наряду с Абд аль-Мухсин ас-Саадун лидерами так называемой Партии прогресса («Хизб ат-Такаддум»). Эта партия стояла у власти в период, предшествовавший заключению договора 1930 г., и самораспустилась после того, как Саадун, ее руководитель и главный проводник английской политики в Ираке, покончил самоубийством. Партия «Хизб аль-Ахд» Нури Саида, являясь как бы преемницей прекратившей свое существование «Хизб ат-Такаддум», стала центром сосредоточения сил, стоявших за безоговорочный союз с Англией. Политические деятели, несогласные с такой полной ориентацией на Англию, составляли в 20-х годах две другие верхушечные партии — «Народную партию» («Хизб аш-Шааб»), созданную генералом Ясином аль-Хашими, и «Национальную партию» («Хизб аль-Ватани»), вождем которой был видный представитель крупных торговых кругов Джафар Абу ат-Тимн. В 1931 г. обе эти партии слились и образовали «Партию национального братства» («Хизб аль-Иха аль-Ватани», далее — «Иха»), ставшую единственной более или менее устойчивой политической организацией правящих классов Ирака. Наиболее значительным из вождей партии «Иха» был Рашид Али аль-Гайлани.

Стремление добиться власти любой ценой было, не-

сомненно, основной чертой Рашида Гайлани. Неудовлетворенный постом министра в зависимом от Англии правительстве, он надеялся добиться единоличного господства и стать полновластным диктатором страны, чем-то вроде иракского Реза-шаха (которому, кстати, завидовали все иракские политики, а многие стремились подражать). Он выступал против Нури Саида и договора 1930 г., стараясь заручиться поддержкой населения и создать себе репутацию борца за независимость.

В партии «Иха» объединились за небольшим исключением все иракские политические лидеры. В ней находились такие видные политические фигуры, как Ясин Хашими, Хикмет Сулейман, Али Джавдат Айюби, Джафар Абу ат-Тимн и Наджи Сувейди. Такая концентрация честолюбивых политиканов, каждый из которых рвался к власти, привела партию к быстрому расколу. Вначале же «Иха» представляла собой внушительную коалицию политических деятелей, выступивших единым фронтом против договора 1930 г. Никакой разработанной программы, как и другие «партии», «Иха» не имела, но на учредительном собрании партии в марте 1931 г. были провозглашены ее цели, которые, как об этом высокопарно заявлялось, состояли в «защите национальных интересов и обеспечении подлинной независимости страны» при помощи роспуска парламента и создания нового правительства.

В своей газете «Аль-Иха аль-Ватани» партия резко критиковала новый англо-иракский договор и обвиняла Нури Саида в отказе от борьбы за подлинную независимость Ирака. 28 декабря 1931 г. «Хизб аль-Ватани» и «Хизб аль-Иха аль-Ватани» направили королю Файсалу письмо, в котором выражали протест против политики Нури. Письмо было подписано Джафаром Абу ат-Тимном и Ясином Хашими. В ответ на это Нури Саид усилил гонения на оппозиционную прессу и к 1 января 1932 г. закрыл более 20 газет³³.

Был принят крайне реакционный закон о печати, резко ограничивавший возможность критики правительства. Так, согласно § 2 ст. 13 этого закона, министр внутренних дел имел право закрыть газету, если она опубликует статью, могущую повредить общественному

³³ «Аль-Иха аль-Ватани», 6.I.1933.

порядку путем «распространения вражды или ненависти между индивидуумами и классами». § 6 той же статьи предусматривал закрытие газеты за опубликование статьи, способной «возбудить враждебные чувства по отношению к правительству или повредить его престижу». Согласно ст. 12, продавцам газет не разрешалось ничего выкрикивать, кроме названия своей газеты³⁴.

Все эти мероприятия лишь способствовали росту оппозиции правительству Нури Саида. Широкая общественность Ирака подвергала резкой критике договор 1930 г., справедливо расценивая его как акт, закрепляющий зависимость страны от империализма. Используя поднимавшуюся волну народного возмущения, лидеры «Иха» надеялись достичь власти. Они рассчитывали, что после вступления в силу договора 1930 г. и принятия Ирака в Лигу Наций Файсал отстранит от власти столь непопулярного Нури Саида. Их расчет оказался правильным: 3 октября 1932 г. состоялась церемония принятия Ирака в Лигу Наций, а через 24 дня Нури Саид был вынужден выйти в отставку.

Король боялся за свой трон и учитывал непопулярность нового договора в народе. Сделав Нури Саида козлом отпущения, Файсал отвел от себя народный гнев. Нури Саид на несколько лет был отстранен от руководства правительством, но зато он пользовался признательностью и постоянной поддержкой англичан. Формирование нового кабинета было поручено видному политическому деятелю Наджи Шавкату, не входившему в крупные группировки, оспаривавшие власть. Парламент был распущен, и в феврале 1933 г. состоялись новые выборы. В Ираке и ранее выборы приносили победу тому правительству, которое находилось у власти в момент их проведения. Так получилось и при Шавкате, который сумел добиться, чтобы 72 места из 86 в палате депутатов заняли его сторонники. Однако это не помогло Шавкату удержаться у власти.

Деятели «Иха» развернули широкую кампанию против нового правительства, критикуя его за то, что оно не стремилось превратить Ирак в подлинно независимую страну. В этих условиях Файсал решил, что оппо-

зиция, состоящая из влиятельных лидеров, опасна для него и что лучше привлечь этих людей к власти и тем самым их обезвредить. Король понимал, что, придя к власти, лидеры «Иха» — представители тех же классовых сил, что и сам Файсал и Нури Саид, — не станут добиваться изменения проанглийской политики, так как в конечном счете они тоже заинтересованы в союзе с империализмом; кроме того, Файсал рассчитывал, что, захватив бразды правления, лидеры «Иха» неминуемо перессорятся друг с другом из-за власти. Все это ослабит их популярность и обеспечит упрочение позиций самого короля.

Заставив Шавката уйти в отставку уже через десять дней после начала работы нового парламента, король поручил формирование кабинета лидеру партии «Аль-Иха аль-Ватани» Рашиду Гайлани. Кабинет был сформирован 20 марта 1933 г. Пост министра внутренних дел занял один из виднейших лидеров партии Хикмет Сулейман. Ясин Хашими стал министром финансов, Мухаммед Заки — министром юстиции. По требованию англичан портфель министра иностранных дел был вручен Нури Саиду. Новое правительство провозгласило программу, содержащую обязательство обеспечить национальные интересы Ирака, в частности путем изменения (подчеркнуто мною. — Г. М.) договора 1930 г. (о борьбе против договора уже не было и речи).

По свидетельству иракского историка, английский посол протестовал против этого пункта программы³⁵, но вскоре убедился, что для беспокойства не было оснований. Лидеры «Иха» обещали королю не начинать никаких переговоров с Англией об изменении условий договора. Основная причина отказа от их главного агитационного лозунга заключалась в том, что стоявшие за лидерами «Иха» классовые силы — феодалы и компрადоры — не были заинтересованы в отмене англо-иракского договора. Поэтому, как только лидеры «Иха» пришли к власти, они из противников договора 1930 г. превратились в его защитников.

Что касается самого Рашида, то он в этот период еще надеялся добиться своих честолюбивых целей,

³⁵ عبد الرحمن الحسني، تاريخ العراق السياسي والحربي، صيدا، ١٩٤٨ (далее — Аль-Хасани, *Тарих аль-Ирак*).

³⁴ «L'Asie française», 1932, N 12, p. 392.

не порывая с Англией. Так же как Ясин и Хикмет Сулейман, он считал, что можно достичь такого положения, при котором личная диктатура «вождя нации» — самостоятельного правителя страны — обеспечивалась бы прочным союзом с империалистической державой.

Тенденция к фашистской диктатуре замечалась у лидеров «Иха» еще до их прихода к власти. Так, в октябре 1932 г. в органе партии газете «Аль-Иха аль-Ватани» печатались многочисленные статьи, посвященные Гитлеру.

Газета особенно расхваливала Реза-шаха, называя его «великим солдатом»³⁶. В пропаганде «Иха» достижение самостоятельности и освобождение от иностранного контроля ставились в прямую зависимость от установления твердой диктаторской власти³⁷. Такие выступления печати, отражая антидемократические, профашистские тенденции лидеров «Иха», в то же время показывали их стремление добиться большей самостоятельности, чем та, какую им предоставлял договор 1930 г. Однако большинство иракских помещиков, шейхов и компрадоров было удовлетворено положением, создавшимся после 1930 г., и не поощряло тех политиков, которые во имя достижения своих личных честолюбивых целей могли поставить все это под угрозу. Поэтому лидеры «Иха», придя к власти, по существу продолжали прежний курс Саадуна и Нури Саида. Весьма характерно, что новый парламент, в который при Шавкате попали преимущественно противники «Иха», поддерживал правительство. Депутаты ясно сознавали, что в противном случае парламент распустят и назначат новые выборы.

Но если со стороны парламента правительству ничто не угрожало, то все же оппозиция кабинету, составленному лидерами «Иха», существовала. Главную силу оппозиции составляла партия «Хизб аль-Ватани», которая в начале 1931 г. объединилась с «Хизб аш-Шааб» и вошла в партию «Иха», а через несколько месяцев вновь выделилась в самостоятельную организацию. Лидеры ватанистов — Абу ат-Тимн и другие — не были включены в кабинет и резко порвали все свои связи с «Иха».

³⁶ «Аль-Иха аль-Ватани», 12.I.1932.

³⁷ Там же.

Абу ат-Тимн обратился к народу с манифестом, в котором содержалась критика уступок, сделанных Англией партией «Иха» по вопросу о договоре 1930 г.³⁸ Лидер ватанистов указывал, что вожди «Иха» не выполнили своих обещаний и что их политика, как внутренняя, так и внешняя, не может удовлетворить иракский народ, нуждающийся в немедленном проведении реформ, требующий свободы, независимости и поднятия жизненного уровня³⁹.

Однако гораздо большую опасность, чем агитация ватанистов, представляла для правительства растущая волна недовольства широких народных масс. Дальнейшее закабаление и разорение крестьян, их превращение в безземельных арендаторов толкали их на открытую борьбу против эксплуататоров. Гнев народа в первую очередь направлялся против правительства, олицетворявшего собой власть помещиков, шейхов и ростовщиков.

Рост безработицы в городах, вызванный наплывом разорившихся феллахов, способствовал усилению революционных настроений городского населения. Агитация шиитских религиозных деятелей против правительства, большинство членов которого было суннитами, находила широкий отклик среди крестьянства центральной и южной частей страны и нередко придавала крестьянским бунтам религиозную окраску. Все чаще племена с оружием в руках выступали против центральной власти. «Две провинции Среднего Евфрата находятся в состоянии абсолютного безвластия, — сообщал английский автор, — а третья, наиболее важная, Дивания... лишь наполовину контролируется правительством»⁴⁰. Если к этому прибавить вооруженные восстания курдов, не прекращавшиеся в течение 12 лет, то станут ясными те серьезные трудности, с которыми столкнулось правительство «Иха».

Необходимо было как-то отвлечь внимание народа от насущных проблем, ослабить антиправительственную борьбу, направить ее по другому руслу. Как это часто бывало, иракское правительство в поисках выхода из кризиса прибегло к разжиганию национальной и рели-

³⁸ «Аль-Ахали», 10.VI.1932.

³⁹ Там же.

⁴⁰ R. Stafford, *The tragedy of the Assyrians*.

гиозной розни. В данном случае жертвою стали исповедовавшие христианство ассирийцы, или айсоры, жившие до первой мировой войны в Турции, в районе Хаккиари. Они в конце войны подняли восстание против турок; значительная часть айсоров, спасаясь от репрессий, бежала в Ирак и поселилась в районе Бакуба. В 1925 г., когда, согласно решению Лиги Наций, по которому была уточнена граница между Турцией и Ираком, район Хаккиари был признан турецкой территорией, Турция отказалась разрешить вернуться туда ассирийцам. На территории Ирака оказалось ассирийское меньшинство численностью до 30 тыс.

Во время восстания 1920 г. ассирийские ополченцы участвовали в военных действиях на стороне англичан против иракских племен, продемонстрировав при этом высокую боеспособность и дисциплинированность. Выступив в роли наемников британского империализма, они заслужили ненависть иракского народа. Играя на этом чувстве, иракские власти сумели впоследствии натравить арабов на айсоров и организовать кровавые события 1933 г.

«Ассирийский вопрос» был поднят после окончания мандата, когда иракское правительство заявило, что оно считает нежелательным пребывание ассирийцев на территории Ирака в виде компактного национального меньшинства и подготавливает план их расселения мелкими группами по стране. С этой целью был создан специальный орган, состоявший из представителей айсоров, — Совещательный комитет по делам расселения. Однако против проекта иракского правительства резко выступил молодой патриарх-маршимуна⁴¹. Большинство айсоров, опасаясь, что в результате расселения мелкими группами по стране само их существование будет поставлено под угрозу, поддержало маршимуна и потребовало, чтобы за ними были закреплены те земли, на которых они проживали в данный момент. Многие лидеры айсоров заявляли, что, если не удастся договориться об этом с иракским правительством, придется организовать переселение айсоров в Сирию.

15 декабря 1932 г. Совет Лиги Наций принял резолюцию по вопросу о судьбе айсоров, в которой отмеча-

лось, что Ирак должен пригласить иностранного эксперта для оказания помощи в размещении айсоров, но не содержалось никакого указания о предоставлении этому меньшинству автономии в пределах Ирака. Французская печать в связи с этим высказывала мнение, что некоторые европейские страны не были заинтересованы в провозглашении идеи автономии национальных меньшинств и «предпочли принести в жертву ассирийцев, только бы не создавать прецедента»⁴².

Летом 1933 г. в Багдаде состоялись переговоры между министром внутренних дел Хикметом Сулейманом и маршимуном, но они не пришли к соглашению по вопросу о расселении айсоров. Непримируемая позиция маршимуна объяснялась главным образом тем, что он рассчитывал на поддержку Англии, которая, по мнению айсоров, не могла забыть их заслуги в событиях 1920 г. Однако английские империалисты, вполне удовлетворенные сговором с правящими классами Ирака, не нуждались более в айсорах. Если в 1920 г. айсоры были единственной силой в Ираке, которую англичане могли использовать на месте для подавления восстания племен, то в 1933 г. это входило уже в функции иракской «национальной» армии, специально созданной англичанами для борьбы с народным движением. Надобность в айсорах отпала, и правящие круги Англии в соответствии с традициями своей политики отвернулись от бывших союзников, отдав их на растерзание иракской реакции.

Английские империалисты были, пожалуй, не меньше иракского правительства заинтересованы в том, чтобы ослабить антиправительственное движение народных масс и направить его по другому руслу; возможно, они даже толкнули правительство на этот путь.

После провала переговоров Хикмет запретил маршимуну выезжать из Багдада, рассчитывая тем самым ускорить кризис. Действительно, этот шаг правительства вызвал большое возбуждение среди айсоров. Их лидеры приняли решение организовать переселение айсоров в Сирию. С этой целью они отправились на иракско-сирийскую границу и попросили у французских властей разрешения вступить в Сирию. Французы медлили с ответом. Тогда айсорские лидеры сообщили

⁴¹ Титул духовного главы айсоров.

⁴² «La correspondance d'Orient», 1933, septembre, p. 108, 109.

айсорам, что согласие Франции уже получено. Около тысячи айсоров, оставив свои дома и семьи, захватив оружие, переправились через Тигр, чтобы перейти границу и впоследствии вернуться за семьями. Однако 27 июля айсорам было сообщено, что французские власти не разрешают им переселяться в Сирию. Направлявшиеся в Сирию айсоры начали в первых числах августа переправляться обратно через Тигр. Но на восточном берегу реки их уже ожидали иракские войска. Завязались бои, в результате которых за два дня — 4 и 5 августа — потери иракских войск составили 30 человек убитыми и 40 ранеными. Ассирийцы потеряли примерно вдвое меньше⁴³. Часть айсоров повернула назад, перешла границу и была интернирована французскими властями, другая — пробилась к своим деревням и разошлась по домам.

Этот инцидент, ответственность за который несут не только (как это изображают буржуазные авторы) «обе стороны» — иракцы и айсоры, но главным образом империалисты, в том числе французские, послужил для иракского правительства сигналом к началу разнузданной антиайсорской кампании. Был брошен лозунг «отечество в опасности» и объявлено, что «айсорская агрессия» угрожает существованию иракского государства. Играя на самых низменных шовинистических инстинктах, правительство возбуждало ненависть к айсорам среди населения, призывая все слои общества объединиться в «священной борьбе против захватчиков». Расчет реакции оправдался: ей удалось одурманить остальные массы; неграмотность и политическая неразвитость иракского населения сказались в той поддержке, какую оно оказало правительству в этот момент. Даже рабочие поддались на шовинистическую провокацию, что нанесло серьезный ущерб иракскому рабочему движению. Буржуазия охватила «патриотический порыв»: вся антиправительственная и антиимпериалистическая демагогия была на время забыта, внутривластическая борьба сразу отошла на задний план. В шовинистическом угаре жители Багдада с восторгом приветствовали воинские части, отправленные для борьбы против айсоров.

⁴³ S. Longrigg, *Iraq 1900 to 1950*, p. 234.

Войсками, выделенными для этой цели, командовал генерал Бакр Сидки. Воевать, собственно, было не с кем, поскольку, как уже говорилось, айсоры, пробившиеся сквозь иракский заслон, разошлись по домам. И действительно, дальнейший ход «ассирийской кампании» был отмечен не боями, а избиением айсорского населения. Только в двух селениях — Дохук и Захо — было убито около 100 крестьян-айсоров. Разошедшиеся по домам айсоры — участники боя на Тигре — беспощадно уничтожались поодиночке. Заодно убивали и людей, совершенно не причастных к этим событиям⁴⁴.

Правительство торжественно объявило, что иракская армия одержала славную победу. Вернувшиеся в Багдад солдаты были встречены как герои. Их забрасывали цветами, угощали, а парикмахеры три дня бесплатно стригли и брили их. Офицерам, участвовавшим в этой операции, был засчитан лишний год службы. Так называемая ассирийская угроза была ликвидирована. Марширун на английском самолете улетел на Кипр.

«Ассирийское дело» на время отвлекло иракских трудящихся от борьбы за свои права, оно вошло в историю страны как темный, унижительный эпизод. Кровавая расправа с айсорами стала известна за пределами Ирака и вызвала возмущение общественного мнения. Несмотря на попытки иракских властей скрыть правду, дело приняло скандальный характер и в конце концов было передано в Лигу Наций. Представители Ирака при обсуждении этого вопроса в Лиге были вынуждены признать «неоправданную суровость» армии и грабежи со стороны бедуинов. Тем временем более 6 тыс. айсоров, спасаясь от террора, бежали в Сирию, более 15 тыс. высказали желание покинуть Ирак⁴⁵.

Лига Наций создала специальную комиссию по делам айсоров. Предполагалось поселить айсорских беженцев в Бразилии, но последняя не дала на это разрешения. Проекты расселения айсоров в Британской Гвиане и во Французском Нигере также не осуществились, и в конце концов было решено разрешить проживать в Сирии (в районе Джазира) тем айсорам, которые там уже поселились, а тех, кто еще не уехал из Ирака, оставить на прежнем месте.

⁴⁴ Ibid., p. 235.

⁴⁵ A. H. Hourani, *Minorities...*, p. 102.

Английские империалисты проявили циничное равнодушие к судьбе своих бывших союзников. Газета «Ивнинг стандарт» писала: «Нас касается только охрана имперских коммуникаций, а то, что происходит в Ираке и не имеет отношения к нашим коммуникациям, нас не затрагивает»⁴⁶. Лорд Хэйлшэм заявил во время дебатов в палате лордов 28 ноября 1933 г., что Хэмфрис (английский посол в Ираке) не давал в Лиге Наций никаких заверений в том, что Англия принимает на себя ответственность за судьбы айсоров⁴⁷.

В действительности же, как сообщала арабская пресса, в Ираке было широко распространено убеждение, что все дело с айсорами было подстроено Интеллиженс сервис для того, чтобы пресечь возможные попытки иракского правительства добиваться изменения договора 1930 г. «Беспорядки должны были дать британскому правительству решающий аргумент в пользу того, что договор якобы дает Ираку даже слишком большие права, учитывая ту степень незрелости, на которой эта страна все еще находится»⁴⁸.

Не будучи вполне уверены в том, что правительство «Иха» не поставит рано или поздно вопрос о пересмотре договора, англичане стремились, подорвав престиж Ирака в глазах мирового общественного мнения, создать почву для категорического отказа обсуждать с ним какие-либо договорные изменения. Этот аргумент был использован и в последующие годы. «Остается фактом, — писал арабский автор в 1939 г., — что ассирийские беспорядки составляют самый веский аргумент, выдвигаемый против иракских требований и используемый постоянно британским правительством для оправдания своего отказа согласиться на какое-либо изменение условий договора 1930 г.»⁴⁹.

Правда, во всей этой провокации для англичан существовала и отрицательная сторона: их подозревали в том, что они вели двойную игру во время ассирийских событий, это способствовало росту антианглийских настроений в Ираке и впоследствии было использовано германской агентурой.

⁴⁶ Цит. по: «L'Asie française», 1933, decembre, p. 340.

⁴⁷ «The Near East and India», 7.XII.1933.

⁴⁸ H. Aaref, *La grande Bretagne en Egypte et en Irak*, p. 227.

⁴⁹ Ibid.

Для руководителей партии «Иха» ассирийское дело было подходящим поводом, чтобы упрочить свою позицию на переговорах об изменении договора 1930 г. Правительство не только не пресекало ходившие в народе слухи о двойной игре англичан, но и давало понять, что оно разделяет подобные подозрения. Однако оно потерпело поражение в этой сложной игре. Окончательно потеряв расположение англичан, правительство «Иха» не смогло приобрести поддержки со стороны влиятельных политических кругов Ирака и подверглось резкой критике в парламенте за «антианглийскую позицию» в ассирийском деле.

Вскоре произошло событие, имевшее далеко идущие последствия для политической жизни Ирака: 8 сентября в Берне умер король Файсал. Его молодой сын, новый король Гази, отличался неуравновешенным характером, проявлял больше склонностей к спорту, чем к государственным делам. Еще во время «ассирийских событий» Гази лично возглавлял шовинистическую антиайсорскую кампанию и этим завоевал себе популярность. Гайлани с его диктаторскими замашками пришелся не по вкусу новому монарху, и хотя Гази оставил его на посту премьера после того, как Гайлани, согласно традиции, подал заявление об отставке, это было лишь соблюдением политических приличий.

Политические деятели, стремившиеся свергнуть кабинет и занять министерские посты в новом правительстве, обвиняли лидеров «Иха» в том, что они ставят под угрозу союз Ирака с Англией. Пытаясь отвести это обвинение, премьер сделал специальное заявление корреспонденту лондонской «Таймс», в котором указал, что «движимым мотивом политики его кабинета будет сохранение дружбы и союза с великим союзником Ирака — Великобританией»⁵⁰. Однако этот жест не помог. Ватанисты в опубликованном 11 сентября 1933 г. манифесте объявили политику «Иха» реакционной и враждебной национальным интересам. Очутившись под огнем как справа, так и слева, Гайлани решил распустил парламент, но король отказался подписать соответствующий указ. 28 сентября 1933 г. Рашид Гайлани ушел в отставку.

⁵⁰ «The Times», 13.IX.1933.

Новым премьером был назначен Джамиль Мадфай, бывший офицер турецкой армии, начальник артиллерии в арабской армии Файсала. Новый премьер в прошлом был видным участником антианглийского восстания 1920 г. (он организовал первый партизанский отряд, действовавший на севере Ирака). Поэтому английское посольство отнеслось к Джамилю Мадфай с недовольством, и советник посольства Корнуоллис в частных беседах с Нури и Шавкатом выразил мнение, что кабинет Мадфай будет недолговечным⁵¹. Его прогноз, как и следовало ожидать, оправдался. С самого начала в правительстве возникли трения между Нури Саидом и Рустумом Хайдаром, с одной стороны, и Шавкатом и Фариси — с другой. Внутри кабинета разыгрался кризис, причем решающую роль сыграли интриги Нури Саида⁵². 10 февраля 1934 г. Мадфай подал в отставку, но Гази вновь поручил ему возглавить кабинет. Второй кабинет Мадфай был слаб и невлиятелен. Премьер, не опиравшийся ни на какую политическую группировку и подвергавшийся критике со всех сторон, в том числе и со стороны «Иха», не смог удержаться у власти и 25 августа ушел в отставку.

Во главе нового правительства стал Али Джавдат аль-Айюби, бывший организатор «верблюжьего» корпуса в армии Файсала и военный губернатор Халеба, впоследствии — мутасарриф провинции Хилла. Джавдат, входивший ранее в партию «Иха», порвал с ней после того, как он не был включен в кабинет; он был личным другом Мадфай и пользовался доверием как короля, так и английского посольства. В новом кабинете премьер взял себе также портфель министра внутренних дел, а Мадфай назначил министром обороны. Неизменный Нури Саид возглавил министерство иностранных дел.

В период пребывания кабинета Али Джавдата у власти в стране разразился давно назревавший внутренний кризис, который явился результатом чрезвычайного обострения всех классовых и национальных противоречий.

Крестьянские восстания середины 30-х годов

В начале 30-х годов на Ирак распространилось влияние мирового экономического кризиса, что пагубно отразилось на положении всего крестьянства.

Крестьянские восстания в Ираке в этот период не представляли цельного, однородного движения. В этих выступлениях переплетались такие факторы, как классовые противоречия между крестьянами и помещиками, национальные противоречия между господствующей арабской верхушкой и курдами, а также борьба между шиитскими и суннитскими феодальными группировками.

Восстания курдов, происходившие в то время, имели в первую очередь характер борьбы за национальное освобождение. Курды — крупнейшее национальное меньшинство Ирака — насчитывали в 30-х годах около 800 тыс.⁵³ Иракские курды составляли часть курдской народности, населявшей территорию, входившую после первой мировой войны в состав Турции, Ирана и Ирака. В первые годы после окончания этой войны английские империалисты замыслили план создания «Великого Курдистана», которому предназначалась стать важной опорой их господства на Ближнем Востоке, своеобразным буфером между кемалистской Турцией и СССР. Осуществление этого проекта, однако, неизбежно столкнулось бы с огромными трудностями.

В случае создания «Великого Курдистана», находящегося под английским господством, Ирак потерял бы значительную часть территории, обладавшей богатейшими залежами нефти. Это, несомненно, вызвало бы противодействие правящих классов Ирака. Кроме того, попытка создания «Великого Курдистана» неизбежно привела бы Англию к конфликту с Ираном и Турцией. Поэтому Англия вскоре отказалась от своего замысла.

Тем не менее английские империалисты продолжали исподволь подпоирать сепаратистские настроения лидеров курдских националистов, особенно в Ираке, и тайно снабжать их оружием. Их устраивало такое положение, при котором курды оставались источником постоянного беспокойства для багдадских властей. В

⁵¹ Аль-Хасани, *Тарих аль-Ирак*, стр. 128.

⁵² Там же, стр. 130.

⁵³ A. Hourani, *Minorities...*, p. 91.

случае необходимости Англия всегда могла припугнуть правящие круги Ирака угрозой курдского восстания. Следовательно, наличие в пределах иракского государства курдского меньшинства, вечно недовольного и всегда готового восстать, укрепляло зависимость иракского правительства от Англии и отвечало интересам английского империализма.

В королевском Ираке курды оказались на положении угнетаемого меньшинства, ибо их равноправие, гарантированное Англией в мандатный период, существовало лишь на бумаге. «Иракское правительство, — отмечал Хаурани, — почти не считалось с различными законами, изданными в мандатный период. Правительственные учреждения в Багдаде обнаруживали тенденцию игнорировать требования, исходившие из районов, расположенных далеко от столицы, а у курдов не было возможности заставить прислушаться к своему голосу и вынудить правительство обратить внимание на их нужды»⁵⁴.

Все это, несомненно, способствовало тому, что недовольство курдов все время усиливалось. Многочисленные восстания, которыми были отмечены 20-е годы в Иракском Курдистане, — восстания, связанные с именем шейха Махмуда, были подавлены англо-иракскими войсками. То в одном, то в другом районе Курдистана вспыхивали волнения, и только английской авиации удавалось «наводить порядок» в этих беспокойных местах. «В течение последних 10 лет, — говорил в июне 1932 г. бывший английский верховный комиссар в Ираке Вильсон, — британские королевские воздушные силы упорно бомбили курдское население»⁵⁵.

В 1931—1932 гг. Курдистан был охвачен новым мощным восстанием, которым руководил Ахмед Барзани. Восстание явно вышло за те рамки, которые позволяли английским империалистам использовать курдское национальное движение как орудие давления на иракские власти. В Англию сообщения об этом восстании проникли лишь спустя год, так как английское правительство всеми силами старалось скрыть правду об участии английской авиации в боях с курдами. В кон-

це концов замалчивать это стало невозможно, и уже в апреле 1932 г. министр колоний в ответ на запрос в палате общин признал, что восстание под руководством Ахмеда Барзани вспыхнуло еще весной предыдущего года. 15 марта 1931 г. против него были двинуты крупные силы иракской армии, которым помогала английская авиация⁵⁶. По сообщениям английской печати, в некоторых случаях эта помощь не только оказывала решающее влияние на исход боев, но спасла иракские части от разгрома⁵⁷. Английская авиация обрушилась на мирное курдское население. По свидетельству английского офицера, «район действия Ахмеда был подвергнут интенсивной бомбардировке с использованием бомб замедленного действия; даже скот уничтожали с воздуха»⁵⁸.

С начала 1932 г. бои возобновились с новой силой. Иракские газеты печатали официальные коммюнике командования иракской армии под заголовками «Передвижения шейха Барзани»⁵⁹. Решающую роль в этих операциях, однако, опять-таки играли английские военно-воздушные силы. Как сообщал в мае 1933 г. багдадский корреспондент французского журнала, 10 тыс. иракских солдат и полицейских смогли справиться с Ахмедом Барзани лишь при помощи английской авиации⁶⁰. Это мнение разделяли и другие органы печати, например журнал «Фортнайтли ревью». 24 июня 1932 г. багдадские газеты сообщали, что Ахмед Барзани со своими людьми перешел иракско-турецкую границу и сдался турецким властям⁶¹. На этот раз восстание Барзани закончилось поражением курдов, отступивших под натиском явно превосходящих сил, под непрерывными ударами английской авиации, против которой они были беззащитны.

Участникам восстания была впоследствии объявлена амнистия, и курды стали возвращаться из Турции. Однако их вожди были вероломно схвачены на границе иракской полицией. Курды, посланные на полицей-

⁵⁴ Ibid., p. 98.

⁵⁵ «The new statesman and Nation», 24.IX.1932.

⁵⁶ «Аль-Ахали», 15.IV.1932.

⁵⁷ «The fortnightly review», 1932, September, p. 319.

⁵⁸ «The new statesman and Nation», 24.IX.1932.

⁵⁹ «Аль-Иха аль-Ватани», 25 V.1932; 3, 21.VI.1932.

⁶⁰ «L'Asie française», 1933, juin, p. 210.

⁶¹ «Аль-Иха аль-Ватани», 24.VI.1932.

ский пост, чтобы узнать о судьбе задержанных руководителей, также были арестованы. Затем, когда основная масса перешедших границу курдов подошла к посту, от них потребовали сдать оружие. Увидя такое вероломство, курды начали поспешно отходить к турецкой границе. Но полицейские открыли по ним огонь. Завязался длительный бой. В конце концов иракские полицейские капитулировали, а курды, освободив своих вождей, ушли в горы⁶².

Поражение восстания Барзани было тяжелым ударом для курдского национально-освободительного движения. Правда, спустя три года Курдистан был вновь охвачен восстанием, но силы курдов уже были надломлены. Многочисленные восстания шейха Махмуда, выступления Ахмеда Барзани, не прекращавшиеся в течение десятилетия бои, карательные экспедиции и бомбардировки — все это разорило народ, привело к гибели или изгнанию многих лучших, наиболее энергичных его сынов, к упадку и запустению хозяйства в целых районах. Измученное постоянно возобновлявшимися войнами население потеряло веру в возможность создания независимого курдского государства.

Немалую роль сыграло и то обстоятельство, что большинство курдских феодалов — шейхов и ага — пошло на сговор с багдадскими властями, убедившись, что вооруженная борьба не приведет к успеху, а лишь поставит под угрозу дальнейшую эксплуатацию ими курдского крестьянства.

В результате всего этого к 1935 г., т. е. к моменту, когда значительная часть арабских районов Ирака стала ареной вооруженных выступлений крестьян против правительства, курдское движение не представляло для иракских властей такой угрозы, как прежде. Это облегчало правительству борьбу против повстанцев в Среднем и Южном Ираке.

Правительство Али Джавдата аль-Айюби, сформированное в конце августа 1934 г., по единодушным отзывам иракских и иностранных авторов, имело еще меньше сторонников, чем все ранее существовавшие в Ираке правительства. 4 сентября король удовлетворил просьбу Джавдата о роспуске парламента, т. е. сделал

то, в чем он год тому назад отказал правительству «Иха». Это резко обострило вражду между лидерами «Иха» и их бывшим коллегой Джавдатом, который провел новые выборы, как обычно, в обстановке произвола, террора и грубейшего нарушения всех демократических принципов. «Иха» получила всего 12 мест в нижней палате (из 88). Вопиющая бесцеремонность, с которой Джавдат протасил в парламент своих сторонников, вызвала огромное возмущение. Багдадские адвокаты решили организовать большой торжественный вечер, на котором ораторы должны были подвергнуть резкой критике правительство, но полиция помешала осуществить это мероприятие⁶³.

Новый кабинет и весь государственный аппарат, по отзыву английского журналиста, были «набиты друзьями, родственниками и, без преувеличения, платными сторонниками Джавдата и Мадфайи»⁶⁴. Лидеры «Иха» резко критиковали правительство, но это не имело никакого значения. Антиправительственная агитация в печати в корне пресекалась цензурой, действовавшей на основании предоставленных ей новым законом широких полномочий.

Джавдат пользовался доверием молодого короля. Если в лице лидеров «Иха» Гази видел для себя угрозу, то Джавдат, человек весьма заурядный и не обладавший данными, чтобы стать популярным вождем и диктатором (да к тому же не имевший сильных сторонников и в основном зависевший от короля), не представлял для Гази опасности. Поскольку в создавшихся условиях было ясно, что обычным путем Джавдата свергнуть не удастся, лидеры «Иха» пришли к выводу, что необходимо применить силу. У Хикмета Сулеймана возникла идея использовать для этой цели недовольные племена.

Осуществлению этого способствовало то обстоятельство, что выборы, проведенные Джавдатом, были отступлением от обычного принципа, обеспечивавшего избрание в парламент большого числа шейхов племен. На этот раз целый ряд видных шейхов — шиитов с Евфрата — не был избран. Вместо них в парламент попали

⁶³ Аль-Хасани, *Тарих аль-Ирак*, стр. 137.

⁶⁴ «The contemporary review», 1936, January, p. 52.

⁶² «L'Asie française», 1933, juin, p. 210.

багдадские горожане — сунниты. Это объяснялось, очевидно, тем, что Джавдат, зная многих шейхов как сторонников «Иха», предпочел создать в парламенте большинство из ранее не избравшихся жителей столицы в расчете сделать их своими благодарными и преданными сторонниками.

Оказавшиеся за бортом шиитские шейхи во главе с вождем племени фатла — крупнейшим богачом из Дивании шейхом Абд аль-Вахидом Сиккаром — образовали резкую оппозицию правительству Джавдата. Хикмет вступил в блок с Абд аль-Вахидом. Он был инициатором борьбы против Джавдата, и обеды в доме Хикмета, на которых присутствовали лидеры «Иха», превращались в сборища, где обдумывались планы заговора против правительства. 7 декабря 1934 г. вожди «Иха» приняли письменный обет не вступать в сношения или переговоры с правительством Али Джавдата и добиваться его свержения⁶⁵. А спустя месяц, 11 января 1935 г., на совещании шиитских духовных и светских руководителей в Неджефе, проходившем под председательством главного муджтахида Кашифа аль-Гита, была принята петиция к королю. Петиция содержала 12 требований шиитских вождей; среди них основными были следующие: увеличить число депутатов парламента — шиитов пропорционально численности шиитского населения и соответственно предоставить им место во всех органах государственного аппарата; назначать в районах, населенных шиитами, судей из числа шиитов; обеспечить свободу выборов и печати; уменьшить налоги и, в частности, отменить налоги на водоподъемные сооружения⁶⁶. Кроме того, шиитские руководители требовали отставки кабинета Джавдата и роспуска парламента.

14 января 1935 г. шейхи лично прибыли в Багдад и вручили Гази эту петицию. Король отказался удовлетворить их требования, и тогда шиитские шейхи подняли свои племена на вооруженную борьбу.

Во имя чего началось это восстание? Анализ изложенных в петиции требований показывает, что они в основном сводились к обеспечению интересов верхушки шиитского населения — шейхов-помещиков. Все поли-

тические требования, выдвинутые шейхами, были направлены именно на обеспечение их политического равноправия с суннитской верхушкой. Ясно, что пользоваться свободой выборов и печати, а также правом занимать места в государственном аппарате могли не феллахи и бедуины, а шейхи. В их же интересах было добиться отмены налога на водоподъемные сооружения, хозяевами которых они являлись.

Но если восстание началось по инициативе и под руководством богатых шейхов-помещиков, то его движущей силой было шиитское крестьянство, оседлые и полуседлые племена Центрального и Южного Ирака. Крестьяне пошли за своими шейхами против правительства потому, что шейхам удалось направить накопившееся недовольство народа против суннитских властей в Багдаде.

Невыносимое положение разорвавшихся феллахов, попадавших в кабалу к помещикам и ростовщикам, толкало их на борьбу. Признаки надвигающейся бури были заметны давно. Используя религиозную рознь, помещики и ростовщики — непосредственные эксплуататоры крестьянства — отвели от себя удар и даже постарались извлечь пользу из недовольства крестьян.

Темнота, неграмотность крестьян, задавленных феодальным гнетом, их слепая вера в авторитет муджтахидов дали возможность шиитской верхушке убедить феллахов в том, что во всех их бедах виновато суннитское правительство в Багдаде, которое угнетает шиитов, издает несправедливые законы, душит народ непомерными налогами и т. д. В глазах крестьян «земельное урегулирование» и распределение участков, закрепившее помещичью собственность на землю, были делом рук центрального правительства. При этом их внимание уводилось в сторону от того факта, что выгоду от новых законов получали также и шиитские шейхи.

Шейхи обвиняли правительство в увеличении налогов. А налоги росли с лихорадочной быстротой. Так, если за первые десять месяцев 1933 г. сельскохозяйственные налоги принесли государству 455 тыс. динаров, то за тот же период 1934 г. их сумма поднялась до 518 тыс. динаров⁶⁷. Поэтому требование снижения нало-

⁶⁵ M. Khadduri, *Independent Iraq*, p. 52.

⁶⁶ Ibid., p. 55; см. также: «Революционный Восток», 1935, № 4, стр. 49.

⁶⁷ «Аль-Иха аль-Ватани», 16.I.1934.

гов, выдвинутое шейхами, стало одним из центральных лозунгов, поднявших крестьян, которые наивно верили, что свержение ненавистного суннитского правительства сразу же облегчит их положение. Поэтому крестьяне пошли за своими шейхами, являвшимися их непосредственными эксплуататорами. Целью восставших было свержение суннитского правительства, угнетающего народ, и ликвидация английского влияния.

Движение объективно носило антиимпериалистический характер, так как было направлено против ставленника и опоры империализма в Ираке — помещичьего правительства.

Первыми выступили племена фатла (провинция Дивания) во главе с Абд аль-Вахидом Сиккаром, затем могущественный шейх Шаалян аль-Атийя поднял на борьбу племя акра (провинция Хилла). К середине февраля 1935 г. Дивания и Хилла были полностью охвачены восстанием. Премьер-министр Али Джавдат решил послать на усмирение восставших войска во главе с Бакром Сидки. Но, как оказалось, этот генерал не собирався помогать правительству. Хаддури объясняет позицию Бакра влиянием Хикмета Сулеймана, посоветовавшего ему воздержаться от помощи Джавдату. Из всех лидеров «Иха» Хикмет был наиболее активным сторонником поддержки восставших племен. Он готов был заключить союз с любой силой, которая помогла бы ему прийти к власти. Хикмета и Бакра связывали надежды на взаимную помощь в борьбе за власть. Вот почему, действуя в соответствии с советами Хикмета, Бакр медлил с выступлением против повстанцев. А тем временем восстание ширилось, и известия о нем поднимали дух у всех врагов Джавдата, которых было немало и в столице ⁶⁸.

Деспотическое правление Джавдата вызывало крайнее недовольство широких слоев населения. Как отмечал английский журнал, «впервые в истории послевоенного Ирака поднялось народное движение, направленное на свержение правительства» ⁶⁹. С каждым днем положение премьера становилось все более шатким. 11 сенаторов из 20 бойкотировали заседание сената.

⁶⁸ М. Khadduri, *Independent Iraq*, p. 54.

⁶⁹ «The contemporary review», 1936, January, p. 52.

Чувствуя, что он не в состоянии справиться с оппозицией и подавить восстание на Евфрате, Джавдат 23 февраля 1935 г. подал в отставку.

Гази понял, что в создавшейся обстановке решающую роль могут сыграть лидеры «Иха», о связях которых с повстанцами он, очевидно, догадывался. Поэтому король поручил сформировать новый кабинет Ясину, но отказался удовлетворить требование «Иха» о роспуске парламента и предъявил Ясину свои условия, заключавшиеся в том, чтобы в состав нового кабинета были включены Джавдат и Мадфай и не входил Гай-лани ⁷⁰. Ясин отказался от формирования правительства на таких условиях, и король назначил премьером Мадфай.

4 марта 1935 г. Мадфай составил кабинет, в котором Нури Саид был по-прежнему министром иностранных дел, а Тевфик Сувейди занял пост министра юстиции. Смена правительства абсолютно ничего не изменила, и Мадфай столкнулся с теми же затруднениями, которых не смог преодолеть его обанкротившийся предшественник.

Племена фатла перерезали дороги, захватывали и взрывали мосты на Евфрате между Абу Сухейром, Мешхедом и Фейсалией. Они контролировали дорогу между Неджефом и Дивания. Как отмечает английский капитан Макдональд, восстание не было отмечено ни беспорядками, ни грабежами ⁷¹. Племена акра захватили административный центр в 100 км к югу от Хиллы, овладели устьем реки Дагара и затопили большую площадь, воспрепятствовав продвижению войск. В районе Абу Сухейр имели место волнения среди чиновников ⁷². Было создано специальное заседание правительства с участием Корнуоллиса — английского советника министра внутренних дел и Таха аль-Хашими — начальника генерального штаба. После этого были отправлены два полка в Дивания, два — в Абу Сухейр и один — в Самауа.

Положение осложнилось еще больше, когда к северо-востоку от Багдада, в провинции Дияла, восстало крупное племя азза. Становилось ясно, что восстание при-

⁷⁰ Аль-Хасани, *Тарих аль-Ирак*, стр. 139.

⁷¹ «The political development in Iraq...», p. 32.

⁷² Аль-Хасани, *Тарих аль-Ирак*, стр. 141, 142.

намаст угрожающие размеры. В докладе, представленном 15 марта правительству, указывалось, что «народное движение получило широкий размах...»⁷³.

Мадфаи удалось натравить на повстанцев некоторые племена, шейхи которых были по тем или иным причинам склонны поддерживать правительство (чаще всего это объяснялось личной враждой между шейхами). Племена бени хасан, аль-ибрахим и другие атаковали Абд аль-Вахида, но он отбил их наступление и одержал победу. Правительство решило начать переговоры. Мадфаи отправил в охваченные восстанием районы своих министров. Министр внутренних дел Кассаб отправился в Дивания и Шамия, но потерпел неудачу. Та же судьба постигла миссию министра просвещения Джаляби, посетившего Неджеф, чтобы через улемов воздействовать на восставших.

Начальник генерального штаба Таха аль-Хашими заявил Мадфаи, что у армии не хватит сил для подавления восстаний. Мадфаи понял, что он, как и Джавлаг, не может рассчитывать на командный состав армии. 16 марта кабинет Мадфаи, просуществовав всего 13 дней, подал в отставку.

Королю оставалось лишь вновь призвать к власти «Иха», согласившись на все их условия. Поручив Ясину сформировать новый кабинет, Гази дал согласие на включение в правительство Рашида и на роспуск парламента. В кабинете Ясина, сформированном 17 марта, Рашид Гайлани занял пост министра внутренних дел, Нури Саид — министра иностранных дел, Джафар аль-Аскари — министра обороны. Хикмету Сулейману был предложен портфель министра финансов, от которого он отказался, претендуя на пост министра внутренних дел. Но Хикмет не был назначен на этот пост. Намечавшийся в течение некоторого времени разрыв между Ясином и Рашидом, с одной стороны, и Хикметом — с другой, стал фактом.

18 марта, на другой же день после своего прихода к власти Ясин обратился к восставшим племенам с призывом сложить оружие. Шейхи — вожди восстания — изъявили готовность начать переговоры. 1 апреля 1935 г. на 86 автомобилях они прибыли в Багдад; среди

них находились и Абд аль-Вахид Сиккар и Шаалян аль-Атийя. В тот же день в столицу прибыли десять вождей 40 северных племен, поддерживавших правительство и давших обязательство бороться за него. Эта недвусмысленная демонстрация была явно рассчитана на то, чтобы сделать мятежных шейхов более сговорчивыми. Но последние уже и сами были напуганы тем размахом, который приняло восстание, а когда новое правительство заявило о согласии удовлетворить их требования, они решили, что их дальнейшая вооруженная борьба теряет всякий смысл. 5 апреля было опубликовано заявление 13 крупнейших шиитских шейхов, объявивших, что они «отказываются от мысли или попытки к расколу» и будут охранять «иракское единство под сенью престола»⁷⁴.

Духовный вождь шиитов, неджефский муджтахид Кашиф аль-Гита, ранее занимавший неустойчивую позицию, призвал шиитов к прекращению восстания, заявив, что дальнейшая борьба будет лишь на руку политическим партиям; последние он сравнил с лошадьми, на спину которых влезают честолюбцы, преследующие свои личные цели⁷⁵.

Первый этап восстания закончился. Лидеры «Иха», используя восстание племен для своего возвращения к власти, пошли на сговор с несколькими десятками крупнейших шиитских шейхов, удовлетворив их личные требования. Основные же требования, изложенные в январской петиции, были оставлены без всякого внимания, в частности вопрос о судьях, требование о снижении налогов и др. Стало ясно, что эти требования были выставлены богатыми шейхами и муджтахидами лишь для того, чтобы повести за собой массы, чтобы обмануть крестьян. Но эти лозунги глубоко проникли в сознание шиитов, которые не собирались прекращать борьбу из-за того, что личные притязания шиитских вождей уже были удовлетворены. Многие средние и мелкие шейхи также выразили недовольство сделкой вождей восстания с правительством, а отдельные крупные шейхи (например, Хаввам, вождь бану израйдж), сначала не участвовавшие в восстании и ничего не получившие от прави-

⁷³ Там же.

⁷⁴ «Революционный Восток», 1935, № 4, стр. 50.

⁷⁵ «L'Asie française», 1935, juin, p. 201.

тельства, были намерены проделать такой же путь, как Абд аль-Вахид и другие вожди племен, сумевшие извлечь для себя большую выгоду от руководства крестьянским восстанием. Все это создавало почву для продолжения восстания.

Необычайно сильный весенний разлив рек в 1935 г. принес крестьянам громадный ущерб. Разоренные, потерявшие свое жалкое имущество, крестьяне были вынуждены обращаться за помощью к ростовщикам, соглашаясь при этом на самые кабальные условия. Как сообщала газета «Аль-Алям аль-Араби», стекавшиеся отовсюду в Багдад тысячи крестьян «умоляли правительство избавить их от ростовщиков, у которых аллах отнял всякое милосердие и сострадание и которые дают взамен динар лишь при условии, чтобы им через месяц вернули два»⁷⁶. В письме из Дивания, напечатанном в этой газете, сообщалось, что в связи со стихийным бедствием богатые торговцы требуют у государства сельскохозяйственные кредиты и собираются использовать эти средства для того, чтобы кредитовать крестьян на кабальных условиях. Крестьяне же, которые еще не расплатились с казной за предыдущую ссуду, не могут рассчитывать на получение от государства новой, и им ничего не останется делать, как залезть в тяжелейшую кабалу⁷⁷. Подобная обстановка, сложившаяся в районах среднего и нижнего течения Евфрата и Тигра, способствовала тому, что эта территория превратилась в арену массовых выступлений крестьян.

Демократические и революционные группы, существовавшие в Ираке — в первую очередь коммунистические, — стремились возглавить это движение, придать ему организованный характер, создать единое руководство и втянуть в борьбу городское население. С этой целью был создан так называемый Центральный комитет антиимпериалистического фронта, о котором, к сожалению, почти нет данных. Известны лишь три документа, выпущенных этой организацией⁷⁸. Первый из них представлял собой воззвание, озаглавленное «К революции, к

оружию, к бою!». В нем говорилось: «Гнет и притеснение — вот что побуждает миллионные народные массы поднять знамя революции и восстания, толкает их к борьбе за уменьшение налогов, за уничтожение несправедливости чиновников и беззаконий сборщиков налогов...

Гнет толкает на борьбу за уничтожение страшного кошмара, кошмара империализма и его прихвостней из правящих паразитических классов, которые живут кровью голодных, раздетых, изнуренных рабочих масс.

Эти массы поднялись, как лев, и из их груди вырвался крик „Да здравствует революция!“, „Долой империализм и эксплуатацию!“.

Империалистическое правительство в своих заявлениях говорит: „Это движение исходит от двух шейхов. Долой этот обман, долой обманщиков!“ Доблестные массы! Нужно возвысить наш голос — голос рабочих, армии, студентов и всех угнетенных сынов народа в городах и деревнях! Поможем нашим братьям, восставшим крестьянам!».

В другом призыве, названном «Чего мы хотим?», говорилось: «Мы восстали и подняли оружие против империализма и его пособников.

Мы требуем ликвидации английских воздушных баз в Ираке; изменения договора 1930 г. и превращения его в договор „равный с равным“; отклонения проекта строительства железной дороги Багдад — Хайфа, так как он преследует только интересы империалистов; изменения соглашений о нефти; снижения окладов крупным чиновникам и министрам; распределения казенных земель среди беднейших крестьян; аннулирования крестьянских долгов и уменьшения налогов; издания закона о защите труда; закрытия газет, отстаивающих интересы империалистов; введения прямых свободных выборов; удаления лиц, сеющих рознь в народе».

Третий документ, аналогичный по содержанию двум первым, был обращен к офицерам и заканчивался следующими словами:

«Направьте вашу силу против истинного вашего врага, который находится среди вас, присоединяйтесь к рядам революционеров и бейте империалистов со всей вашей силой и верой, обратите козни вашего врага на его

⁷⁶ «Аль-Алям аль-Араби» (العالم العربي), 23.VII.1935.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Все три документа цит. по: «Революционный Восток», 1935, № 4, стр. 52, 53, 55.

«собственную голову! К борьбе за подлинную независимость!».

Из этих документов явствует, что демократические силы Ирака выдвинули лозунги антиимпериалистической революции. Требования программы были направлены на достижение политической независимости Ирака, что отвечало интересам подавляющего большинства населения страны. Можно говорить также об антифеодальной направленности лозунгов. Правда, лозунг раздела помещичьих земель между крестьянами не выдвигался, однако требования распределения государственных земель среди бедных крестьян и аннулирования задолженности крестьян отражали интересы широчайших крестьянских масс. И все же не правы те авторы, которые, опираясь на эти документы, приписывали восстанию иракских крестьян такую организованность и сознательность, какой оно отнюдь не обладало и не могло обладать, ибо экономика и социальная отсталость иракского общества определяла крайнюю отсталость крестьянских масс. Некоторые советские авторы утверждали, что ход восстания «целиком оказался под влиянием комитета антиимпериалистического фронта»⁷⁹. Между тем конкретный анализ событий, происходивших в период восстания, показывает ошибочность подобной оценки. Единого руководства, тем более последовательно революционного, у восставших крестьян не было.

Второй этап восстания начался в мае 1935 г., когда почти одновременно поднялись на борьбу бану израйдж — одно из крупнейших племен Нижнего Евфрата, соседние с ним племена афадж, бени хушейм, давалим и абу хасан и крупные племена, жившие в провинции Мунтафик. Племя бану израйдж во главе с шейхом Хаввамом, выступив 6 мая 1935 г., захватило Румайса и перерезало железную дорогу между Багдадом и Басрой. Между этим двумя центрами была прервана также телеграфная и телефонная связь⁸⁰. Племена провинции Мунтафик быстро ликвидировали на довольно обширной территории власть правительства. Гарнизоны го-

⁷⁹ Там же, стр. 62. — Преувеличение роли этого комитета имеет- ся и в современных работах по Ираку, в частности в статье «Ирак», помещенной в БСЭ (т. 18, изд. 2).

⁸⁰ «L'Asie française», 1935, mai, p. 162.

родов Ур и Сук аш-Шуйюх сдались повстанцам. Восстание охватило район Насирия.

15 мая король Гази объявил Средний Евфрат на военном положении. Против повстанцев были брошены войска во главе с Бакром Сидки. Конница Хаввама была опрокинута. Беспощадная бомбардировка с воздуха сломила сопротивление бану израйдж. 16 мая правительственные войска заняли Румайса. Захваченный в плен Хаввам был приговорен к пожизненному заключению. Как сообщает Макдональд, накануне решающего боя шейхи племен давалим и абу хасан покинули Хаввама. После поражения Хаввам бежал к шейхам племени бени арид, и они выдали его властям. Шейхи, дезертировавшие накануне битвы, объявили о своей капитуляции после того, как Бакр занял Румайса. Таким образом, измена феодалов способствовала поражению восстания⁸¹.

Не теряя времени, Бакр направился в провинцию Мунтафик, где повстанцы перерезали железную дорогу в Тель аль-Ляхм и захватили Укайса, где они сожгли правительственные архивы⁸². В районе Насирия кавалерийский полк, продвигавшийся на юг, натолкнулся на стойкое сопротивление конного отряда повстанцев. Сильные дожди, выпавшие в районе Дивания, затрудняли действия войск; боеприпасы и провиант сбрасывались им с воздуха на парашютах⁸³. Повстанцы Мунтафика, пытаясь остановить продвижение врага, открыли на Евфрате шлюзы и затопили обширное пространство, но это не спасло их от разгрома с воздуха⁸⁴.

1 июня Бакр Сидки вступил в Сук аш-Шуйюх. Последовала расправа с руководителями повстанцев. Девять из них были казнены, 54 сосланы на каторгу, 66 брошены в тюрьмы⁸⁵. И здесь также большую роль сыграло предательство феодалов. Шейхи племен аджван, занимающих ключевое положение по обе стороны канала Шатт аль-Хай и являющихся наиболее мощной из трех группировок племен Мунтафика, пропустили через свою

⁸¹ «The political development in Iraq...», p. 40—41.

⁸² «The Near East and India», 23.V.1935.

⁸³ S. Longrigg, *Iraq 1900 to 1950*, p. 242.

⁸⁴ «L'Asie française», 1935, juillet, p. 201.

⁸⁵ Аль-Хасани, *Тарих аль-Ирак*, стр. 146.

территорию правительственные войска, шедшие в Насирию для подавления восстания, и, более того, уговорили повстанцев района Сук аш-Шуйюх сложить оружие.

Некоторые шейхи капитулировали еще до прихода армии Бахра. Макдональд перечислял имена видных шейхов, заранее объявивших о своей лояльности по отношению к правительству и обязавшихся предоставить рабочую силу для ремонта поврежденной железнодорожной линии между Уром и Насирией. Когда Бахр 24 мая вступил в Мунтафик, местные власти уже освободили запертых в «сараях» полицейских⁸⁶.

В начале июля 1935 г. официальное коммюнике командования иракской армии возвестило, что «порядок полностью восстановлен в районе Мунтафика». Майское восстание было наиболее серьезным выступлением против правительства; на его подавление пришлось бросить основную массу иракских вооруженных сил, в том числе всю авиацию Ирака, и израсходовать более 1 млн. динаров⁸⁷. По существу вся военная машина государства была пущена в ход. Решающим фактором поражения повстанцев с военной точки зрения явилась авиация, сыгравшая основную роль в операциях. Однако положение было бы иным, если бы правительству пришлось бороться не с двумя главными очагами восстания, как это было в мае (Румайса и Сук аш-Шуйюх), а с несколькими, в частности, если бы продолжали вести борьбу фатла, акра, азза и другие племена, поднявшие восстание в феврале. Но последние, обманутые своими шейхами, прекратили борьбу и не поддержали племена, поднявшиеся в мае. Сделка шиитских феодалов с правительством сыграла таким образом важную роль в разгроме восстания.

Уже после подавления евфратских восстаний произошла очередная вспышка курдского национального движения. Племена Барзани вновь поднялись на борьбу за получение автономии. Возглавил восстание доблестный боец за свободу курдского народа шейх Халиль Хошави. Оказавшись не в состоянии справиться с восстанием, иракские власти призвали на помощь Турцию. Совместные силы турецких и иракских войск двинулись на пов-

станцев. Основные силы курдов были уничтожены еще в декабре 1935 г., тогда же были схвачены и повешены 12 руководителей восстания. Но лишь после восьми месяцев героической борьбы, весной 1936 г., восстание курдов было подавлено полностью. Халиль Хошави был захвачен в плен и расстрелян в марте 1936 г.⁸⁸

Параллельно с восстанием племен Барзани развернулась борьба курдов-иезидов. Непосредственным поводом к их выступлению послужило решение правительства ввести среди курдов всеобщую воинскую повинность. Восставшие во главе с Даудом ад-Даудом долго боролись против правительственных войск, но в декабре 1935 г. были разгромлены в битве, во время которой они потеряли более 100 человек убитыми. Дауд ад-Дауд бежал в Сирию, девять других вождей повстанцев были повешены, 378 активных борцов были сосланы на каторгу или брошены в тюрьмы⁸⁹.

Между тем южная часть страны, где, по заявлению властей, уже к июлю 1935 г. был «наведен порядок», вновь стала ареной вооруженных выступлений крестьян. В Мунтафике восстали племена в районе Гаррафа. Началось восстание в Мудайна, вблизи Басры. Причиной этих восстаний были, как признает Хаддури, плохие экономические и социальные условия. В Мудайна восстание было разгромлено уже в сентябре, а племена Гаррафа боролись вплоть до февраля 1936 г., когда они были буквально сметены силами армии и авиации.

Но как только войска подавляли восстание в одном месте, оно сразу же начиналось в другом. Еще не отгремели бои у канала Гарраф, как по соседству выступило племя бени рукаб — одно из крупных племен Мунтафика, а сразу же после подавления этого восстания правительство было вынуждено бросить крупные силы в район Румайса. Там вторично поднялись бану израйдж и давалим, те самые, которые составили главную ударную силу восстания в мае 1935 г. Уже в марте 1936 г. они вновь поднялись на борьбу, а вслед за ними выступили бани хушейм. В апреле весь район Румайса был

⁸⁸ Аль-Хасани, *Тарих аль-Ирак*, стр. 146; см. также: S. Longrigg, *Iraq 1900 to 1950*, p. 243.

⁸⁹ Аль-Хасани, *Тарих аль-Ирак*, стр. 147; см. также: M. Khadduri, *Independent Iraq*, p. 64.

⁸⁶ «The political development in Iraq...»

⁸⁷ «L'Asie française», 1935, juillet, p. 202.

вновь охвачен восстанием. Как и годом раньше, была перерезана железная дорога, полицейские гарнизоны в населенных пунктах сдавались повстанцам. В апреле восставшие сбили два самолета, затем одержали победу над регулярными частями иракской армии — повстанческий отряд в 1200 человек атаковал колонну войск, высланную для подавления восстания. В этом бою правительственные войска потеряли 90 человек⁹⁰.

Правительство ввело военное положение и отправило в район Румайса крупные силы пехоты и авиации. В мае 1936 г. восстание было подавлено. В течение нескольких месяцев после этого восставших судили военные трибуналы, жестокие приговоры которых осуждала не только оппозиция, но и ряд сторонников правительства⁹¹. Восстание непокорных племен, осмелившихся вторично выступить против властей, было потоплено в крови. Но прошел какой-нибудь месяц, и в июне 1936 г. вновь началось восстание в Дивании. Племена акра, «усмирённые» весной 1935 г., снова взялись за оружие⁹². Это были племена, которые через два месяца после начала первого восстания отказались от дальнейшей борьбы, после того как их шейх Шаалия аль-Атийя в числе других пошел на сговор с правительством. Поняв, что они стали жертвой обмана, акра вторично подняли знамя восстания. Но на этот раз против них бросили все силы, только что освободившиеся после операции в Румайсе. Бакр Сидки, лично руководивший боевыми действиями, беспощадно расправился с восставшими. Косени в Дивания вновь «царило спокойствие».

Последним на Евфрате было выступление племени сафуан в округе Самауа, близ Хидр. Это племя начало борьбу в августе 1936 г., и его сопротивление долго не удавалось подавить. Однако через некоторое время и это восстание было разгромлено⁹³.

Не подлежит сомнению, что движущей силой всех восстаний в 1935—1936 гг. были крестьяне, доведенные до отчаяния невыносимым гнетом. Восстания охватили ряд районов, и в них участвовали почти все крупные ши-

итские племена Южного Ирака и часть суннитских племен центральной части страны. Однако оседлые суннитские племена центральной части страны (провинции Багдад, Дулайм) и давно утратившие остатки племенной организации крестьяне-сунниты района Дияла почти не участвовали в движении. Восстание было направлено против правительства, вместе с империалистами угнетавшего народ. Но слабая политическая сознательность крестьян, находившихся в тисках феодальной зависимости, позволила шейхам возглавить движение и использовать народное возмущение для достижения своих целей.

Начало рабочего движения

Ко времени отмены английского мандата в Ираке, по официальным английским данным, насчитывалось менее 11 тыс. рабочих, из них 6 тыс. железнодорожников и 3,5 тыс. нефтяников⁹⁴. Как правило, рабочие-иракцы (часть рабочих составляли индийцы) были недавними выходцами из деревни, которых нужда толкнула на поиски заработков. Неграмотность, ограниченный политический кругозор — эти характерные черты феллахов были свойственны в достаточной степени и иракским рабочим, среди которых не было кадровых пролетариев и отсутствовали пролетарские традиции. Этим объясняется тот факт, что в течение долгого времени в стране не было рабочих организаций. Одной из первых робких попыток в этом направлении была петиция железнодорожных рабочих об открытии клуба, поданная правительству в конце 1924 г.⁹⁵ В 1928 и 1929 гг. были созданы Ассоциация ремесленников, а также организации печатников, механиков, шоферов такси, парикмахеров, торговцев фруктами⁹⁶. Тем самым был сделан первый шаг по пути объединения рабочих и ремесленников в профессиональные союзы цехового типа.

Организация механиков (первоначально именовавшаяся «Национальный клуб механиков») включала часть железнодорожников и была наряду с Ассоциацией ре-

⁹⁰ Аль-Хасани, *Тарих аль-Ирак*, стр. 148.

⁹¹ S. Longrigg, *Iraq 1900 to 1950*, p. 243.

⁹² M. Khadduri, *Independent Iraq*, p. 64.

⁹³ S. Longrigg, *Iraq 1900 to 1950*, p. 243.

⁹⁴ «Революционный Восток», 1934, № 6, стр. 91. — В это число не включены ремесленники и рабочие, занятые в сфере услуг.

⁹⁵ Там же, стр. 89.

⁹⁶ «Special report by H. M. government...», p. 27.

месленников, также объединявшей часть железнодорожников, крупнейшей профессиональной организацией иракских трудящихся. Руководил этой организацией Мухаммед Салих аль-Каззаз, с именем которого связан весь первый этап деятельности иракских профсоюзов. Инженер по профессии, человек весьма способный и энергичный, Каззаз неустанно выступал в печати в защиту интересов рабочих, разоблачая эксплуататорскую деятельность иностранных компаний и требуя изменения чудовищных условий жизни и труда рабочих.

Отличительной чертой деятельности профсоюзов Ирака на первом этапе существования была их антиимпериалистическая направленность. Они выступали почти исключительно против иностранных компаний, не задевая иракской буржуазии, и вели борьбу против имевших место различий в оплате труда и более льготных условий приема на работу рабочих-индийцев. Первая забастовка иракских рабочих — стачка железнодорожников (декабрь 1930 г.⁹⁷), была связана с требованием уравнивать в правах рабочих-иракцев с индийцами.

Непосредственным поводом для забастовки было объявленное английской администрацией железных дорог сокращение рабочего дня с 8 до 4 часов и соответствующие снижение заработной платы на 50%. Это мероприятие касалось поденщиков-иракцев и не затрагивало индийцев, работавших на основании долгосрочного контракта. Каззаз, возглавивший к этому времени союзы механиков и ремесленников, начал переговоры с администрацией. 12 ноября 1930 г. он разослал копии письма, содержавшего требования рабочих, кабинету министров, парламенту, министру внутренних дел, министру общественных работ и коммуникаций. Ответа не последовало, и 3 декабря началась стачка, в которой участвовало около тысячи рабочих. Она длилась три дня. Администрация, застигнутая врасплох, обещала рассмотреть требования рабочих. Однако спустя несколько дней постановление о сокращении заработной платы и рабочего дня вступило в силу, причем предста-

вителям рабочих было объявлено, что, поскольку данное мероприятие проводится в целях экономии средств, единственным средством удовлетворения требований рабочих было бы увольнение 173 человек. Администрация отказалась вести дальнейшие переговоры и объявила о прекращении оплаты праздничных дней, отпусков по болезни и т. д. Тогда забастовка возобновилась, причем багдадских рабочих поддерживали железнодорожники периферии. Забастовка длилась два месяца. В феврале 1931 г. администрация была вынуждена вступить в переписку с Ассоциацией ремесленников и обещать, что прежнее положение будет восстановлено. Рабочие вернулись на работу, но это обещание оказалось обманом. Организация была запрещена, постановление о 4-часовом рабочем дне и сокращении заработной платы вступило в силу.

Эта забастовка имела важное значение, как первое организованное выступление иракского рабочего класса. В жизнь страны вошло неизвестное ранее явление — стачка рабочих, руководимых профсоюзом. Как отмечалось в последнем английском отчете Лиге Наций, «имеются признаки того, что рабочие пробуждаются и начинают сознавать силу коллективных действий в их отношениях с предпринимателями»⁹⁸.

Вскоре Каззаз добился отмены запрещения Ассоциации ремесленников. Летом 1931 г. этот союз возглавил новую забастовку. На этот раз выступили ремесленники, кустари, лавочники, протестовавшие против нового налога, составлявшего 7% всех их доходов. Забастовка, начавшаяся 5 июля в Багдаде, перекинулась в Басру, где ее поддержали железнодорожники, организовавшие большую демонстрацию. В результате столкновения с полицией было убито трое рабочих, но это лишь усилило гнев демонстрантов, проходивших по улицам Басры с антианглийскими лозунгами. Было избито несколько английских чиновников. Некоторые демонстранты были арестованы.

Бастующих поддержали партии «Хизб аль-Ватани» и «Иха», находившиеся в оппозиции к правительству Нури Саида. Забастовка окончилась победой: новые налоги были отменены, арестованные выпущены. Одна-

⁹⁷ Первая забастовка в истории Багдада произошла летом 1930 г., но тогда бастовали не рабочие, а лавочники, протестовавшие против нового налога (F. Grobba, *Iraq*, S. 94).

⁹⁸ «Special report by H. M. government...», p. 243.

ко, пойдя на уступки, правительство, напуганное забастовкой, решило в дальнейшем пресечь возможность организации выступлений и с этой целью 27 августа 1931 г. распорядилось закрыть Ассоциацию ремесленников. Как писал Каззаз, это было сделано по прямому требованию иностранных компаний⁹⁹.

Для того чтобы несколько успокоить рабочих, выразивших протест против запрещения самого активного профсоюза, власти прибегли к социальной демагогии. 11 ноября 1931 г. парламент единогласно принял резолюцию, предлагавшую правительству разработать трудовое законодательство¹⁰⁰. Чтобы составить закон о труде, правительству понадобилось почти пять лет; он был издан в апреле 1936 г.

Тем временем рабочее движение продолжало развиваться. Каззаз и другие лидеры рабочих добивались создания единого профсоюза, который объединил бы все организации рабочих и ремесленников Ирака. Летом 1932 г. союз механиков обратился к министру внутренних дел с просьбой разрешить ему переменить свое название на «Общество объединения рабочих». Министр ответил отказом. Было отказано и в другой просьбе — разрешить профсоюзам организовывать промышленные выставки¹⁰¹.

В 1933 г. рабочим удалось добиться своей цели: правительство, сформированное партией «Иха», которая в период пребывания в оппозиции поддерживала требования профсоюзов и не могла теперь без ущерба для своего престижа переменить эту позицию, разрешило организацию единого союза. В мае 1933 г. под руководством Каззаза было создано «Общество объединения рабочих Ирака», в которое вошли 20 союзов и цеховых организаций. Программа общества предусматривала борьбу за улучшение экономического положения трудящихся. Политических требований эта организация не выдвигала.

Первые же серьезные события убедили правящие классы Ирака в том, что вновь созданная организация не имеет ни малейшего намерения стать на путь рево-

люционной борьбы. Когда началась «ассирийская кампания», «Общество объединения рабочих» безоговорочно поддержало правительство и призвало всех рабочих Ирака принять участие в борьбе против «врага». Захлестнутые волной шовинизма, сбитые с толку своими лидерами, рабочие поддержали правительство. Они горячо встречали войска, возвращавшиеся после кровавой расправы с мирным айсорским населением. Демонстранты-рабочие несли плакаты с лозунгами: «Да здравствует вождь великой армии его величество король Файсал!», «На черепах строятся престолы!» и т. д.¹⁰²

Правительство в общем было удовлетворено политической профсоюзной и вступило с ними в конфликт лишь в связи с бойкотом английской электростанции в Багдаде, объявленным в конце 1933 г. Эта электростанция, принадлежавшая английскому капиталу и установившая чрезвычайно высокие цены за пользование электричеством, давно была объектом недовольства жителей. По инициативе профсоюзов после широкой кампании в печати 5 декабря 1933 г. был объявлен бойкот электростанции, и в течение 27 дней Багдад оставался без электрического освещения.

Правительство Мадфаи, встав на защиту интересов английского капитала, силой подавило бойкот. Были закрыты газеты, поддерживавшие это движение, «Общество объединения рабочих» было запрещено, а Каззаз и другие профсоюзные лидеры арестованы и высланы в Сулеймание. Однако вскоре Каззаз оказался на свободе.

Забастовочное движение иракских рабочих ширилось. «Забастовка докеров и рабочих строительства плотины Кут заставила власти издать Кодекс о труде, обеспечивавший им право создавать профсоюзные организации и другие элементарные права»¹⁰³. Забастовочная борьба приобрела особенно мощный размах после создания правительства Хикмета Сулеймана. Таким образом, в 30-х годах молодой рабочий класс Ирака вступил на путь классовой борьбы.

Помимо профсоюзов, на рабочее движение оказывали влияние некоторые другие организации. Так, «Хизб

⁹⁹ «Аль-Ахали», 3.XI.1933.

¹⁰⁰ «Special report by H. M. government...», p. 244—245.

¹⁰¹ «Аль-Иха аль-Ватани», 20.VI.1932.

¹⁰² «Революционный Восток», 1934, № 6, стр. 97.

¹⁰³ «World news», 1954, N 20.

аль-Ватани» стремилась использовать забастовочное движение для затруднения деятельности правительства, против которого эта партия выступала. В органе ваганистов «Аль-Ахали» в течение некоторого времени еженедельно появлялась специальная страница, именовавшаяся «Голос рабочих», на которой в качестве девиза было начертано: «Устранением эксплуатации человека человеком устранить одновременно и эксплуатацию нации нацией»¹⁰⁴.

В Мосуле в 1932—1933 гг. группа интеллигентов, издававшая газету «Рабочие», пыталась создать «рабочую партию». Однако правительство не дало на это разрешения¹⁰⁵. Подобные группы молодых интеллигентов, знакомых с марксистскими идеями и успехами социалистического строительства в СССР, и составили ядро коммунистической партии. В 1932 г. Фахед, имя которого навсегда сохранится в памяти иракского народа, создал первый марксистский кружок в Насирия и в 1934 г. провел в Багдаде конференцию, на которой была фактически создана коммунистическая партия. Официально вновь созданная организация называлась «Комитет борьбы против империализма и эксплуатации». В июле 1935 г. был издан первый номер газеты «Кифах аш-Шааб», в котором было напечатано, что газета является «органом Иракской коммунистической партии». Это был первый случай, когда партия объявила о своем существовании. Вышло всего пять номеров «Кифах аш-Шааб». В 1938 г. появился новый печатный орган коммунистической партии «Аш-Шарара»¹⁰⁶.

Одним из первых шагов партии была организация демонстрации под лозунгом «Хлеб — голодным»¹⁰⁷. Аль-Хасани сообщил, что при правительстве Джавдата Айюби коммунистические идеи «широко распространились», полиция вела борьбу, но не сумела добраться до распространителей этих идей¹⁰⁸.

Слабость иракского рабочего движения помешала коммунистической партии возглавить борьбу рабочего класса.

В Ираке существовала еще одна политическая группа, которая не была непосредственно связана с рабочим классом, но все же в какой-то мере выражала его интересы. Это была так называемая группа «Ахали», возникшая в 1931 г. Создателями этой группы были, по сообщению Хаддури, «несколько молодых энтузиастов, проникшихся либеральными идеями»¹⁰⁹. Первоначально «Ахали» лишь проповедовала принципы Великой французской революции и требовала установления демократического строя в Ираке. В 1934 г. среди участников группы получили преобладание псевдосоциалистические «идеи». Это произошло под влиянием двух наиболее «левых» и в то же время самых энергичных руководителей «Ахали» — Ибрахима и Хадиды.

Абд аль-Фаттах Ибрахим получил образование в США, в Колумбийском университете. Он проявлял большой интерес к Советскому Союзу, много читал о социалистическом строительстве в СССР, и это оказало на него сильное влияние. Его взгляды разделял и Мухаммед Хадид, окончивший в Лондоне Школу экономики и политических наук. Под влиянием этих двух молодых буржуазных интеллигентов группа «Ахали» стала проповедовать своеобразную эклектическую систему взглядов, получившую название «шаабийя» («народность»). В качестве идеала выдвигался социализм, определявшийся как «благополучие для всего народа», для всех индивидуумов и классов независимо от религии, происхождения или степени богатства¹¹⁰. Демократия общепризнанного типа отвергалась как опирающаяся на принцип индивидуализма. В отличие от нее «шаабийя» утверждала некий «коллективизм». Ближайшей задачей считалось создание в Ираке свободного, демократического государства. «Шаабийя» отвергала марксистскую концепцию классовой борьбы и социальной революции и национализм, но признавала и поддерживала патристизм, считая его чрезвычайно важным фактором развития общества.

Эта довольно путаная теория буржуазных реформистов, неспособных усвоить социалистические идеи, не оказывала, впрочем, сильного влияния на практиче-

¹⁰⁴ «Революционный Восток», 1934, № 6, стр. 96.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ «Iraqi review», 1. II. 1960.

¹⁰⁷ «World news», 1954, N 20.

¹⁰⁸ Аль-Хасани, *Тарих аль-Ирак*, стр. 137.

¹⁰⁹ M. Khadduri, *Independent Iraq*, p. 73.

¹¹⁰ Ibid., p. 71.

скую деятельность группы «Ахали». Группа требовала улучшения условий жизни рабочих, издания закона о труде и разрешения деятельности профсоюзов, а также свободы печати и т. д. В целом группа отражала интересы мелкой буржуазии и ремесленников. «Организации мелкой буржуазии и ремесленников, — говорилось в одном из документов коммунистической партии, — находились в растерянности. Они выдвигали утопические лозунги и не могли обеспечить четкого политического руководства»¹¹¹.

Со 2 января 1932 г. группа «Ахали» начала издавать газету «Аль-Ахали», резко критиковавшую правительство Нури, а затем Рашида и уделявшую большое внимание жизни рабочих. Группа устраивала тайные собрания. В 1934 г. «Ахали» открыла в Багдаде клуб для пропаганды принципов «шаабийя» среди молодежи, но через несколько месяцев он был закрыт.

В конце 1934 и начале 1935 г. группа претерпела серьезные изменения. К ней примкнули деятели «левого крыла» партии «Иха» — бывшие лидеры партии ватанистов Кямил Чадарчи и Джафар Абу ат-Тимн. Чадарчи, ставший после второй мировой войны руководителем национально-демократической партии, в те времена еще только начинал свою политическую деятельность. Он был известен своими левыми взглядами и оказывал влияние на старого лидера ватанистов Абу ат-Тимна — представителя либеральной части торговой буржуазии. Вслед за двумя этими деятелями «Иха» с группой «Ахали» сблизился и Хикмет Сулейман, всегда высказывавший более либеральные взгляды, чем такие лидеры «Иха», как Рашид и Ясин. Эти политические деятели отнесли на второй план менее опытных Ибрахима и Халида и фактически взяли в свои руки руководство «Ахали». Газета «Аль-Ахали» превратилась в орган Абу ат-Тимна и его друзей, но продолжала подвергать резкой критике лиц, стоявших у власти. Ясин и Рашид, недовольные связями Хикмета с группой «Ахали», которую они считали «коммунистической», отказались дать ему портфель министра внутренних дел в правительстве, созданном в марте 1933 г., и он, разорвав с ними, окончательно примкнул к «Ахали». Вскоре был соз-

дан исполнительный комитет «Ахали», в который вошли Абу ат-Тимн, Хикмет Сулейман, Чадарчи, Халид и Ибрахим. Двое последних вместе с молодым способным журналистом Абд аль-Кадиром Исмаилом¹¹² составляли теперь левое крыло реорганизованной группы, но оно не пользовалось уже решающим влиянием.

По-прежнему происходили тайные собрания, но «шаабийя» уже не проповедовалась. Речь шла лишь о реформах. Вскоре Абд аль-Фаттах Ибрахим, требовавший создания открытой массовой политической партии, но не сумевший убедить остальных руководителей «Ахали» в необходимости сделать этот шаг, вышел из состава группы. Абд аль-Кадир Исмаил был арестован по обвинению в коммунистической деятельности. Контроль над группой «Ахали» перешел в руки правого крыла.

¹¹² Одно время Абд аль-Кадир Исмаил был главным редактором газеты «Аль-Ахали».

¹¹¹ «World news», 1954, N 20.

ГЛАВА III

ОБОСТРЕНИЕ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

Переворот 1936 г.

С приходом «Иха» к власти в марте 1935 г. группировка Али Джавдата и Джамиля Мадфаи была заменена сторонниками Ясина Хашими и Рашида Гайлани. Крестьянские восстания, которые были использованы лидерами «Иха» для того, чтобы свалить кабинет Джавдата, теперь беспощадно подавлялись. Вскоре Мадфаи и Джавдат попытались повторить прием «Иха» и, используя крестьянские движения, вернуть власть. Но они потерпели неудачу.

В новом парламенте, избранном 4 августа 1935 г. и, разумеется, состоявшем преимущественно из сторонников «Иха», происходили трения между Ясином Хашими и Мадфаи. Каждый обвинял другого в подстрекательстве племен к восстанию с целью захвата власти. Однако никакого серьезного расследования обвинений проведено не было, обе стороны ограничились взаимными оскорблениями, и на этом все дело кончилось. Ясина и Рашида волновало другое, и, оглядываясь на опыт своего первого прихода к власти в 1933 г., они взяли курс на то, чтобы ликвидировать возможность возникновения оппозиции, способной вести борьбу за свержение их кабинета. Было решено в первую очередь покончить с политическими партиями. Ясин и Рашид начали с того, что распустили свою собственную партию «Хизб аль-Иха аль-Ватани». После прихода их к власти существование партии стало, собственно говоря, излишним, поскольку она была создана как объединение группы политиков, стремившихся

взять в свои руки власть и нуждавшихся в пропагандистском аппарате для проведения кампании среди населения. Точно так же распустил свою партию («Хизб аль-Ахд») и Нури Саид после того, как она выполнила свое назначение — была достигнута отмена мандата и заключен договор с Англией. В период пребывания у власти Джавдата прекратила свое существование созданная им после разрыва с «Иха» так называемая Национальная партия единства («Хизб аль-Вахда аль-Ватани»). Все это вполне понятно, если иметь в виду характер этих «партий» — беспринципных группировок различных представителей класса феодалов, боровшихся за власть.

Роспуск партии «Иха» должен был, по мнению ее лидеров, подчеркнуть, что правительство Ясина считает себя не «партийным», а «общенациональным» правительством, представляющим интересы всей нации. Ясин провозгласил широковещательную программу деятельности, направленную к «подъему, прогрессу и процветанию» Ирака, — программу, отличавшуюся от аналогичных документов, опубликованных предыдущими кабинетами, лишь совершенно беспрецедентным размахом демагогии и невероятным обилием обещаний. Из этой программы вытекало, что все национальные чаяния и интересы иракского народа будут обеспечены новым правительством, поэтому якобы отпала необходимость в существовании каких-либо партий. Ясин призвал «всю нацию» к дружной и конструктивной работе вместо партийных распрей.

Спад антиправительственного народного движения в результате поражения крестьянских восстаний позволил феодальной реакции еще больше укрепить режим диктатуры, репрессий и произвола. Полицейский террор, установленный Хашими и Гайлани, затмил даже мрачные времена правления Нури Саида. Такого беспощадного преследования всех подозреваемых в «коммунистической деятельности», такой широкой чистки «ненадежных» чиновников, такого развития системы слежки, доносов и шпионажа, такого сурового подавления малейшей критики в адрес правительства Ирак еще не видел. «Все умные люди, все люди, говорящие правду, были объявлены коммунистами»¹ — говорил впоследствии Хикмет Сулейман. Была закрыта одна из наиболее распространенных

¹ «Революционный Восток», 1937, № 1, стр. 85.

иракских газет — «Аль-Алям аль-Араби», выступавшая с критикой режима. С первого же номера была запрещена газета группы «Ахали» — «Аль-Байан», обвинившая правительство в том, что, заключив с Англией соглашение о передаче железных дорог, оно «еще на 20 лет сохранило зависимость экономики Ирака от Англии»². Были запрещены также газеты «Ас-Сарха», «Аль-Ислях» и др. В результате этих мер всякая критика в адрес правительства полностью исчезла со страниц печати.

В апреле и мае 1936 г. лидеры «Ахали» Абу ат-Тимн и Хикмет Сулейман совместно с Мадфай и Наджи Сувейди отправили королю три петиции относительно свободы печати, но никаких последствий это обращение не имело. О самих петициях иракская общественность узнала лишь из сирийских и ливанских газет.

Жестокая расправа с крестьянскими восстаниями, запрещение деятельности профсоюзов, расцвет коррупции, грабежей и лихоимства властей — таковы отличительные черты режима Ясина — Рашида. Обогащение министров и правительственных чиновников, депутатов парламента и ставленников Ясина на местах приняло невиданные размеры. В этом отношении даже кабинет Джавдата, славившийся тем, что все друзья и сторонники премьера, независимо от их знаний и способностей, получили самые почетные и прибыльные места в государственном аппарате, мог бы позавидовать правительству Ясина. Сам Ясин намного увеличил свои личные земельные владения, став одним из богатейших помещиков страны.

В то же время, как и следовало ожидать, все «грандиозные реформы», обещанные Ясином, остались на бумаге. С каждым днем становилось яснее, что с приходом к власти лидеров «Иха» в принципе ничего не изменилось: та же диктатура узкой олигархии, тот же режим репрессий и насилия, та же пустозвонная демагогия в сочетании с полнейшим отказом от каких бы то ни было реформ. Все отрицательные черты предыдущих правительств были представлены в кабинете Ясина в гипертрофированном виде. Постепенно общественность, прежде всего мелкобуржуазная интеллигенция, которая, как уже указывалось, играла главную роль в оппозиционном движении, стала понимать, что режим Ясина Хашими —

² М. Khadduri, *Independent Iraq*, p. 65.

олицетворение всего реакционного, антидемократического, своекорыстного, гнилого, тормозящего развитие страны.

Эта интеллигенция выражала интересы национальной буржуазии, нуждавшейся в ликвидации колониального засилья английского капитала, тормозившего рост иракской промышленности и развитие внутреннего рынка. Необходимо было ликвидировать монополию на власть, которой обладали феодально-компрадорские круги. Реформы Кемаля Ататюрка рассматривались иракской буржуазной общественностью как наглядный пример для Ирака, они стимулировали борьбу против косных и ретроградных правителей. Широкое и все усиливавшееся недовольство народных масс давало почву для выступления с требованиями перемен во всех областях внутренней жизни страны. Выразителем всех этих настроений выступила группа «Ахали», ставшая ядром антиправительственного движения.

Поскольку сложившаяся в результате диктаторского правления Ясина обстановка исключала возможность легальной борьбы против существующего режима, «Ахали» могла рассчитывать на успех, лишь став на путь насильственного свержения правительства, т. е. государственного переворота. Для этого, однако, нужна была сила, способная сокрушить диктатуру Ясина Хашими, и такой силой могла быть только армия.

Молодая иракская армия, созданная и обученная англичанами, была в общем довольно надежным оружием в руках феодальной диктатуры, что и было доказано подавлением крестьянских восстаний. В то же время иракские солдаты — выходцы из народа, которых заставляли убивать своих же братьев-крестьян, — выполняли эти карательные функции, лишь повинаясь приказу. В глазах солдат правительство, заставлявшее их то и дело воевать с народом, не могло пользоваться популярностью. Выступление против такого правительства было бы встречено в армии с энтузиазмом. Если бы командиры примкнули к движению, в поддержке солдат можно было бы не сомневаться. Что же касается низших офицеров, то, будучи в основном выходцами из мелкобуржуазной среды, они разделяли оппозиционные взгляды в отношении режима Ясина Хашими.

Именно мелкое и среднее офицерство, как показали

последующие события, было главной силой «движения армии» начиная с 1936 г. Один из арабских историков, Мухаммед Уда, так описывает зарождение этого движения: «После смерти Файсала, сосредоточившего в своих руках всю полноту власти, в Ираке образовался политический вакуум... Только армия была единой организованной силой, и она вырвалась вперед. Ей удалось взять власть, и в руководстве армией, созданной англичанами, которые считали ее своей опорой, верх взяли революционные, националистические элементы»³.

Уже в середине 30-х годов армия в Ираке превратилась в силу, которая могла стать инструментом борьбы с засильем иностранного капитала и феодалов. Поэтому все чаще к армии, точнее к ее патриотически настроенному ядру, обращали свои взоры те, кто стремился к освобождению Ирака и всего «арабского отечества».

Высшие офицеры — представители господствующего класса — также оказались в числе тех, кто мог включиться в борьбу против правительства, хотя и по совершенно другим мотивам. Дело в том, что «успехи» иракских войск в действиях против айсоров, курдов и восставших арабских племен вскружили головы некоторым генералам и полковникам. У честолюбивых офицеров все настойчивее проявлялось желание выдвинуться на политической арене. Пример Реза-шаха — солдата, ставшего неограниченным властелином Ирана, — возбуждал зависть многих офицеров иракской армии, порождая в них тайные надежды. Таким образом, в армии заговорщики из группы «Ахали» могли найти себе союзников, заинтересованных в свержении кабинета Ясина.

Союз двух разнородных элементов — мелкобуржуазной интеллигенции, представленной группой «Ахали», и армейского офицерства — олицетворялся дружбой руководителей этих сил — Хикмета Сулеймана и Бакра Сидки.

Хикмет Сулейман, турок по национальности, был сыном вали (губернатора) Басры и младшим братом известного младотурецкого деятеля Махмуда Шевкета-пашы, который командовал войсками, взявшими Стамбул и свергшими Абдул Хамида II в 1909 г. Хикмет получил

³ ٥٨. ص ١٩٥٨، القاهرة، ثورة العراق، محمد عودة، (далее—Уда, Саурат аль-Ирак).

образование в Стамбульском университете. В Ираке он занимал различные административные посты. Лонгригг стзывается о нем как о человеке выдающихся способностей, пользовавшемся широкой популярностью. Катиба характеризует Хикмета как расчетливого и честолюбивого политика⁴. По своему интеллектуальному уровню и эрудиции Хикмет отличался от большинства иракских политиков, превосходя в этом отношении и своих коллег по руководству партией «Иха».

Лавры Ататюрка не давали ему покоя. Хорошо зная Турцию и кемалистский режим, он, возможно, намеревался осуществить в Ираке некоторые реформы кемалистского типа. В вопросах внутренней политики Хикмет, несомненно, занимал по сравнению с Ясином, Али Джавдатом, Нури Саидом и другими деятелями правящего лагеря более либеральные позиции. В 1935 и 1936 гг., порвав с прежними друзьями и сблизившись с «Ахали», он выступил в печати с резкой критикой существовавшего режима, высказываясь за прогресс и реформы. За этими в высшей степени общими «либеральными принципами» могли скрываться какие угодно взгляды. Подобная неопределенность давала Хикмету широкое поле для маневров и сближения с самыми различными политическими течениями. Широта его взглядов часто переходила в беспринципность, его склонность к решительным действиям граничила с авантюризмом, его попытки опереться на максимально широкие слои общества приводили к демагогии, а стремление найти политических союзников превращалось в циничную неразборчивость в средствах для захвата власти.

В 1933 г. в первом правительстве «Иха» Хикмет был министром внутренних дел и нес немалую долю ответственности за «ассирийское дело». Вторично придя к власти, лидеры «Иха» уже не дали ему прежнего портфеля. Вскоре, возглавив группу «Ахали», он организовал заговор против своих бывших друзей, вступив в контакт с Бакром Сидки, являвшимся наиболее авторитетным и сильным руководителем иракской военщины.

Бакр Сидки, курд по национальности, служил в турецкой кавалерии, затем окончил штабной колледж в Стамбуле и во время первой мировой войны служил в

⁴ H. J. Katibah, *The new spirit in Arab lands*, p. 81.

главном штабе турецких вооруженных сил, а также участвовал в Галлиполийской операции. После кратковременной службы в сирийской армии Файсала он стал офицером иракской армии. Бакр продолжал свое военное образование в Индии и Англии. За руководство операциями по расправе с айсорами в 1933 г. он получил от Гази титул паши, а за подавление восстания племен в 1936 г. был произведен в генерал-майоры. Человек сильного характера, властный и решительный, жестокий и ограниченный, Бакр стремился к диктатуре, вдохновляясь, по видимому, примером Реза-шаха.

Незадолго до переворота 1936 г. он посетил Германию, и гитлеризм, очевидно, произвел на него впечатление. Понимая, что для управления страной невозможно обойтись без гражданских лиц, он, задумав переворот, вступил в союз с Хикметом. Подробности этого союза неизвестны, так же как и детали заговора и подготовки к перевороту. К осени 1936 г. все было готово для свержения Ясина, который ни о чем не догадывался. Совершая в сентябре 1936 г. поездку по югу страны, Ясин заявил в Басре, что он надеется править страной еще десять лет. Он не подозревал, что его дни сочтены и что наиболее близкая ему среда — армия⁵ явится силой, которая положит конец его, казалось бы, прочному правлению.

В октябре 1936 г. начальник генерального штаба генерал Таха аль-Хашими (брат Ясина) находился в отпуске в Турции. Его замещал Бакр Сидки, командовавший 2-й дивизией. 23 октября Бакр посвятил в свои планы командира 1-й дивизии Абд аль-Лятифа Нури и заручился его поддержкой. О заговоре был уже осведомлен ряд высших офицеров, в том числе командующий военно-воздушными силами Мухаммед Али Джавад, согласившийся предоставить в распоряжение Бакра несколько самолетов.

27 октября Бакр и Абд аль-Лятиф составили текст письма королю с требованием отставки кабинета Ясина и назначения премьером Хикмета. Были также отпечатаны прокламации к населению. На другой день, прибыв в Багдад, Абд аль-Лятиф передал письмо Хикмету Сулейману для вручения королю. Ночью обе дивизии, объ-

⁵ Ясин был профессиональным военным, офицером турецкой армии, затем занимал видный пост в сирийской армии Файсала.

единенные под командованием Бакра и названные «Силы национальной реформы», тайно вошли в город Бакуба и оттуда утром 29 октября начали поход на Багдад. Одновременно над столицей появилось пять самолетов, которые сбрасывали листовки с обращением командующего «Силами национальной реформы» Бакра Сидки к «благородному иракскому народу». В листовках говорилось, что у армии иссякло терпение и она не допустит более пребывания у власти правительства, подвергающего народ страданиям и заботящегося только о своих личных интересах. Новое правительство, говорилось в прокламации, должно быть составлено из «искренних и преданных сынов народа во главе с Хикметом Сулейманом»⁶.

Застигнутый врасплох, Ясин немедленно связался по телефону с Бакром, находившимся в своем штабе в Бакуба. Но тот заявил, что движение армии происходит с ведома короля и пользуется его поддержкой. На самом деле король лишь накануне получил от Бакра телеграмму с заверением в верности трону. Растерявшийся Гази обратился к английскому послу А. К. Керру. Последний посоветовал ему вызвать министров, и во дворце состоялось совещание, в котором, кроме короля и Керра, приняли участие Ясин, Нури Саид и военный министр Джафар аль-Аскари. Ясин предложил сопротивляться и обратился к английскому послу с вопросом относительно получения помощи со стороны английской авиации.

Однако Гази не поддержал Ясина. Король опасался за свой трон и предпочел не оказывать сопротивления движению, которое обещало ему ограничиться лишь сменой кабинета. Учитывая позицию короля, а главным образом реальное соотношение сил, явно складывавшееся в пользу восставших, английский посол также не оказал поддержки Ясину. Посол посоветовал королю вызвать Хикмета и ушел из дворца. Хикмет явился во дворец и через начальника канцелярии передал Гази уже упоминавшееся ультимативное письмо. Для принятия решения королю было дано три часа.

Тем временем Ясин и Нури Саид по приглашению Керра прибыли в английское посольство. Содержание их

⁶ Текст прокламации опубликован в журнале «Революционный Восток» (1937, № 1, стр. 86).

беседы осталось неизвестным, но, судя по тому, что после этого Ясин немедленно вручил королю прошение об отставке, можно предполагать, что посол убедил министров в безвыходности положения.

Пока происходили эти события, военный министр Джафар аль-Аскари, вызвавшийся отправиться к Бакру с королевским письмом, содержащим просьбу приостановить движение войск на Багдад и вступить в переговоры, прибыл без всякой охраны в Бакуба. Он обрушился на мятежного генерала с упреками, но Бакр отказался с ним разговаривать и приказал отправиться в расположение войск. Одновременно Бакр дал своим офицерам, которые должны были сопровождать Джафара, приказ убить министра. По дороге в расположение войск Джафар был застрелен прямо в автомобиле. Его труп вместе с нераспечатанным письмом от короля был выброшен в поле.

По истечении срока ультиматума самолеты сбросили на Багдад четыре бомбы, разорвавшиеся перед зданием правительства, парламента и около дома Ясина. Но эта бомбардировка не стразила на ходе событий, так как король уже принял отставку правительства Ясина и назначил Хикмета премьером.

29 октября в 5 часов вечера «Силы национальной реформы» вступили в Багдад. Переворот был успешно завершен. На другой день Ясин Хашими и Рашид Гайлани были высланы в Сирию. Насмерть перепуганный Нури Саид двое суток скрывался в английском посольстве, а затем на английском военном самолете был переправлен в Египет. По сообщению Хасани, Бакр Сидки хотел убить всех троих руководителей свергнутого правительства, но этому воспротивились как Хикмет, так и советник министерства внутренних дел английский майор Эдмондс⁷.

В новом правительстве, сформированном Хикметом, последний занял также пост министра внутренних дел. Портфель министра иностранных дел был вручен профессиональному дипломату Наджи аль-Асилью. Абд аль-Лятиф Нури стал министром обороны. Деятели «Ахали» получили три министерских поста: Абу ат-Тимн стал министром финансов, Чадарчи — министром экономики и

общественных работ, Юсеф Изз эд-Дин Ибрахим — министром просвещения. На пост министра юстиции был назначен Салих Джабур — шиит, бывший мутасарриф провинции Кербела. Бакр Сидки в состав кабинета включен не был, а занял пост начальника генерального штаба.

Таким образом, в новом руководстве были представлены обе группировки, союз которых создал базу для переворота 29 октября. Ключевые позиции, дававшие возможность в случае необходимости нарушить баланс между этим двумя силами в пользу какой-либо из них, закрепил за собой Хикмет Сулейман. Бакр Сидки, оставаясь формально на втором плане, фактически обладал решающим влиянием на государственные дела, так как он олицетворял армию, осуществившую переворот и не намеревавшуюся уступить вновь всю власть «политикам».

Население Багдада с энтузиазмом встретило весть о свержении ненавистного народу правительства Ясина. Это была вынуждена признать и английская пресса, в общем довольно сдержанно реагирующая на переворот 29 октября. Корреспондент английского еженедельника «Грейт Бритэн энд Ист» сообщал: «Кажется, все без исключения вне себя от радости, вызванной быстрыми и неожиданными событиями. Каждый, очевидно, надеется, что наступят лучшие времена, надеется на большую свободу, чем та, которой люди пользовались при режиме Хашими. Повсюду видны улыбающиеся лица, все громко, единодушно приветствуют офицеров, проходящих по улицам»⁸.

Нищета, налоговый гнет, социальная несправедливость, бесправие — все это, казалось, должно было уйти в прошлое вместе со старым режимом. Угнетенные классы надеялись на серьезные социальные перемены, мелкобуржуазная интеллигенция считала, что пришел час реформ и что открыт путь для прогресса страны. Все иракские патриоты надеялись, что новый режим будет означать отказ от пагубной проанглийской политики, решительную борьбу за достижение независимости.

В опубликованном новым правительством обращении к народу переворот 29 октября характеризовался как

⁷ Аль-Хасани, *Тарих аль-Ирак*, стр. 164.

⁸ «Great Britain and the East», 5.XI.1936.

«восстание свободы против кошмара абсолютистского и тягостного правительства», как конец «эпохи реакции и единоличного правления» и торжество «идей прогресса». «Мы хотим, — говорилось в обращении, — создания демократического, здорового государства, и мы его создадим железной рукой и огненной решимостью»⁹.

3 ноября 1936 г. в Багдаде состоялась грандиозная демонстрация, в которой участвовало свыше 100 тыс. человек. Демонстранты шли с лозунгом «Да здравствует король, армия и народное правительство!»¹⁰. Виднелись также красные знамена и плакаты, на которых было начертано: «Смерть преступному фашизму!», «Рабочие поддерживают народное правительство и требуют восстановления профсоюзов!»¹¹. Среди демонстрантов распространялись листовки, подписанные «Комитетом прогрессивной национальной реформы». В листовках содержались требования об искоренении гнета, укреплении национальной армии, амнистии политическим заключенным, о восстановлении свободы деятельности профсоюзов и свободы печати, облегчении нищенского положения масс и предоставлении работы безработным, поощрении развития национальной промышленности, объединении народного движения арабских стран для обеспечения прогресса этих стран, равноправия для всех иракцев и охране их единства, распространении культуры и охране народного здоровья¹².

5 ноября 1936 г. Абу ат-Тимн, выступая по радио, заявил: «Правительство решило выделить средства для нужд земледелия. Оно предполагает распределить необрабатываемые государственные земли, находящиеся в частном владении или в аренде, среди граждан страны, основываясь на общественных интересах... Оно намеревается открыть новые дороги, улучшить систему орошения, поощрять сельское хозяйство, торговлю и промышленность, поднять уровень здравоохранения и осуществить другие жизненно важные мероприятия, необходимые для счастья и благосостояния всего народа»¹³.

⁹ «Oriente moderno», 1936, p. 697.

¹⁰ Аль-Хасани, *Тарих аль-Ирак*, стр. 164.

¹¹ «Революционный Восток», 1937, № 1, стр. 87.

¹² Там же, стр. 88.

¹³ M. Khadduri, *Independent Iraq*, p. 97.

Эта речь содержала основные положения, вошедшие в официальную программу правительства, опубликованную 9 декабря 1936 г.

Взаимоотношения Ирака с соседними странами и режим Хикмета Сулеймана

Переворот 29 октября 1936 г. вызвал большой резонанс за пределами Ирака. Делались самые различные предположения относительно причин этого неожиданного события. Английская консервативная газета «Дейли мейл» обвиняла в перевороте большевиков, а лейбористская «Дейли геральд» намекала на влияние фашистских держав, указывая, что Хикмет Сулейман хорошо говорит по-немецки и изучал военные принципы нацизма. Сирийская печать утверждала, что вдохновителем переворота был сам король Гази, опасавшийся, что Ясик со своими сторонниками замысливает свергнуть его с престола и провозгласить республику. Некоторые арабские газеты приписывали осуществление переворота багдадским евреям, недовольным деятельностью правительства Ясина; палестинская «Аль-Лива» утверждала, что в перевороте виноваты евреи и социалисты. Турецкая печать, напротив, считала, что новые правители Ирака — «большие враги евреев, армян и англичан»¹⁴.

В целом первая реакция английской печати на переворот в Ираке была определено недружелюбной. «В настоящий момент можно считать, что работа, проделанная в Ираке англичанами и королем Файсалом, пропала даром»¹⁵, — мрачно комментировал события журнал «Грейт Бритэн энд Ист». В передовой статье «Таймс», посвященной перевороту, сквозила враждебность по отношению к новым правителям Ирака; указывая на моральную ответственность Англии за судьбу иракских национальных меньшинств, газета вспомнила «ассирийское дело» и с притворным возмущением осуждала «возвышение тех, кто нес ответственность за это побоище», явно намекая на Бакра. «Надо надеяться, — угрожающе заявляла газета, — что новое правительство понимает, как нежелательно было бы повторение ошибок прошло-

¹⁴ См. «Oriente moderno», 1936, p. 695, 699.

¹⁵ «Great Britain and the East», 5.XI.1936.

го»¹⁶. «Таймс», осуждая неконституционный путь прихода к власти нового правительства, писала: «Судьбы Ирака находятся сегодня в руках людей, которые навязали себя стране»¹⁷.

Выступая 4 ноября 1936 г. в палате общин, Иден заявил: «Отставка конституционным образом сформированного правительства в Ираке вследствие насильственной акции, совершенной военными лидерами, является таким событием, которое, естественно, вызвало озабоченность правительства его величества»¹⁸. В действительности правящие круги Англии были встревожены лишь тем, не поколеблет ли это событие основы британского господства в Ираке. Самый факт свершения переворота, явившегося для них полной неожиданностью, не мог не вызвать в Лондоне крайнего недовольствия. Невозможно было более сомневаться, что английский посол в Ираке уже не в состоянии, как это бывало в мандатный период, держать в своих руках все нити политической жизни страны. Переворот 29 октября продемонстрировал перед всем миром явное ослабление английского господства в Ираке.

Пrensa арабских стран заостряла внимание на том, что переворот 29 октября был возглавлен людьми неарабского происхождения и сопровождался бегством из Ирака таких панарабистов, как Ясин Хашими, Наджи Сувейди, Мавлюд Мухлис и др. Каирская «Аль-Балг» расценивала это как «поражение панарабизма». Дамасская «Алиф-Ба» 5 ноября 1936 г. в статье под заголовком «Курды против арабов» писала даже о стремлении нового правительства «деарабизировать» Ирак¹⁹.

Ирак являлся частью арабского мира, и население этой страны рассматривалось идеологами общеарабского национального движения как составной элемент «единой арабской нации». По воле империалистической Англии Ирак был оторван от других арабских стран и превращен в замкнутую, обособленную территорию, отгороженную от соседей искусственно воздвигнутыми политическими и таможенными барьерами и всецело зависящую в своих внешних сношениях от английских влас-

тей. Последнее обстоятельство, если иметь в виду тот факт, что арабский сосед Ирака — Саудовская Аравия — был независимым от Англии государством, а другая соседняя арабская страна Сирия находилась под властью Франции — соперницы английского империализма, порождало трения в отношениях Ирака с братскими странами и усиливало тенденцию к его отчуждению и обособлению от арабского мира.

Колебания и зигзаги, свойственные политике иракских правительств по отношению к другим арабским странам, можно понять лишь с учетом того огромного влияния, какое оказывала на жизнь арабских государств Англия, применявшая по отношению к ним известный принцип «разделяй и властвуй».

Отношения Ирака с Саудовской Аравией были вначале очень напряженными, что объяснялось рядом причин: искусственным проведением границы через территорию, представлявшую собой экономически единое целое и являвшуюся издавна районом кочевков бедуинских племен; враждой между династиями, правившими в обеих странах (в свое время Ибн Сауд изгнал из Мекки отца Файсала — Хусейна); религиозными и экономическими противоречиями (вражда между евфратскими шиитами и неждидскими кочевниками).

По настоянию Англии, опасавшейся настоящей войны между двумя странами и разгрома Ирака, Ибн Сауд в 1922 г. отказался от сюзеренных прав по отношению к находившимся в Ираке племенам (шаммар, аназа, мунтафик и т. д.), которые раньше считались ему подвластными. В связи с этим в Мухаммара было заключено соглашение, затем в 1925 г. последовало точное определение границ между Ираком и Саудовской Аравией. Таким образом произошла нормализация отношений между обеими странами. 7 апреля 1931 г. обе арабские страны заключили договор о дружбе. Были установлены дипломатические отношения, племенам было разрешено свободно переходить границы. Это была, несомненно, победа здравого смысла. Дальнейшее развитие отношений между двумя странами привело к заключению договора Арабского братства 2 апреля 1936 г. Договор декларировал, что оба государства, связанные национальным единством, должны занять общую позицию в случае угрозы войны и прийти на помощь друг другу в случае «беспо-

¹⁶ «The Times», 5.XI.1936.

¹⁷ «The Times», 25.XI.1936.

¹⁸ «The Times», 5.XI.1936.

¹⁹ Цит. по: «Notes et etudes documentaires», Paris, 1951, p. 23.

рядков». Предусматривалось культурное единство, объединение армий и экономики, заключение торговых и других соглашений.

Договоры о дружбе были заключены в том же году с Трансиорданией (27 марта), с Йеменом (11 мая). С Палестиной в 1936 г. был установлен таможенный союз. Торговое соглашение с Сирией было заключено в 1937 г. Дипломатические отношения с Египтом были установлены в 1934 г., а спустя два года заключено торговое соглашение.

Нормализация отношений Ирака с его соседями на данном этапе отвечала интересам Англии, которая обеспечивала себе господство в Ираке. Однако эта нормализация неизбежно усиливала «панарабские» тенденции, к которым Англия относилась с подозрением, поскольку выразителями этих тенденций выступали круги, занимавшие независимую от англичан позицию; арабизм, не руководимый англичанами, представлял потенциальную угрозу для всего здания британского господства на Ближнем Востоке. Возглавить же «панарабское» движение после первой мировой войны и использовать его в целях создания зависимой от них арабской федерации англичанам не удалось. Этому препятствовали: позиция Англии в палестинском вопросе, базировавшаяся на декларации Бальфура и на поддержке сионистской иммиграции; англо-египетский конфликт, связанный со стремлением Египта освободиться от английского господства и исключавший возможность сотрудничества между Англией и руководителями национального движения Египта; установление французского господства в Сирии; изгнание Хашимитов с Аравийского полуострова Ибн Саудом.

Между тем движение, направленное к восстановлению единого и независимого арабского государства, зародившееся в борьбе против турецкого владычества, не умерло после изгнания турок из арабских стран. Будучи выражением пробудившегося национального самосознания арабов и их тяги к объединению, к ликвидации искусственно созданной империалистами раздробленности арабского мира, это движение, получившее название «панарабизма», подпало под руководство людей, далеких от подлинных интересов народных масс арабских стран. Однако само руководство отнюдь не было единым. Буржуазно-националистические круги Сирии стремились

использовать движение в первую очередь для борьбы с Францией. Хашимиты и их сторонники мечтали о великой арабской монархии, объединенной под короной Файсала. Реакционная феодальная верхушка в Палестине видела в арабизме орудие борьбы против сионистской колонизации. Мелкобуржуазная интеллигенция во всех арабских странах была увлечена «панарабскими» идеями, потому что их осуществление должно было освободить арабский мир и от западных империалистических оккупантов, и от сионистской угрозы и создать условия для ликвидации отживших феодальных устоев.

Ирак в начале 30-х годов играл важнейшую роль в планах «панарабистов». В отличие от подмандатной Сирии, управляемой французским верховным комиссаром, Ирак имел национальное правительство, национальную армию. Правда, Египет, обладавший огромным превосходством в отношении культурного и религиозного влияния на арабский мир, а также в уровне экономического развития, мог претендовать на роль лидера «панарабского» движения, но иракские идеологи арабизма не считали Египет «полностью арабской страной» и чаще всего даже не включали его в проектировавшуюся ими арабскую федерацию.

Тот факт, что именно Ирак дал большой процент военных руководителей, участвовавших в «восстании в пустыне» во время первой мировой войны, в большой степени способствовал подъему авторитета этой страны в глазах арабов. «Панарабисты» рассматривали Ирак как «арабский Пьемонт», плацдарм для освободительной борьбы всех арабских народов.

На этом этапе Англия не теряла надежды использовать в своих интересах то обстоятельство, что Ирак был центром «панарабских» надежд, а Файсал — кумиром «панарабистов». Англичане не препятствовали «панарабистам» вести ожесточенную кампанию против Франции, угнетавшей Сирию.

Осенью 1932 г. в Багдаде должен был состояться панарабский конгресс под председательством Файсала. Однако по неизвестным причинам (скорее всего в результате действий французской дипломатии) он не состоялся, а после смерти Файсала центр «панарабистской» деятельности стал перемещаться в Сирию. Это объяснялось в значительной мере холодным отношением, кото-

рое проявляли официальные круги Ирака к «панарабским» идеям.

После смерти Файсала отношение английских империалистов к арабизму становилось все более двойственным: с одной стороны, они в течение двух-трех лет поощряли антифранцузскую активность «панарабистов» в Сирии, но, с другой — обнаруживали явное недоверие к руководству движением, которое в связи с обострением положения в Палестине заняло антианглийскую позицию и, несомненно, нащупывало возможности союза с фашистскими державами. Эта двойственность отражалась и в политике Ирака, зависимо от Англии.

Сирийские «панарабисты» создали Национальный комитет, опубликовавший 2 апреля 1936 г. в своем органе «Аль-Джазира» манифест, в котором содержались следующие положения: «Арабская нация — это население, проживающее на арабской территории, объединенное общностью языка, склада ума, исторических воспоминаний, нравов и обычаев, интересов и надежд. Злейшие враги нашей страны суть колониализм, нищета, невежество, социальный консерватизм и религиозный фанатизм»²⁰.

Эти популярные лозунги свидетельствуют о желании авторов манифеста привлечь на свою сторону как интеллигенцию, так и широкие массы народа.

Выступая в Дамаске в апреле 1938 г., лидер панарабистов эмир Адиль Аслан заявил: «Конечная цель арабских националистов — создание независимого Арабского государства в составе... стран Аравийского полуострова, Ирака, Палестины и Сирии. Столицей его должен быть Дамаск, а не Мекка, чтобы Арабское государство не имело религиозного мусульманского характера»²¹.

В июне 1936 г. в Багдаде несколькими депутатами парламента было создано общество, ставившее своей задачей способствовать «возрождению арабской нации». Провозглашая антиимпериалистические лозунги, общество заявляло о своем желании добиться создания арабской федерации по типу Соединенных Штатов Америки²². Несколько раньше ряд виднейших иракских и сирийских «панарабистов» — Муса Шахбендер, эмир Шекиб

Арслан и другие — с целью облегчения слияния Сирии и Ирака в единую конституционную монархию намеревались создать партию «Арабское общество», в которую бы входили политические деятели обеих стран²³.

Однако единственной более или менее устойчивой и значительной организацией «панарабского» характера в Ираке оказалась «Нади аль-Мусанна» («Клуб Мусанна»), названная в честь Мусанна ибн Хариса, одного из сподвижников Абу Бекра и Омара, участника завоевания арабами Месопотамии в VII в. н. э. Среди основателей этого общества, созданного в 1935 г., фигурировали генерал Таха аль-Хашими — начальник иракского генштаба, брат Ясина и будущий премьер, Фадыйль Джамали, ставший впоследствии видным политическим деятелем Ирака, Мухаммед Махди Кубба (будущий лидер партии «Истикляль»), Фавзи Кавукджи — борец против сионистов и англичан в Палестине, Амин Рувейха — крупнейший германский агент на Арабском Востоке и др.²⁴. В программе «Нади аль-Мусанна» провозглашалось: «Арабская нация — суверенна, едина и неделима; ее врагами являются иностранцы: сионисты, французы (из-за мандата на Сирию) и итальянцы»²⁵. Однако «Нади аль-Мусанна» не успела развернуть сколько-нибудь значительную деятельность ввиду изменившейся обстановки.

Иракское правительство, не будучи, очевидно, в состоянии точно определить отношение Англии к вопросу об арабской федерации и подвергаясь давлению со стороны различных сил (в том числе «местных» националистов, о которых речь будет идти ниже), предпочитало не занимать четкой позиции в этом вопросе. В марте 1934 г. Джафар аль-Аскари, бывший в то время послом в Лондоне, заявил, что Ирак не может заниматься делами других арабских стран. «Каждая арабская страна должна заниматься своими собственными делами, и лишь впоследствии может возникнуть вопрос о конфедерации»²⁶.

Ясин Хашими, придя к власти, с целью укрепить свои позиции внутри страны и привлечь симпатии народа стал поощрять панарабизм и выступать с заявлениями,

²³ «Oriente moderno», 1934, p. 70, 71.

²⁴ F. Grobba, *Irak*, S. 46.

²⁵ «Oriente moderno», 1936, p. 31.

²⁶ «L'Asie française», 1934, mai, p. 162.

²⁰ «L'Afrique française», 1936, juin, p. 313.

²¹ «Oriente moderno», 1938, p. 401, 402.

²² «Oriente moderno», 1936, p. 411.

рассчитанными на то, чтобы предстать перед арабами в качестве лидера, стремящегося к объединению арабских стран. Некоторые сирийские журналисты даже называли его «арабским Бисмарком». Заключение договора «Арабского братства» с Саудовской Аравией вызвало взрыв энтузиазма среди «панарабистов» и еще более возвысило Багдад как центр движения за арабское единство. Однако в 1937 г. надежды панарабистов разрушились, и резко ослабла роль Ирака в движении за объединение арабских стран.

«Панарабисты», базировавшиеся главным образом в Сирии (хотя и возлагавшие основные надежды на Ирак), вели борьбу против французского мандата, а международная обстановка середины 30-х годов, характеризовавшаяся ростом итало-германской угрозы, диктовала Англии необходимость избегать обострения отношений с Францией. По мере усиления напряженности в Палестине деятельность «панарабистов» все более приобретала характер борьбы против сионистской иммиграции и английского мандата на Палестину. Издававшийся в Женеве орган Сирийского национального комитета журнал «Насьон араб», руководимый одним из лидеров панарабизма, эмиром Арсланом, стал в это время яростно нападать на сионизм и Англию. Ряд панарабских деятелей вступил в контакт с державами оси. Все это заставило английские правящие круги отказаться от мысли использовать панарабское движение 30-х годов в интересах своей политики, а зависимые от Англии правительства Ирака и Трансиордании должны были учесть позицию Лондона.

Однако было бы неправильно приписывать неудачу движения за арабское единство только внешним факторам. Внутреннее развитие стран Арабского Востока продемонстрировало ошибочность основной идеи панарабистов, заключавшейся в том, что созданные после первой мировой войны небольшие арабские государства неизбежно окажутся нежизнеспособными. Так, панарабисты утверждали, что существовавший в Ираке режим был искусственным творением Великобритании, предназначенным для обеспечения ее собственных интересов и потому недостойным дальнейшего существования; единственным подлинно арабским национальным режимом может явиться лишь такой, при котором Ирак составит часть объеди-

ненного Арабского государства²⁷. Действительность, однако, показала, что этот вопрос является значительно более сложным, чем его представляли себе сторонники идеи единой арабской нации.

Общий рынок в странах Арабского Востока отсутствовал, некоторые из них в экономическом отношении были связаны с неарабскими странами значительно больше, чем со своими соседями. Что касается внешней торговли Ирака в 30-х годах, то по стоимости импорта Сирия, Египет, Саудовская Аравия и Палестина с Трансиорданией занимали соответственно 9, 10, 11 и 12-е места, ввозя в Ирак меньше товаров, чем даже Бельгия и Голландия, не говоря уже об Англии, Японии, Индии и США. В 1935/36 г. стоимость иракского импорта из Англии составила 2059 тыс. динаров, из Японии — 1432 тыс., Индии — 491 тыс., Бельгии — 287 тыс., Сирии — 146 тыс., Египта — 128 тыс., Саудовской Аравии — 68 тыс., а из Палестины и Трансиордании — всего 17 тыс. динаров²⁸. Эти цифры показывают, что Ирак продолжал и после первой мировой войны жить в отрыве от экономического сотрудничества со своими арабскими соседями, что, конечно, препятствовало развитию тенденций к объединению.

Необходимо отметить также появление местного, или узкого, национализма (в отличие от общеарабского). В Ираке этот вид национализма проявлялся уже в 20-х годах. Так, в 1927 г. один сириец, занимавший кафедру истории в багдадском колледже, был уволен за то, что написал книгу, прославлявшую сирийскую династию Омейядов²⁹. 5 декабря 1936 г. был издан закон, запрещавший иностранцам заниматься определенными профессиями (такими, как профессия фотографа, киномеханика, носильщика, трактирщика и т. д.)³⁰. Борьба определенных тенденций была заметна и в иракской армии, где представителями идей «панарабизма» выступали в основном молодые офицеры, а «местный» иракский национализм был распространен среди бывших офицеров турецкой армии (в основном курдов и турок), стоявших

²⁷ «The Near East and the great powers», p. 138.

²⁸ «Oriente moderno», 1936, p. 580, 581.

²⁹ C. Brockelmann, *Histoire des peuples et des etats islamiques*, p. 414.

³⁰ «Oriente moderno», 1936, p. 27, 28.

за укрепление самостоятельного иракского государства. Вождем этой группы как раз и являлся Бакр Сидки.

Переворот 29 октября знаменовал отход Ирака от панарабского движения и новую ориентацию — на неарабских соседей: Турцию и Иран. Отказавшись от поддержки панарабистов, деятельность которых все более приобретала антибританский (особенно в Палестине) и антифранцузский характер, вожди нового режима рассчитывали таким путем заручиться поддержкой Англии и ликвидировать то неприятное впечатление, которое их неожиданный путч произвел в Лондоне. Уже через несколько дней после переворота новый министр иностранных дел Наджи аль-Асиль заявил корреспонденту «Таймс»: «Отныне Багдад будет проводить политику дружбы с Турцией — страной, которая в течение ряда лет оказывала Ираку наибольшую поддержку, и с Ираном»³¹. Спустя несколько месяцев Хикмет в беседе с французским журналистом заявил, что главной задачей его правительства в области внешней политики является «усиление сотрудничества с Великобританией». Свое отношение к панарабизму Хикмет охарактеризовал следующим образом: «Не отбрасывая совсем политику панарабской солидарности, преувеличенно раздутую нашими предшественниками, и учитывая многочисленные связи, объединяющие нас с другими государствами Ближнего Востока, мы стремимся избежать того, чтобы наши отношения с другими арабскими сообществами носили исключительно сентиментальный и мистический характер. Желая относиться к ним со всей нашей симпатией и поддерживать их в силу наших возможностей, мы не хотим вмешиваться в конфликты, разделяющие арабские народы»³².

И хотя, не желая оттолкнуть от себя арабское общественное мнение, новое правительство не препятствовало тому, что в 1937 г. из Ирака направлялись добровольцы для «освобождения Палестины», оно подчеркивало свое полное невмешательство в палестинские дела. Руководитель палестинских арабских вооруженных сил Фавзи Кавукджи, прибывший в ноябре 1936 г. в Ирак, был вначале торжественно встречен и даже принят королем, но за-

тем за «политическую деятельность, направленную против союзной Англии», был выслан в Киркук, где находился под стражей.

Английская дипломатия благожелательно отнеслась к развитию дружественных отношений между Ираком и Турцией. Это полностью соответствовало интересам Англии, которая в связи с итало-абиссинской войной начала искать сближения с Турцией и в декабре 1935 г. заключила с ней джентльменское соглашение о взаимной помощи на Средиземном море на случай итальянской агрессии³³.

Улучшение ирако-турецких отношений отвечало целям укрепления британского влияния на Ближнем и Среднем Востоке и стремлению Англии создать союзный с ней блок стран этого района. Предпосылкой к созданию такого блока должно было служить урегулирование отношений Ирака с северным и восточным соседями. После поездки Асиля в Анкару в апреле 1937 г. между Турцией и Ираком был возобновлен договор «о добром соседстве», заключенный в 1926 г. Кемаль Ататюрк заявил, что Турция не имеет к Ираку никаких территориальных претензий³⁴. Был урегулирован длительный пограничный спор, возникший в свое время между Ираком и Ираном из-за Шатт аль-Араба. Этот спор был перенесен в Лигу Наций, куда еще в 1934 г. обратился Ирак. Несмотря на бесконечные переговоры и посредничество, вопрос об использовании вод Шатт аль-Араба оставался фактором, отравлявшим взаимоотношения между двумя странами. 4 июля 1937 г. было подписано соглашение, согласно которому воды Шатт аль-Араба, за исключением участка в 8 км в районе Абадана, были признаны территориальными водами Ирака. После этого было заключено соглашение о дружбе между Ираком и Ираном. Тем самым была подготовлена почва для осуществления замысла английской дипломатии, о котором говорилось выше.

8 июля 1937 г. в Саадабадском дворце шаха в Тегеране был подписан договор между Турцией, Ираном, Ираком и Афганистаном, получивший название Саадабадского пакта. Четыре государства обязались воздерживаться от вмешательства во внутренние дела друг дру-

³¹ «The Times», 7.II.1936.

³² «Le Temps», 1.VI.1937.

³³ «История дипломатии», т. 3, М.—Л., 1945, стр. 568.

³⁴ «Notes et études documentaires», p. 22.

га, уважать неприкосновенность границ, не прибегать к силе во взаимоотношениях, не допускать создания на своих территориях организаций и отрядов, стремящихся свергнуть существующие режимы в других государствах, подписавших данный договор. Эти государства должны были также консультироваться друг с другом по различным международным конфликтам, затрагивающим их общие интересы³⁵.

Содействуя заключению Саадабадского пакта, английская дипломатия стремилась «укрепить свое влияние на Ближнем Востоке и использовать эту новую группировку в своей политике, направленной против СССР»³⁶. Саадабадский пакт ставил своей целью отдалить от СССР три пограничные с ним страны и приблизить их к Англии. Однако германская агрессия в Западной Европе опрокинула планы английской дипломатии, а сложившаяся в Европе новая обстановка свела к нулю ту роль, которая отводилась в этих планах Саадабадскому пакту.

Участие Ирака в заключении Саадабадского пакта вызвало дальнейшее резкое ослабление престижа Ирака в глазах панарабистов. Союз с неарабскими соседями рассматривался как окончательный отказ Ирака от политики арабского единства. Заключив договор с Турцией, которую арабские страны считали европейской державой, Ирак, по широко распространенному мнению, «вошел в Западный мир» и отдалился от столбового пути общеарабского национального движения. Это обстоятельство существенно снизило авторитет режима Хикмета Сулеймана как в других арабских странах, так и в самом Ираке, а в сочетании с описанными ниже событиями внутренней жизни страны расшатало почву под ногами нового правительства.

Программа кабинета, опубликованная 9 декабря 1936 г., декларировала намерение правительства заняться широкими «внутренними реформами». В этом отношении она не была оригинальной, поскольку большинство предыдущих кабинетов также провозглашало проекты грандиозного масштаба, направленные на быстрый и мощный подъем экономики страны и обещавшие социальный прогресс (однако они так и оставались

на бумаге). Хикмет, как и его предшественники (в частности, Ясин), обещал провести индустриализацию страны, добиться развития всех отраслей экономики, провести налоговую реформу, заняться расселением кочевых племен и распределением пустующих земель, построить новые ирригационные сооружения и т. д.

Несмотря на то что в программе правительства отсутствовало упоминание о земельной реформе, помещики встретили приход к власти новых правителей с недоверием и подозрительностью. Феодалы опасались, конечно, не самого Хикмета, всегда принадлежавшего к числу политиканов, выражавших интересы богатой верхушки населения, и тем более не Бакра — душителя народных масс, а «левых», или, как их называли, «реформистских», министров: Чадарчи, Абу ат-Тимна и Изз эд-Дина Ибрахима, которых обвиняли в сочувствии коммунистическим идеям.

Помещикам были страшны, собственно, не сами эти лидеры, придерживавшиеся весьма умеренных взглядов, а возглавляемые ими силы, требовавшие осуществления реформ. Уже упоминавшийся «Комитет прогрессивной национальной реформы» при всей ограниченности его лозунгов мог стать центром сплочения элементов, стремившихся к ликвидации феодального господства в Ираке. Самое главное, чего боялись феодалы, — то, что лозунги, эти новые веяния, эти непрерывные разговоры о «переменах», о «новом курсе», о «реформах», о «свободе и демократии» пробудят к политической активности широкие народные массы.

Крестьянские восстания еще были свежи в памяти, и для господствующих классов не было ничего более страшного, чем перспектива союза трудящихся города и деревни. Переворот 29 октября, всколыхнувший народ и пробудивший надежду на близкую перемену к лучшему, мог выйти за рамки простой смены правящих лиц, так как социальная демагогия, которой он сопровождался, была воспринята в народе всерьез и новое правительство было вынуждено в какой-то мере выполнить свои обещания о демократизации режима. А такая демократизация могла привести к тому, что силы, ранее задавленные гнетом полицейского режима, вырвались бы на волю и вышли бы из-под контроля правительства.

Массовая демонстрация 3 ноября 1936 г. с крас-

³⁵ Ibid.

³⁶ «Дипломатический словарь», т. 2, М., 1950, стр. 570.

ными знаменами очень сильно напугала иракскую реакцию. Помещики, багдадские богачи, шейхи племен прозвали новое правительство «коммунистическим»³⁷. Такое отношение со стороны хозяев государства не на шутку встревожило Хикмета и Бакра. Они прилагали все силы, чтобы убедить помещиков в том, что новый режим им ничем не угрожает. По сообщению Хаддури, оба лидера разъезжали по районам Среднего Евфрата, встречались с шейхами, уговаривали их, подкупали. «Деньги и земли раздавались шейхам племен, как друзьям, так и врагам нового режима, чтобы обеспечить их лояльность правительству»³⁸.

Однако, чтобы гарантировать новому правительству поддержку правящих классов, одних убеждений и подкупов было недостаточно. Необходимо было покончить с опасной деятельностью «реформистов», которые в первые месяцы существования режима Хикмета все же успели кое-что сделать. Под их давлением Хикмет амнистировал 350 политических заключенных — бывших участников восстаний. Вновь стали выходить закрытые при Ясине газеты, была разрешена деятельность профсоюзов. Это привело к активизации рабочего движения, к резкому подъему борьбы рабочих за свои права. Лонгригг сообщал о забастовках буровых рабочих компаний «Бритиш ойл дивелопмент», железнодорожников, нефтяников, занятых на предприятиях «Ирак петролеум компани» в Киркуке, ткачей Неджефа, докеров Басры, рабочих на строительстве плотины Кут. Эти забастовки «отражали новый дух рабочего самосознания... и означали появление нового политического оружия»³⁹.

Хотя эти выступления рабочего класса не имели политического характера, а преследовали экономические цели, сам факт небывалого подъема рабочего движения после переворота 29 октября 1936 г. свидетельствовал о том, что объективно создались благоприятные условия для организованной борьбы трудящихся. Прежний террористический режим перестал существовать, были созданы предпосылки для демократизации политической жизни страны. Арабский историк Хусейн Мурувва так описывал этот период: «Движение 1936 г.

сопровождалось всенародным подъемом, ростом демократии. Во время этого движения народ пользовался... свободой выборов, свободой печати, свободой организации профсоюзов. В парламенте впервые появились новые лица — представители патриотической, интеллигентной иракской молодежи»⁴⁰.

Все более настойчиво проявлялась необходимость в создании политической организации нового радикального характера, и такая организация возникла в конце 1936 г. Первоначально она называлась «Общество народной реформы», а в январе 1937 г. была переименована в Партию национальной реформы. В числе основателей партии были три «левых» министра, один бывший лидер «Ахали» Абд аль-Кадир Исмаил, ставший владельцем газеты «Ан-Низам», профсоюзный деятель Мухаммед аль-Казаз, адвокат Макки Джамиль, владелец еженедельника «Аль-Харис». Программа партии, опубликованная в багдадской газете «Ат-Тарик» в ноябре 1936 г., содержала следующие задачи: индустриализация страны, установление государственной монополии на транспорт, воду и освещение, создание государственного банка, сельскохозяйственных кредитных банков («чтобы спасти крестьян от ростовщиков»), кооперативных обществ и образцовых современных деревень, а также «отмена устаревших и несправедливых сельскохозяйственных законов и постановлений» и «снижение чрезмерных окладов чиновникам». Программа требовала также ограничения рабочего дня и установления гарантированного минимума заработной платы, введения обязательного начального обучения и борьбы с неграмотностью и болезнями. Выдвигались также лозунги усиления вооруженных сил и «демократизации органов управления, чтобы дать народу большую свободу». Внешнеполитическая часть программы неопределенно говорила о «сближении с другими арабскими странами» и «установлении дружественных отношений с иностранными державами»⁴¹.

Это была в основных чертах все та же программа группы «Ахали», выражавшая наиболее умеренные тре-

³⁷ M. Khadduri, *Independent Iraq*, p. 98.

³⁸ Ibid., p. 116.

³⁹ S. Longrigg, *Iraq 1900 to 1950*, p. 252.

⁴⁰ حسين مروة، ثورة العراق، بيروت، ١٩٥٨، ص ٢٧ (далее — Х. Мурувва, *Саурат аль-Ирак*).

⁴¹ «Oriente moderno», 1937, p. 43, 44.

бования как национальной буржуазии, так и рабочего класса. Мелкобуржуазная интеллигенция создала, наконец, свою открытую политическую партию, и ее сразу же стали называть «коммунистической». Характерно, что, когда одного из «левых» министров назвали в парламенте «коммунистом», он ответил: «Если борьба за социальную справедливость, за права рабочих и бедных феллахов, за поднятие их уровня жизни называется „коммунизмом“, тогда я коммунист. Но это не коммунизм; это — только ислам»⁴².

Пункт об «отмене устаревших и несправедливых сельскохозяйственных законов и постановлений» мог быть расшифрован по-разному, и некоторые деятели «партии реформ» истолковывали его как земельную реформу и ограничение помещичьего землевладения. Это больше всего и беспокоило шейхов и саркалов, делегации которых непрерывно прибывали к министру финансов Абу ат-Тимну. Один саркал заявил ему: «Вы делаете большую ошибку. Вы не можете не считаться с нами или идти против нас. Ведь вы не в состоянии установить контакт с племенами, которые не знают ваших намерений и поверят тому, что мы скажем им. Вы стараетесь их облагодетельствовать, но мы им скажем, что вы просто хотите собирать налоги, и они повернутся против вас. Что вы тогда будете делать?»⁴³

Положение «реформистов» было тяжелым. Как отмечает Лонгригг, «против них были шейхи, опасавшиеся за свое положение, и армия, не доверявшая им или презиравшая их»⁴⁴. Армейская верхушка сразу же после переворота начала обдумывать вопрос о том, как ей избавиться от случайного союзника. По сообщению Хасани, накануне новых выборов в парламент в доме Бакра состоялось совещание военных лидеров и «национальных деятелей», вероятно, представителей багдадской феодальной знати. Они обсудили мероприятия, которые намеревались провести, чтобы воспрепятствовать избранию в парламент «реформистов»⁴⁵. Эти мероприятия, очевидно, были осуществлены, так как в результате выборов, происходивших, по словам Хад-

дури, в такой же «несвободной» обстановке, как всегда, сторонники Бакра получили 30 мест, а «реформисты» — только 11⁴⁶. Выборы закончились 20 февраля 1937 г., а уже спустя три месяца разыгрались события, приведшие к крушению Партии национальных реформ.

В мае 1937 г. шейхи Дивания подняли восстание, и крестьяне вновь пошли за ними. Во время боев 12—25 мая, в которых участвовала авиация, армия потеряла 31 человека, племена — 255⁴⁷. В июне восстание вспыхнуло в соседнем районе Самауа. По свидетельству Лонгригга, во время предпринятых властями карательных операций «разрушались деревни и расстреливались заложники»⁴⁸. С 12 мая до середины июня повстанцы потеряли 250 человек убитыми и 165 ранеными, войска — соответственно 40 и 86 человек⁴⁹.

Похороны убитых в Неджефе и Кербеле превратились в демонстрацию против правительства. Министры-реформисты протестовали против карательных экспедиций, указывая, что совершенные ими зверства ставят режим на одну доску с курсами, проводимыми предшествующими правительствами. Их, однако, не поддерживали другие члены правительства, и они подали в отставку. Письмо об отставке было опубликовано дамаской прессой 1 июля 1937 г. Министры заявили, что «не желают нести ответственность за действия правительства, которое пролило столько крови и проводит политику, не являющуюся справедливой и необходимой»⁵⁰.

Можно предполагать, что этому событию предшествовал более или менее длительный период усиливавшихся трений внутри кабинета. Вместе с Абу ат-Тимном, Чадарчи и Ибрахимом подал в отставку и Салих Джабур, который, будучи шиитом, выступал на стороне шиитских шейхов Среднего Евфрата. 19 июня 1937 г. знаменовало конец «реформистского периода» режима Хикмета Сулеймана. Объединенные силы английского империализма, феодальной реакции и профашистской армейской верхушки задушили в зародыше буржуазно-

⁴² A. Viton, *The struggle...*, p. 319.

⁴³ A. Viton, *Iraq...*, p. 61.

⁴⁴ S. Longrigg, *Iraq 1900 to 1950*, p. 251.

⁴⁵ Аль-Хасани, *Тарих аль-Ирак*, стр. 164.

⁴⁶ M. Khadduri, *Independent Iraq*, p. 100.

⁴⁷ Аль-Хасани, *Тарих аль-Ирак*, стр. 168.

⁴⁸ S. Longrigg, *Iraq 1900 to 1950*, p. 252.

⁴⁹ «Oriente moderno», 1937, p. 398.

⁵⁰ Ibid., p. 345.

армии. Генерал прогуливался на аэродроме вместе с Мухаммедом Али Джавадом, когда к ним приблизился неизвестный солдат и выстрелами в упор убил обоих. Так внезапно оборвалась карьера Бакра Сидки — этого неудачливого подражателя Реза-шаху. Как вскоре выяснилось, покушение было подготовлено семью видными офицерами иракской армии. Подробности заговора так и остались неизвестными.

Узнав об убийстве Бакра, Хикмет распорядился доставить в Багдад офицеров-заговорщиков (имена их были установлены на допросе солдата, убившего Бакра и Джавада). Однако офицеры подняли в Мосуле мятеж; командующий войсками этого района Амин аль-Умари примкнул к ним и выпустил манифест, в котором заявил о своем отказе подчиниться приказам правительства. Командиры нескольких гарнизонов присоединились к нему. Сторонники Бакра в армии повсюду оказались в меньшинстве. После того как Саид Тикрити, командовавший войсками в Вашшаше (лагерь под Багдадом), выступил против премьер-министра и отказался подчиняться Хикмету, лично прибывшему к нему в лагерь, чтобы уговорить его сохранить лояльность правительству, стало ясно, что дело сторонников Бакра проиграно.

17 августа 1937 г. правительство Хикмета Сулеймана подало в отставку. Закончился неудачный союз мелкобуржуазных демократов с армейской верхушкой. Характеризуя деятельность демократов, вошедших в кабинет Хикмета, Вайтон писал, что это было «правительство Народного фронта при отсутствии Народного фронта, который бы это правительство поддерживал. Единственную его поддержку составляли несколько тысяч образованных молодых людей, часть которых окончила университеты на западе и большинство которых служило в государственном аппарате, а также армия, которую олицетворял Бакр Сидки»⁵³.

Несмотря на несколько механическое применение понятия «Народный фронт» к Ираку того периода, эта интересная оценка режима Хикмета заслуживает внимания в том отношении, что она правильно определяет сущность этого движения. Действительно, движущей

силой режима вплоть до июня 1937 г. была незначительная по численности прослойка мелкобуржуазной интеллигенции, полная искреннего стремления вытеснить страну из болота феодальной отсталости и выражавшая интересы начинавшей становиться на ноги молодой национальной буржуазии, которая не видела перспектив для своего развития при сохранении феодального строя.

Борьба за власть накануне и в начале второй мировой войны

После падения правительства Хикмета Сулеймана во главе кабинета стал человек, менее всех способный разрешить существовавшие противоречия, но пользовавшийся солидной репутацией и приемлемый в основном для всех политических группировок. Это был Джамиль Мадфай. Министром иностранных дел был назначен Тевфик Сувейди, министром внутренних дел — Мустафа аль-Умари. Деятели прежнего режима вернулись в Багдад, и первым среди них был Нури Саид, который пережил бурное время, находясь в Египте, где его охраняли дальновидные английские власти и где ему оказывали большой почет, консультируясь с ним даже по вопросу о предоставлении иракским гражданам виз на въезд в Египет.

Мадфай провозгласил в качестве ведущих принципов нового кабинета «забвение прошлого» (буквально: «опускание покрывала») и «удаление армии от политики»⁵⁴. Ряд офицеров был удален из армии, в первую очередь Абд аль-Латиф Нури и другие сподвижники Бакра. Прах Джафара аль-Аскари был выкопан, перевезен в Багдад и похоронен с почестями.

Армейская верхушка образовала группу во главе с новым начальником генерального штаба генералом Хусейном Фавзи, которая стала добиваться ухода Мадфай. Стремясь как можно дольше продержаться в кресле премьера, Мадфай вообще избегал какой-либо деятельности и, в частности, отказывался поддерживать панарабистов, ведших в это время борьбу в Палестине. Ядром вышеуказанной группы, насчитывавшей семь

⁵³ A. Viton, *Iraq*..., p. 61.

⁵⁴ См. кн.: Аль-Хасани, *Тарих аль-Ирак*, стр. 164.

человек, были «четыре полковника» — «Золотой квадрат», как они именуются в арабской и английской литературе. Эти четверо — Салах эд-Дин ас-Саббах, Махмуд Сальман, Фахми Саид и Кямиль Шабиб, — вместе учившиеся в штабном колледже, поклялись по его окончании, в 1933 г., бороться за то, чтобы претворить в жизнь идею объединения арабских стран. Для этой цели они считали необходимым получить контроль над иракской армией и взять в свои руки власть в государстве.

«Четыре полковника» входили в группу офицеров, настроенную против Бакра Сидки. После убийства последнего они решили, что пришел их час. Будучи недовольны пассивностью Мадфай и его недоверием к армии, они решили сменить кабинет. 24 декабря 1938 г., после того как было сообщено о намерении Мадфай уволить в отставку нескольких офицеров — сторонников этой группы, в штабе полковника Саббаха было принято решение о государственном перевороте. «Группа семи» (или, как ее называли, «семерка») послала к Мадфай одного из своих членов — полковника Ямулки, который предъявил премьеру ультиматум от имени заговорщиков. Мадфай, видя безвыходность положения и опасаясь за свою жизнь, подал в отставку. Король вызвал к себе Хусейна Фавзи, и тот заявил, что армия не питает больше доверия к Мадфай и желает видеть во главе правительства Нури Саида или Таха Хашими. Гази уже не мог идти наперекор желанию армейской верхушки (а может быть, сам сочувствовал ей), и 25 декабря 1938 г. после шестилетнего перерыва Нури Саид вновь стал премьер-министром Ирака.

Последующие события показали, что «группа семи» не была единой. Хусейн Фавзи и два других члена группы в отличие от «четырех полковников» являлись ставленниками англичан. Бескровный «переворот» 24 декабря был в основном делом рук Фавзи, являвшегося начальником генерального штаба и обладавшего в тот момент наибольшим влиянием в армии. В условиях надвигавшейся войны с державами «оси» Англии было необходимо поставить во главе иракского правительства преданного ей человека. Для этой цели была использована армия. Англичане не скрывали своего удовлетворения по поводу прихода к власти Нури.

В новом кабинете Таха аль-Хашими стал министром обороны, Рустум Хайдар — министром финансов. Рашид Али Гайлани, вернувшийся из ссылки и заручившийся уже поддержкой военной верхушки (в частности, «четырех полковников»), был назначен начальником королевского дивана. Английский посол Петерсон писал в своих мемуарах, что он был против назначения Рашида, но Нури Саид заявил ему, что иначе пришлось бы дать Рашиду портфель министра и что вообще он хочет держать этого человека у себя «на глазах», т. е. иметь возможность контролировать его деятельность⁵⁵.

Оппозиция правлению Нури Саида назрела очень быстро. Его враги группировались вокруг Хикмета Сулеймана, с которым у премьера существовала старая вражда. Нури Саид решил предупредить своих противников и в марте 1939 г. объявил о раскрытии заговора. На следствии было якобы установлено, что заговорщики во главе с Хикметом замыслили на банкете в доме двоюродного брата короля эмира Абдул Иллаха убить около 50 видных политических и военных деятелей, а затем посадить эмира на трон, а Хикмета сделать премьером. Обвиняемые отрицали свою вину, явных доказательств их вины не было, но тем не менее пять человек, включая Хикмета, были приговорены к смертной казни. Однако правительства Англии, Турции и Ирана заступились за Хикмета, и казнь была заменена тюремным заключением. Даже Хаддури, обычно осторожный в оценках, высказывал мнение, что все это дело было подстроено⁵⁶.

Борьба за власть в Ираке разыгрывалась в этот период на фоне спада народного движения, наступившего после массовых восстаний крестьян и подъема забастовочной борьбы в 1937 г. Непрерывно усиливался террор против лиц, подозреваемых в «подрывной деятельности». На основании драконовских законов (№ 44 от 7 сентября 1937 г. о «подрывной пропаганде» и № 20 от 10 апреля 1938 г.) пресекалась малейшая возможность критики действий правительства. Хасани сообщает о массовых арестах молодежи, подозревавшейся в «коммунистической деятельности»⁵⁷. Под эту статью

⁵⁵ M. Peterson, *Both sides of the curtain*, p. 151.

⁵⁶ M. Khadduri, *Independent Iraq*, p. 136.

⁵⁷ Аль-Хасани, *Тахик аль-Ирак*, стр. 178.

подводилось любое проявление недовольства существующим положением в стране и стремление иракцев освободиться от своего угнетателя — британского империализма. «30 лет английского влияния, — писал Кимхе, — создали один общий знаменатель, объединивший весь Ближний Восток, это — всеподчиняющее противодействие Англии, ее политике, ее агентам»⁵⁸. Характеризуя деятельность английских чиновников в арабских странах, Кимхе подчеркивал, что «они были заняты деланием королей и установлением бесчисленных каналов своего влияния через шейхов, султанов, пашей и эфенди»⁵⁹. Английские правители в арабских государствах, рассматривавшие народы этих стран исключительно как объект колониальной эксплуатации и менее всего склонные к тому, чтобы вникать в их устроения и стремления, лишь усиливали и без того крайне недружелюбие арабов по отношению к Англии. Тем самым деятельность англичан в этих странах создавала питательную почву для антибританской пропаганды агентуры фашистских держав.

Следует признать, что эта пропаганда проводилась довольно искусно. Фашистская Италия с величайшим усердием изображала себя верным другом и союзником народов Северной Африки и Ближнего Востока, угнетаемых Англией и Францией. Еще 1 июня 1927 г., выступая с речью по случаю заключения договора о дружбе с Йеменом, Муссолини заявил: «Италия является другом исламского мира и сознает свой долг как великая и тоже мусульманская держава»⁶⁰. Такие факты, как помпезная поездка Муссолини в Ливию, ширококательное рекламирование «прогресса», достигнутого там под итальянским управлением, систематические и хорошо организованные передачи на арабском языке, в которых чтение текстов из Корана и исполнение арабских песен перемежалось с настойчивой антибританской пропагандой, свидетельствовали о серьезных попытках итальянского фашизма привлечь на свою сторону общественность арабских стран.

Хотя главным объектом итальянской экспансии на Арабском Востоке являлся Египет, Ирак тоже не был

забыт. В 1934 г. обе страны обменялись дипломатическими миссиями. В 1936 г. Италия получила заказ на поставку вооружения для иракской армии. В 1938 г. «Банко ди Рома» открыл свой филиал в Багдаде. Итальянские фашисты субсидировали иракскую профашистскую газету «Аш-Шааль», у себя в Риме они торжественно принимали и награждали всевозможных иракских визитеров. Со своей стороны иракское правительство в ноябре 1938 г. признало короля Италии императором Эфиопии, официально выразив тем самым свою приверженность фашистским завоевателям Абиссинии.

Однако масштабы итальянского влияния в Ираке были неизмеримо меньше тех, которых к началу второй мировой войны достигла здесь Германия. Еще 4 августа 1935 г. между Германией и Ираком было заключено торговое соглашение, предусматривавшее большие торговые операции. В 1937 г. экспорт Германии в Ирак превысил ее экспорт в Сирию и Ливан (в Ирак было ввезено германских товаров на сумму 3 млн. марок, а в страны Леванта — на 2,5 млн. марок)⁶¹. Не меньшее значение придавалось Германией и другому виду «экспорта» в Ирак — распространению идеологического влияния фашизма. В насаждении германского влияния в Ираке огромная роль принадлежала германскому посланнику в Багдаде доктору Фрицу Гробба⁶². Другим официальным германским агентом в Ираке был доктор Юлиус Иордан, занимавший пост директора департамента памятников древности, что позволяло ему ездить по всей стране и устанавливать широкие связи.

Иракским посланником в Германии был назначен эмир Зейд, которому гитлеровцы устроили пышный прием. Стараясь распространить среди иракской общественности симпатии к Германии, гитлеровцы усиленно приглашали иракцев посетить Германию. В багдадской газете «Ирак таймс» можно было прочесть следующее объявление: «Путешественникам, едущим в Германию, мы можем сообщить, что Германская восточная ассоциация готова оказать каждому всяческое содействие, совершенно бесплатно, в ознакомлении с Германией»⁶³.

⁵⁸ J. Kimche, *Seven fallen pillars*, p. 34.

⁵⁹ Ibid., p. 29.

⁶⁰ W. Weber, *Italien und das Nahe Orient*, S. 8.

⁶¹ R. Hüber, *Deutschland und der Wirtschaftsaufbau...*, S. 88.

⁶² Цит. по: G. E. Kirk, *The Middle East in the war*, p. 63, 64.

⁶³ «The Iraq times», 14.VIII.1936.

Играя на антибританских настроениях, германская пропаганда стремилась представить гитлеровскую «третью империю» как естественную союзницу Ирака. Гитлеровское правительство наградило короля Гази германским орденом. Один из немецких авторов писал: «Обновленная, молодая Германия протягивает через земли и моря молодому Востоку руку дружбы и понимания»⁶⁴.

Германская агентура стремилась привлечь на свою сторону видных деятелей Ирака. Она добилась того, что к концу 30-х годов, как писал Лонгригг, среди видных политических деятелей, интеллигенции и особенно среди офицеров иракской армии «германское влияние получило заметное распространение»⁶⁵. Другой английский автор отмечал, что германская пропаганда использовала в первую очередь такое оружие, как «антисионизм»⁶⁶.

Палестинский вопрос всегда был одним из самых уязвимых пунктов во взаимоотношениях Англии с Ираком. Ни один иракский политик не мог без риска для своей карьеры игнорировать движение против сионистской иммиграции, охватившее Арабский Восток. Даже такие преданные агенты Англии, как Нури Саид, не могли взять на себя смелость отождествлять английские и арабские интересы в Палестине, они могли лишь пытаться посредничать в палестинском конфликте. Так, летом 1936 г. во время всеобщей забастовки в Палестине Нури Саид выступил в роли посредника между английскими властями и Верховным арабским комитетом. Председатель комитета великий муфтий Иерусалима Амин аль-Хусейни подписал прокламацию, в которой говорилось: «Нури паша возьмет на себя инициативу официальной переписки...»⁶⁷. Из этого посредничества ничего не вышло, и в 1937 г., когда палестинский кризис перерос в вооруженную борьбу, из Ирака отправилось немало добровольцев для участия в боях за «освобождение Палестины — второй Андалусии».

Однако борьба арабских стран против общего врага — сионизма сопровождалась взаимной грызней

и интригами их правящих кругов. Когда в 1937 г. стала вырисовываться перспектива победы арабских сил в Палестине и создания единого палестино-иорданского королевства во главе с Абдаллахом, иракские правящие круги резко выступили против, а улемы Неджефа и Кербелы готовили фетву, запрещающую мусульманину занимать трон Палестины под угрозой лишения права быть похороненным на мусульманском кладбище и проклятия «до Судного дня»⁶⁸. Но вариант с «палестинским королевством» оказался нереальным.

В Ираке была создана Ассоциация защиты Палестины, в которую входили Таха аль-Хашими, Мухаммед Махди Кубба, Наджи Сувейди, редактор профашистской газеты «Ад-Дифаа» Саид Табир и др. К концу 30-х годов эта организация превратилась в очаг антианглийской, антисионистской и антидемократической пропаганды, и ее деятельность была сосредоточена уже не на «объединении арабских народов», а на борьбе против сионистов и англичан. В Басре был создан клуб «Нади аль-Мухалляль», в Мосуле — «Нади аль-Джазира»⁶⁹. Они пропагандировали те же идеи, что и Ассоциация защиты Палестины. Было также организовано общество «Джавваль». Но особые надежды фашистская агентура возлагала на иракскую молодежную полувоенную организацию «Футувва».

Словом «футувва» («молодечество», «доблесть») обозначался во времена раннего ислама моральный кодекс мусульманских витязей. В современном Ираке так была названа организация, возникшая после первой мировой войны из лиги бойскаутов (по-арабски «кашшафа»). Бойскаутская организация «Кашшафа» была сохранена для начальной школы, а все учащиеся средних и высших учебных заведений входили в «Футувва». 15 мая 1939 г. за подписью регента и министров было издано специальное постановление. Статья 1 этого постановления гласила: «Цель „Футувва“ и „Кашшафа“ — приучать молодежь к трудной жизни, тяготам и жертвам и развивать воинский дух, мужество и рыцарские качества, а также насаждать дисциплину и послушание путем военного обучения в различных формах». Все

⁶⁴ R. Hüber, *Deutschland und der Wirtschaftsaufbau...*, S. 112.

⁶⁵ S. Longrigg, *Iraq 1900 to 1950*, p. 272.

⁶⁶ R. Bullard, *Britain and the Middle East*, p. 113.

⁶⁷ «La nation Arabe», 1936, № 10, 11, p. 630, 631.

⁶⁸ «The Times», 16.VII.1937.

⁶⁹ F. Grobba, *Irak*, S. 46.

служащие министерства образования считались командирами «Футувва» с титулами насыр, фарис, назыр в зависимости от их оклада. Среди учеников были свои «командиры» («раис аль-фатьян») ⁷⁰. Все учащиеся проходили военную подготовку, в том числе в лагерях, во время смотров и парадов носили форму военного типа и воспитывались в крайне националистическом духе.

В декабре 1937 г. «фюрер молодежного движения в Германии» посетил Багдад и, ознакомившись с деятельностью «Футувва», рекомендовал иракским руководителям «продолжать и усиливать военно-спортивное обучение и воспитание молодежи в националистическом духе» ⁷¹. 29 августа 1938 г. в Германию отправилась делегация «Футувва» в составе 20 человек, приглашенная на смотр «Союза гитлеровской молодежи» и на Нюрнбергский съезд нацистской партии. Делегацию провожал напутственной речью министр иностранных дел Тевфик Сувейди. Глава делегации Махмуд Фадиль аль-Джанани был лично представлен Гитлеру и, вернувшись в Ирак, стал энергично реорганизовывать «Футувва», приближая ее по духу к «Союзу гитлеровской молодежи».

Духовным наставником «Футувва» был доктор Сами Шавкат — генеральный директор департамента здравоохранения, назначенный в сентябре 1939 г. министром общественных дел. Сами Шавкат, один из главарей фашистского и прогерманского движения в Ираке, посетил в 1937 г. Германию, где получил в подарок полную форму офицера нацистских штурмовых отрядов. Он был известен в Ираке как «проповедник силы» и в 1939 г. написал книгу «Таковы наши цели: кто в них верит, тот с нами», пропитанную духом крайнего национализма, панарабизма и враждебности к демократии.

Большой шум был поднят вокруг речи Шавката, названной «Искусство смерти». В этой речи говорилось, что в то время как такие богатые и культурно развитые страны, как Египет и Индия, находятся в зависимости от иностранцев, бедные и нищие государства Афганистан и Йемен свободны и независимы. Для того чтобы отстоять независимость, утверждал Шавкат, необходим

дух самоотречения, самопожертвования, готовности идти на смерть и нести ее другим, необходимо «усовершенствовать искусство смерти». «Если жизнь — это право, присущее индивидууму, то смерть — это право, присущее нациям, защищающим свою жизнь и честь» ⁷². Подобные же взгляды, имевшие явное сходство с «философией» Муссолини, Шавкат высказывал в другой своей речи «О суровой жизни». В руках такого человека находилось дело воспитания иракской молодежи. Верхом на коне, в военной форме, Сами Шавкат принимал парады «Футувва», в которых участвовало до 12 тыс. человек ⁷³.

Как уже отмечалось, среди политических деятелей Ирака было много германских ставленников. Видным немецким агентом в Ираке был журналист Юнис Бахри, который еще в 1933 г., во время ассирийского восстания, создал в Мосуле шовинистскую организацию «Ат-Таабаб», а с 1931 г. до начала мировой войны редактировал профашистскую газету «Аль-Укаб». Во время войны он выступал по берлинскому радио на арабском языке. В тесной связи с нацистами находился Муса Шахбендер, который, будучи в 1937 г. первым секретарем иракской миссии в Берлине, оказался замешанным в нелегальных поставках оружия франкистским мятежникам в Испании. Центральную роль в организации профашистской пропаганды в Ираке играл один из основателей клуба «Мусанна», доктор Амин Рувейха, которого Сульцбергер считал самым первым германским агентом в арабских странах ⁷⁴.

Вся прогерманская и профашистская деятельность в Ираке была связана многочисленными нитями с человеком, на которого державы оси, без сомнения, делали главную ставку на Арабском Востоке. Это был великий муфтий Иерусалима Мухаммед Амин аль-Хусейни. Сбежав из Сирии тотчас же после начала второй мировой войны, муфтий 16 октября 1939 г. прибыл в Багдад, где был встречен как национальный герой и осыпан почестями на многочисленных банкетах и приемах. Муфтий обосновался в Багдаде вместе со своим штабом, в который входили советники по политическим и религиозным вопросам, печати и пропаганде и даже специаль-

⁷⁰ E. Rossi, *L'istituzione scolastica militare «Al-Futuwwah» nell'Iraq*, — «Oriente moderno», 1940, N 6.

⁷¹ F. Grobba, *Iraq*, S. 67.

⁷² M. Khadduri, *Independent Iraq*, p. 160.

⁷³ «Oriente moderno», 1940, p. 333.

⁷⁴ «Foreign affairs», 1942, July.

ный комитет по иностранным делам. Весь этот аппарат, обслуживавший интересы фашизма на Арабском Востоке, финансировался иракским правительством: парламент Ирака вынес решение предоставить муфтию 18 тыс. динаров, а иракская секретная служба, по данным Сульцбергера, платила ему ежемесячно тысячу динаров из своих фондов. Кроме того, муфтий получал деньги от Ассоциации защиты Палестины, обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, ему шли также пожертвования населения.

Утверждалось, что итальянский посланник Луиджи Габриэли предоставил муфтию 10 тыс. ф. ст. Сообщалось, что он получил еще 40 тыс. ф. ст. от итальянцев и 40 тыс. ф. ст. от немцев⁷⁵. Муфтий расставил своих людей из числа «палестинских беженцев» на различные посты в Ираке, приобрел газету «Истикляль», поставив во главе ее Османа Касима, бывшего редактора антикоммунистической и антисемитской газеты «Аль-Лива», выходившей в Палестине. Всю свою энергию и недюжинные способности муфтий отдал борьбе против английского засилья и демократов, за установление германского влияния на Ближнем Востоке. Для характеристики его патологической ненависти к евреям упомянем, что во время войны, уже будучи в Германии, муфтий инкогнито посещал газовые камеры в Освенциме, наблюдая за истреблением евреев⁷⁶.

В Ираке муфтий имел обширные связи среди армейских верхов. Один из «четырех полковников» — Махмуд Сальман — был его давнишним другом: муфтий подружился с ним, еще будучи пехотным офицером турецкой армии в Смирне в годы первой мировой войны. Возможно, что именно через Сальмана муфтий установил контакт с панарабской, антисионистской и антианглийской группой «молодого офицерства» иракской армии — группой, которая, наблюдая успехи фашистской экспансии в Европе и Африке, рост фашистского влияния на Балканах, слабость и капитулянтство в лагере европейских буржуазно-демократических держав, пришла к выводу, что тоталитаризм приходит на смену «отжившей

свой век демократии». Группа «молодого офицерства» считала, что фашистская «ось» во главе с гитлеровской Германией является именно той силой, на которую следует ориентироваться. Молодой король Гази все больше симпатизировал подобным взглядам (так же как Реза-шах и египетский Фарук), и это обстоятельство тревожило англичан. Бывший в то время послом в Ираке Морис Петерсон писал в мемуарах: «Стало очевидным, что короля Гази необходимо либо взять под контроль, либо низложить, и я прямо намекнул на это при своем прощальном визите эмиру Абдул Иллаху»⁷⁷.

Задача устранения Гази была не из легких, а время не ждало. Решили ли английские правящие круги силой разрубить опасный узел или на помощь им пришел трагический случай — осталось невыясненным. Официальное сообщение, опубликованное в Багдаде утром 4 апреля 1939 г., гласило, что ночью 3 апреля во время поездки на автомобиле под Багдадом король Гази, как обычно, сам управлявший гоночной машиной, на большой скорости врезался в столб. От полученных ранений король скончался, не приходя в сознание.

Существовала и другая версия гибели Гази, согласно которой во время поездки на автомобиле негр-слуга, подкупленный Нури Саидом, ударил Гази по затылку, после чего машина потеряла управление (слуга тоже умер от ран, полученных в результате аварии)⁷⁸.

Антибританская пропаганда немедленно распустила слух об убийстве Гази английской разведкой. В Мосуле состоялась бурная демонстрация, в ходе которой толпа ворвалась в здание английского консульства. Консул Монк-Мэсон был убит.

Поскольку сыну Гази — Файсалу II — было всего четыре года, провозгласили регентство. Регентом был назначен двоюродный брат Гази — эмир Абдул Иллах, который принес присягу 6 апреля 1939 г. Смерть Гази, как писал Ленцовский, вызвала в Лондоне «вздых облегчения»⁷⁹. Отныне Ирак возглавляли люди, на которых английские правящие круги вполне могли положиться, — Абдул Иллах и Нури Саид. Армейская вер-

⁷⁵ G. E. Kirk, *The Middle East in the war*, p. 64; «Foreign affairs», 1942, July, p. 667.

⁷⁶ B. Crum, *Behind the silken curtain*, p. 110.

⁷⁷ M. Peterson, *Both sides of the curtain*, p. 151.

⁷⁸ «Ахеп саа» (آخر صاعه), 13.II.1957.

⁷⁹ G. Lenczowski, *The Middle East...*, p. 224.

хушка, хотя в ней и усиливались прогерманские настроения, все еще находилась под контролем английского ставленника Хусейна Фавзи. Ыполне естественно поэтому, что, когда 1 сентября 1939 г. началась мировая война, Ирак объявил о верности союзному договору с Англией. 5 сентября Ирак разорвал дипломатические отношения с Германией, и на другой же день Гробба и весь его штаб покинули Ирак. Германские подданные были интернированы и переданы англичанам. Подчеркивая свои союзнические чувства к Англии, Нури Саид послал поздравительную телеграмму премьер-министру Турции по случаю заключения англо-франко-турецкого договора 19 октября 1939 г.⁸⁰

12 сентября 1939 г. в Ираке было введено чрезвычайное положение. Был установлен контроль над ценами и государственная монополия на продажу «основных товаров», создано центральное управление снабжения, введена цензура и предприняты другие аналогичные шаги, соответствующие обстановке военного времени. Внешне Ирак выглядел лояльным союзником Англии, принявшим все меры к тому, чтобы пресечь деятельность ее врагов. Однако в действительности вспыхнувшая в Европе война ускорила кризис англо-иракских отношений. Несмотря на кажущееся спокойствие, в Ираке назревали события, не сулившие Англии ничего хорошего.

Уже весной 1940 г. произошло первое ощутимое ослабление позиции Англии в Ираке. Все началось с убийства Рустума Хайдара, министра финансов в кабинете Нури. Рустум Хайдар, шиит, один из виднейших сподвижников и личных друзей Файсала (он был его секретарем и начальником канцелярии в 1921—1931 гг.), принадлежал к крайне небольшому числу государственных деятелей Ирака, пользовавшихся уважением в народе. Хайдар был убит 18 января 1940 г. в своем кабинете. Убийца — некто Хусейн Фавзи Тевфик, известный как сторонник нацистов, побывавший незадолго перед этим в Германии, — утверждал, что он стрелял в Хайдара из личных побуждений. Но впоследствии Тевфик заявил на суде, что его подстрекали к совершению преступления два бывших министра кабинета Мадфан.

⁸⁰ «The Times», 24.X.1939.

Суд приговорил убийцу к повешению. В Багдаде были широко распространены слухи о том, что накануне казни Тевфик, имевший свидание с Нури Саидом, якобы обвинял последнего в вероломстве. Хасани сообщает, что по дороге на виселицу Тевфик кричал: «Он меня впутал»⁸¹. Гайлани в своих мемуарах утверждает, что Тевфик кричал: «Ты меня впутал, Нури! Где твоё обещание?»⁸².

Все это создавало впечатление, что налицо еще одно грязное дело, сфабрикованное Нури Саидом, желавшим расправиться со своими врагами (ходили слухи, что между ним и Рустумом Хайдаром существовали резкие противоречия по внешнеполитическим вопросам). Германская печать прямо обвиняла в убийстве Хайдара английскую разведку⁸³. И поныне загадочное убийство Рустума Хайдара остается одним из многих невыясненных эпизодов предвоенной истории Ирака.

Непосредственным следствием этого убийства явилась отставка Нури Саида, подвергшегося резким нападкам даже и со стороны самих членов кабинета. Положение Нури осложнялось тем, что среди английской агентуры в Ираке не было единства. Между главным политическим ставленником Англии — Нури Саидом и проанглийскими лидерами армейской верхушки — Фавзи и Умари — существовала вражда на личной почве. В момент правительственного кризиса эта вражда сыграла решающую роль. 18 февраля 1940 г. Нури Саид подал в отставку. Спустя два дня регент принял отставку, сделав это после того, как Хусейн Фавзи, ставший к тому времени уже генерал-лейтенантом и по-прежнему занимавший пост начальника генерального штаба, явился к нему в сопровождении командира 1-й дивизии Амина аль-Умари и полковника Ямулки и категорически потребовал, чтобы в новое правительство не входили ни Нури Саид, ни Таха Хашими, с которым у этих трех офицеров также были напряженные отношения. Опасаясь выступления армии в случае отказа удовлетворить требования клики Фавзи, регент стал обду-

⁸¹ Аль-Хасани, *Тарих аль-Ирак*, стр. 210.

⁸² См. «Ахер саа», 27.II.1957.

⁸³ W. Lojewsky, *Aufmarsch im Orient*, S. 54; H. E. Seifert, *Der Aufbruch in der arabischen Welt*, S. 65; «Der Irak. Materialien zur Neuordnung», S. 32, etc.

мывать вопрос о том, кому поручить формирование кабинета (в частности, он собирался обратиться к Мухаммеду Садру). Но неожиданный поворот событий вновь временно вернул к власти Нури Саида.

Руководящая армейская «семерка», годом раньше свалившая правительство Мадфай, давно уже распалась: из нее выделилась группа, в которую входили Фавзи, Умари и Ямулки. Другую группу составлял «Золотой квадрат» («четыре полковника»), о котором упоминалось выше. В описываемый момент борьба между двумя этими группировками стала вестись в открытую. Стремясь захватить контроль над армией и устранить Фавзи, «четыре полковника» воспользовались раздорами в проанглийском лагере и сделали блестящий тактический ход: они поддержали Нури Саида, пообещав также помощь регенту в его сопротивлении группе Фавзи. С этой целью группа «Золотого квадрата» сосредоточила 21 февраля преданные ей войска в лагере Рашид, под Багдадом. На стороне этой группы выступил командир 2-й дивизии Исмаил Намик. Почувствовав угрозу, Фавзи, Умари и Ямулки стянули свои силы в лагерь Вашшаш. Однако до вооруженного столкновения между двумя армейскими группировками дело не дошло. Регент решительно стал на сторону «четырех полковников», прельстивших его поддержкой, оказанной ими Нури Саиду. Главную роль, вероятно, все же сыграло то, что перевес сил оказался на стороне «четырех полковников». Кризис закончился тем, что регент поручил Нури Саиду вновь сформировать правительство. Фавзи, Умари и Ямулки, проигравшие борьбу, были уволены из армии. «Четыре полковника» стали там полными хозяевами. Но теперь Нури Саид был уже им больше не нужен. В адрес Нури посыпались обвинения в том, что он не проявляет заинтересованности в расследовании обстоятельств убийства Хайдара. На этот раз старый мастер интриг и темных комбинаций сам стал их жертвой. 31 марта 1940 г. Нури Саид был вынужден вторично уйти в отставку.

«Золотой квадрат», обеспечивший себе полный контроль над армией, выдвинул на пост премьера своего союзника Рашида Гайлани. Он представлялся «четырем полковникам» весьма подходящей фигурой для того, чтобы замаскировать их господство.

Еще 14 марта 1940 г., когда премьером был Нури, регент созвал ряд политических деятелей, которые приняли торжественный обет добиться создания правительства национальной коалиции. Это правительство должно было пользоваться поддержкой всех бывших премьер-министров и политических деятелей независимо от того, войдут ли они в кабинет или нет. Под обетом подписались Мадфай, оба брата Сувейди, Наджи Шавкат, Нури Саид, Рашид Гайлани, Али Джавдат⁸⁴.

1 апреля 1940 г. Гайлани сформировал кабинет, в котором занял также пост министра внутренних дел. Таха Хашими стал министром обороны, Наджи Сувейди — министром финансов, Наджи Шавкат — министром юстиции. По настоянию регента, а также чтобы не обострять преждевременно отношений с Англией, Нури Саид был оставлен в кабинете в качестве министра иностранных дел.

«Золотой квадрат» считал одной из своих важнейших задач укрепление позиций Ирака в арабском мире. А положение Ирака сильно пошатнулось после того, как переворот Бакра Сидки нанес удар по «панарабистам». Центром «панарабизма» стал Египет. В ноябре 1938 г. в Каире состоялся Межпарламентский арабский и мусульманский конгресс борьбы за Палестину. Делегаты конгресса приветствовали короля Фарука, называя его «Повелитель правоправных» (титул халифа). Стремясь использовать военную конъюнктуру и вырвать у Египта роль лидера панарабского и антисионистского движения, правительство Ирака, как сообщает Кирк, предложило Англии летом 1940 г. любопытную сделку: Ирак объявит войну Германии при условии, что англичане предоставят Палестине независимость. Предложение Ирака было отвергнуто Англией, и это способствовало росту антианглийских настроений в Ираке.

По утверждению некоторых арабских авторов, Нури в 1940 г. потребовал на заседании совета обороны объявления войны державам оси, высылки мфтия и отправки двух иракских бригад для операций на европейском или североафриканском фронте, рассчитывая с помощью такого маневра разбить «Золотой квадрат»⁸⁵.

⁸⁴ М. Khadduri, *Independent Iraq*, p. 154.

⁸⁵ Уда, *Саурат аль-Ирак*, стр. 59.

Правительство вело себя очень осторожно, старалось избежать ссоры с англичанами, однако последние все яснее понимали, что оно легко может оказаться вместе с немцами.

Тем временем Германия разгромила Францию. В войну вступила Италия. Характерно, что если в 1939 г. Ирак порвал отношения с Германией, то в 1940 г. иракское правительство не сделало аналогичного шага по отношению к новому врагу Англии—Италии. На заседании кабинета только Нури Саид и Амин Заки высказались за разрыв с Италией. Правительство большинством голосов приняло любопытную резолюцию о том, что оно не торопится рассматривать вопрос о разрыве отношений с Италией⁸⁶.

По мере того как положение Англии ухудшалось, антитибританские круги в Ираке все более откровенно заявляли о своих претензиях. В самом правительстве только Нури Саид и Амин Заки, поддержанные регентом, все еще стояли за продолжение союза с Англией. Остальные считали, что настал момент для открытого разрыва. Было решено прощупать на этот счет позицию Турции. 24 июня 1940 г. в Анкару прибыла иракская делегация в составе Нури Саида и Наджи Шавката — представителей двух противоположных течений в правительстве. Консультации с Сараджоглу продолжались неделю, затем Шавкат поехал «для лечения» в Стамбул, где встретился с фон Папеном. Во время переговоров в Стамбуле Папен обещал Шавкату обсудить с Гитлером вопрос о возможной поддержке Германией арабских националистов.

В результате доклада Папена Гитлеру появилась на свет на шумевшая германо-итальянская декларация от 23 октября 1940 г., провозглашавшая «симпатии держав оси к арабскому освободительному движению» и утверждавшая, что «ось» не преследует никаких захватнических целей в отношении арабских стран⁸⁷. Эта декларация — документ чудовищной фальши и демагогии — транслировалась на арабском языке по германскому и итальянскому радио, а затем широко использовалась для пропаганды фашистской агентурой в

Ираке. Газета «Истикляль» в передовой статье одобрила декларацию. Повсюду распространились слухи, что Ирак возобновит дипломатические отношения с Германией.

Германия стремилась превратить Багдад в центр антитибританских интриг на всем Ближнем Востоке. Германская агентура в Ираке особенно активизировалась после того, как заключенное правительством Петэна 22 июня 1940 г. перемирие дало возможность гитлеровцам установить свой контроль над Сирией. В сентябре 1940 г. в Бейрут прибыл Р. Розер, бывший представитель германской торговой фирмы, возглавлявший всю шпионскую сеть в странах Леванта. Его главным помощником была некая Паула Кох, происходившая из немецкой семьи, из давня проживавшей в Халебе, прекрасно владевшая арабским и французским языками. В Сирию приехал видный германский агент Эйлендер, а также барон Оппенгейм (разведчик и ученый, крупный специалист в области изучения бедуинских племен, автор книги «Бедуины») и главный эксперт Гитлера по арабским делам К. Рашман⁸⁸.

В октябре 1940 г. германский майор Прат с тремя другими офицерами «обследовал» сирийско-иракскую границу у Абу Кемаля, позднее ряд немецких офицеры такж совершил несколько инспекционных поездок в этот район. Вишистский правитель Сирии генерал Денц, по указаниям из Берлина, поощрял панарабских агитаторов. Были вновь выдвинуты требования об объединении Сирии с Ираком⁸⁹. В создавшейся обстановке фашисты стремились использовать этот лозунг для захвата Ирака.

7 июля 1940 г. в Дамаске был убит лидер сирийских националистов доктор Абд ар-Рахман Шахбендер. Итальянская печать немедленно обвинила в этом англичан, хотя Шахбендер считался политиком, ориентировавшимся на Англию⁹⁰. Агентура «оси» не жалела усилий, чтобы привлечь общественное мнение стран Арабского Востока на сторону фашистских держав. После того как в январе 1941 г. Бейрут посетил Гентиг, главный специалист по ближневосточным делам разведыва-

⁸⁶ «Ахер саа», 27.II.1957

⁸⁷ Там же; M. Khadduri, *Independent Iraq*, p. 163.

⁸⁸ «Foreien affairs», 1942, July, p. 671.

⁸⁹ W. Root, *The secret history of the war*, p. 262.

⁹⁰ «Oriente moderno», 1940, p. 400.

тельного управления на Вильгельмштрассе, германская пропаганда стала распространять лозунг «На небесах — аллах, а на земле — Гитлер»⁹¹. Уже после начала второй мировой войны созданная немцами в Афинах радиостанция «Свободная Аравия» сообщала иракскому населению, что Гитлер, потомок Пророка(!), враг евреев и англичан, защитник ислама, прилагает всю свою энергию к созданию свободной арабской федерации⁹².

Иракской прессе было разрешено печатать военные сообщения держав «оси», демонстрация английских пропагандистских фильмов была запрещена, установлен тесный контакт с Японией, которая согласилась поставлять Ираку оружие. После того как Англия отказалась закупать иракский хлопок, японцы согласились приобретать весь урожай иракского хлопка и притом по более высокой цене, чем та, которую платили англичане⁹³.

Дело все более осложнялось, и на помощь Англии пришел Рузвельт, направивший Ираку 5 декабря 1940 г. ноту, настойчиво советовавшую иракскому правительству «сотрудничать с Великобританией»⁹⁴. Обе державы с целью нажима на Ирак отказались предоставлять ему доллары и оружие. 9 января 1941 г. Иден отклонил просьбу иракского правительства о поставках вооружения, заявив, что хотя Ирак и является союзником Англии, но в стране есть люди, желающие «флиртовать» с державами «оси»⁹⁵.

Но все это уже не приносило ожидаемых результатов. Абдул Иллах и Нури Саид были бессильны. Еще в конце 1939 г. Нури, который должен был отправиться в Саудовскую Аравию для переговоров по поводу заключения нового договора, не осмелился даже выехать из Багдада, опасаясь, что германские агенты убьют его в Аравийской пустыне⁹⁶.

Под настойчивым нажимом англичан регент начал добиваться отставки Гайлани. Однако Рашид, Таха и Наджи Сувейди все вместе явились к Абдул Иллаху и

указали ему на то, что регент не имеет права требовать отставки премьер-министра. Тогда регент сам устранился от выполнения своих функций и перестал даже подписывать государственные бумаги⁹⁷.

21 января 1941 г. Нури Саид, который более уже не мог удержаться в кабинете, подал в отставку⁹⁸. Для того чтобы этот факт не привел к дальнейшему обострению отношений с Англией и, возможно, к преждевременному разрыву отношений между двумя странами, Рашид Гайлани убедил лидера прогерманской группы в правительстве — Наджи Шавката также уйти в отставку. Это позволило бы создать видимость «нейтрализации» кабинета, из которого вышли лидеры двух противоположных течений.

Рашид Гайлани ни разу не выступил открыто с каким-либо антианглийским заявлением. Получив 21 июня 1940 г. ноту Англии с требованием разрешить высадку в Басре английских войск для дальнейшего следования в Хайфу, он на другой же день дал соответствующие указания. И все же английское правительство, возглавлявшееся Черчиллем, отдавая себе отчет в том, что в ходе войны вооруженные силы держав «оси» могут приблизиться к Ираку и оказать поддержку антианглийской националистической группировке, стремились к устранению Гайлани, которого поддерживала группа влиятельных офицеров. Сознывая, что время работает не на Англию, Черчилль сделал попытку использовать для устранения Рашида Гайлани регента Абдул Иллаха. Когда Рашид Гайлани сообщил регенту о предстоящей отставке Нури Саида в Наджи Шавката, Абдул Иллах потребовал отставки всего кабинета. Рашид решил прибегнуть к помощи «четырех полковников». Полковник Махмуд Сальман, занимавший в это время пост командующего военно-воздушными силами, явился к регенту и заставил его дать безоговорочное согласие на то, чтобы в отставку ушли только Нури и Шавкат. Регент был вынужден уступить требо-

⁹¹ «Foreign affairs», 1942, July, p. 672.

⁹² Ibid.

⁹³ «Ахер саа», 6.III.1957.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ M. Khadduri, *Independent Iraq*, p. 168.

⁹⁶ «Foreign affairs», 1942, July, p. 673.

⁹⁷ S. Longrigg, *Iraq 1900 to 1950*, p. 285.

⁹⁸ Арабский историк Абд ар-Раззак Хусейн, отмечая «подрывную роль» Нури в правительстве, считал, что этим шагом он хотел спровоцировать отставку самого Гайлани. *توري عبد الرزاق حسين، نيات سياسية في الحركة الوطنية العراقية، القاهرة، ١٩٥٨، ص ٣٣*

ваниям влиятельных офицеров, но у него оставался еще один козырь — парламент, который был избран при Нури Саиде и поэтому состоял в основном из сторонников последнего. По указанию регента 30 января 1941 г. ряд депутатов выступил с резкой критикой Рашида Гайлани, и тогда премьер решил распустить парламент. Он дал регенту на подпись соответствующий указ, а тот, взяв заготовленный текст, обещал к вечеру дать ответ. Неожиданно регент выехал на автомобиле в Дивания, где был расположен штаб командира 4-й дивизии генерала Рави, который являлся ставленником регента. Али Рашид Гайлани понял, что его перехитрили, и 31 января подал в отставку.

Однако коренным образом изменить обстановку в свою пользу Англия уже не могла: с 1936 г. решающей силой в Ираке неизменно оставалась армия, а хозяевами в ней были «четыре полковника». Они явились к регенту и потребовали назначения на пост премьер-министра генерала Таха Хашими, брата покойного Ясина и бывшего начальника генерального штаба. Это требование, разумеется, было удовлетворено.

Таха принадлежал к числу наиболее реакционных политических деятелей в Ираке. Бывший председатель Ассоциации защиты Палестины и один из основателей клуба «Мусанна», он вполне устраивал «четырех полковников». Однако, став премьером, он подвергся такому сильному давлению со стороны регента и особенно со стороны английского посольства, что позиции этого деятеля стали давать сильный крен в сторону Англии.

Прежний посол, Ньютон, не оправдавший доверия Форейн оффис, был смещен, и 13 февраля 1941 г. новым послом в Ираке был назначен Корнуоллис. Этот дипломат, хорошо знакомый с иракскими делами (он несколькими годами раньше уехал из Багдада, где долго был секретарем английского посольства), отправился в Ирак в конце марта.

Сотрудники посольства в Багдаде еще до прибытия Корнуоллиса, по его инструкции, усиленно склоняли нового премьера к решительному шагу против «четверки». Английская агентура, играя на честолюбии Таха, давала ему понять, что, пока армия находится под контролем «Золотого квадрата», он обречен на роль марионетки в руках полковников.

В конце марта англичанам, вероятно, казалось, что они близки к своей главной цели — разрушению «Золотого квадрата». 26 марта кабинет принял решение сместить одного из «четырех полковников» Камиля Шабиба с поста командира 1-й дивизии и заменить его ставленником регента генералом Рави. Это был прямой удар по «Золотому квадрату», но он не достиг цели. Шабиб, получив приказ о своем смещении, попросту разорвал его⁹⁹. Утром 1 апреля в армейском лагере Рашид состоялось совещание «четырех» с Гайлани. Было принято решение о путче. В середине дня армейские части вступили в Багдад и заняли ключевые позиции в городе. Двое из «четырех полковников» явились к Таха и заставили его написать просьбу об отставке. Таха написал заявление об отставке и вручил его офицерам, которые тотчас же отправились с ним к Рашиду. «Я никогда в жизни не забуду эту ночь, — вспоминает Гайлани. — Я спал, когда собаки в саду залаяли. Была почти полночь. Вдруг я услышал стук в дверь. Спустившись, я увидел офицеров. „Таха подал в отставку, — закричали они, — вот его заявление“. Тем временем Таха по телефону предупредил регента»¹⁰⁰.

Войска окружили дворец Абдул Иллаха, но тот успел бежать. Переодевшись в женское платье, он прибыл на извозчике в американскую миссию. Вскоре посланник США Кнабеншуэ и его жена в машине американской миссии отправились в Хаббания, а в ногах у них, укрывшись под коврами, сжимая в руке пистолет, лежал регент Ирака¹⁰¹. В Хаббания регент встретил только что прибывшего нового посла Англии Корнуоллиса, следовавшего из Басры в Багдад, и поставил его в известность о перевороте.

В Багдаде был издан приказ об аресте регента. Но Абдул Иллах уже отбыл из Хаббания в Басру на английской летающей лодке. 2 апреля он вместе с Нури Саилом, Али Джавдатом и Мадфай покинул Ирак при содействии Салиха Джабура, бывшего в то время мутасаррифом Басры (в дальнейшем за это содействие Джа-

⁹⁹ M. Khadduri, *Independent Iraq*, p. 179.

¹⁰⁰ См. «Ахер саа», 6.III.1957.

¹⁰¹ F. Stark, *East is West*, p. 141.

бур по приказу Гайлани был арестован и выслан в Иран)¹⁰².

Спустя два дня была опубликована прокламация начальника генерального штаба Амина Заки Сулеймана, обвинявшего регента в невыполнении своего долга и стремлении разгромить «армию — хранительницу единства и целостности страны». «Чтобы спасти честь нации, — говорилось далее, — правительство Национальной обороны взяло власть в свои руки»¹⁰³.

Так совершился переворот. Долго назревавшая развязка наступила. Английская агентура была опрокинута, националисты восторжествовали. Это произошло за шесть дней до того, как германские войска вторглись в Югославию и Грецию, в то время как Роммель готовился к новому наступлению в Ливийской пустыне¹⁰⁴.

Тридцатидневная война

10 апреля 1941 г. был созван парламент. Депутаты — в своем большинстве сторонники Нури Саида — единодушно приветствовали приведший к его изгнанию переворот. Регент Абдул Иллах был объявлен низложенным. Новым регентом был выбран Шериф Шарраф, дальний родственник короля. Он принес присягу и поручил Рашиду Гайлани сформировать новый кабинет. Гайлани оставил себе портфель министра внутренних дел. Наджи Сувейди стал министром финансов, Наджи Шавкат — министром обороны, пост министра иностранных дел занял Муса Шахбендер, два других видных сподвижника Рашида — Юнис ас-Сабави и Хасан ас-Сальман — стали министрами соответственно экономики и народного образования.

¹⁰² Муса Халиб справедливо отмечает, что, дав возможность своим врагам ускользнуть, командование армии проявило непростительное снисхождение.

¹⁰³ «Oriente moderno», 1941, p. 254.

¹⁰⁴ Движение в 1941 г. ошибочно получило в мировой литературе известность как «восстание Рашида Гайлани». Сам Гайлани в своих мемуарах характеризовал это движение следующими словами: «Наше благословенное восстание, которое подняла армия, встав на сторону народа впервые в истории Ирака» («Ахер саа», 6.III.1957). Вместо «восстания Гайлани» правильнее говорить о «националистическом движении армии».

В обращении к иракскому народу правительство заявило: «В истории Ирака открылась новая глава, которая будет отмечена жизнеспособностью и энергией, эффективностью и чувством ответственности»¹⁰⁵. Ставшая официозом «Аль-Истикляль» писала: «Новое движение должно отойти от привычной политики, разрушившей величие Ирака»¹⁰⁶. Одним из первых шагов нового правительства было освобождение лиц, отбывавших наказание за участие в убийстве английского консула Монк-Мэсона¹⁰⁷. Но, вообще говоря, новый режим воздерживался от антианглийских жестов и высказываний. Правительство стремилось к максимальной оттяжке, к предотвращению разрыва.

В своих мемуарах Гайлани писал, что Корнуоллис попытался от имени английского правительства сторговаться с ним. Посол якобы заявил, что Англия согласна признать его полностью, отправить регента и Нури Саида в Лондон и всячески препятствовать их возвращению в Ирак. Кроме того, Англия обещала предоставить Ираку любую военную и экономическую помощь. Взамен англичане выдвигали следующие условия. Иракское правительство должно разрешить им построить аэродромы на линии Басра—Мосул, выслать из Ирака муфтия, беженцев из других арабских стран — участников антиимпериалистической борьбы, а также около 300 служащих сирийского, ливанского и египетского подданства и, наконец, отказаться от попыток вмешательства в дела других арабских стран и от помощи им в борьбе за независимость¹⁰⁸.

Трудно сказать, все ли в данном случае в точности соответствует действительности, но бесспорно одно: попытка англичан договориться с Ираком провалилась, и тогда английское правительство стало готовиться к войне. 9 апреля заместитель премьер-министра Эттли, отвечая на запрос в палате общин, заявил, что ситуация в Ираке является «совершенно неконституционной»¹⁰⁹. За день до этого Черчилль дал следующее указание министру по делам Индии: «Ситуация в Ираке

¹⁰⁵ M. Khadduri, *Independent Iraq*, p. 186.

¹⁰⁶ G. E. Kirk, *The Middle East in the war*, p. 67.

¹⁰⁷ S. Longrigg, *Iraq 1900 to 1950*, p. 288.

¹⁰⁸ См. «Ахер-саа», 13.III.1957.

¹⁰⁹ M. Khadduri, *Independent Iraq*, p. 187.

испортилась. Мы должны обеспечить себе сохранение контроля над Басрой, так как американцы все больше склоняются к тому, чтобы создать там большую базу по сборке самолетов, которую они могли бы снабжать прямым путем»¹¹⁰.

Согласно указанию Черчилля, вице-король Индии Окинлек направил в Басру бригаду и артиллерийский полк 10-й индийской дивизии. Эти части, которые уже готовились в Карачи к отправке на Дальний Восток, отплыли в Басру 12 апреля под командованием генерал-майора Фрезера. 18 апреля они высадились в Басре, и лишь спустя два дня англичане формально испросили у иракского правительства разрешения на высадку войск (что они имели право делать по договору 1930 г.). Правительство Ирака было вынуждено дать согласие на высадку и передвижение войск с условием, чтобы они были немедленно отправлены в Рутбу. Однако Черчилль, приняв решение раздавить новый режим, не был намерен ограничиться одной бригадой. 20 апреля он дал указание начальникам штабов: «Войска должны быть посланы в Басру как можно быстрее»¹¹¹.

В это время, за исключением бригады, высаженной в Басре, Англия располагала в Ираке лишь одним гарнизоном авиационной базы в Хаббания, насчитывавшим менее 2,5 тыс. человек. 28 апреля иракское правительство, уведомленное о том, что на следующий день в Басре высадутся еще 3,5 тыс. английских солдат, ответило, что сначала из Ирака должны быть выведены находящиеся там английские войска, прибывшие для транзитного передвижения в Палестину или Египет (как предусматривалось пунктом 7 приложения 3 к договору 1930 г.). Иначе говоря, Багдад был согласен разрешить вторичную высадку английских войск только после того, как первые отряды «пройдут» через территорию Ирака. Но, как писал английский автор Баклей, «так как о том, чтобы ограничиться только прохождением наших войск через страну, не было и речи, компромисс был невозможен». Лондон имел в виду не транзитное передвижение войск, а оккупацию Ирака. Поняв это, правительство оказалось в безвыходном по-

ложении, и ему пришлось решиться на отчаянный шаг — попытаться не допустить оккупации силой.

Во время состоявшейся 28 апреля встречи премьера с Корнуоллисом английский посол спросил, что произойдет в случае высадки войск. Ответ гласил, что Англия будет нести ответственность за последствия нарушения договора 1930 г.¹¹² На другой день, 29 апреля, английские войска высадились в Басре, и тотчас же командование иракской армии отдало приказ иракским войскам, расположенным в лагере Рашид, двигаться в Хаббания. 30 апреля правительство направило в Лондон формальный протест по поводу нарушения Англией договора 1930 г. Накануне, по указанию английского посольства и миссии США из Багдада, были эвакуированы женщины и дети дипломатического персонала этих стран.

Иракские войска появились на плато под Хаббания 30 апреля, а на другой день иракское командование запретило базировавшимся в Хаббания английским самолетам подниматься в воздух. Командовавший английскими силами в Хаббания вице-маршал авиации Сمارт отказался признать это распоряжение и в свою очередь потребовал, чтобы иракские части очистили плато. Настало утро 2 мая 1941 г. Иракские войска по-прежнему находились на своих позициях. Тогда английская авиация поднялась в воздух и в 5 часов утра сбросила первые бомбы на иракские войска¹¹³. Так началась война.

В Багдаде было официально объявлено, что Ирак стал жертвой агрессии со стороны Англии. Иракское правительство отдало приказ вооруженным силам страны оказать сопротивление и возложило на Англию ответственность за развязку военных действий. В этот же вечер лондонское радио на арабском языке уже призывало иракский народ свергнуть правительство¹¹⁴. Официального объявления войны не последовало ни с одной стороны.

Английская пропаганда утверждала, что переворот, произведенный «Золотым квадратом» в апреле 1941 г., был организован несколькими офицерами и политика-

¹¹⁰ W. S. Churchill, *The second world war*, p. 225.

¹¹¹ Ibid.

¹¹² M. Khadduri, *Independent Iraq*, p. 189.

¹¹³ P. H. Guedalla, *Middle East, 1940—1942*, p. 140—143.

¹¹⁴ «Известия», 4.V.1941.

нами и не встретил никакой поддержки у населения. Но опубликованные после окончания второй мировой войны материалы свидетельствовали, что «движение армии встретило поддержку большого числа офицеров, чиновников, вождей племен, бедуинов»¹¹⁵. Хаддурри сообщал о множестве телеграмм, посланных правительству со всех концов Ирака и содержащих поздравления и выражения симпатий новому режиму, провозгласившему независимую политику, а также о тысячах молодых добровольцев, изъявивших желание вступить в армию и воевать против англичан¹¹⁶. Главным козырем правительства и «Золотого квадрата» был, несомненно, лозунг борьбы за освобождение от английского господства, и этот лозунг, естественно, нашел отклик в сердцах очень многих иракцев, давно мечтавших об изгнании английских империалистов из страны. Значительная часть мелкобуржуазной интеллигенции поддержала армию, полагая, что ее действия положат конец унижительному этапу иракской истории, отмеченному вассальной зависимостью от Англии. «Иракскому народу, — писал в связи с этим Хусейн Мурувва, — в момент столкновения его армии с войсками английского империализма оставалось лишь встать на сторону своей армии и своего правительства против врагов отечества»¹¹⁷.

Руководящие религиозные деятели, уверенные в неминуемом поражении Англии, призвали правоверных подняться на борьбу против англичан. Специальные фетвы с подобными призывами выпустили Мухаммед аль-Хатиб, ректор духовного училища в Кербеле, Шакир аль-Бадри, главный проповедник Багдада, и другие шиитские и суннитские духовные лица¹¹⁸. 9 мая муфтий Амин аль-Хусейни, выступая по багдадскому радио, провозгласил «джихад» (священную войну)¹¹⁹.

Крестьяне в ряде случаев активно поддерживали иракскую армию, воевавшую против англичан. Большинство иракских феодалов, издавна тесно связанных

с Англией, не решилось поддержать свою армию в ее борьбе против Англии и заняло выжидательную позицию. Это позволило им впоследствии, после победы англичан, свалить всю вину на правительство и офицеров.

Но были и такие, как известный шейх Махмуд, который, бежав из Багдада в Сулеймание, начал собирать силы для поддержки англичан¹²⁰. Богатый помещик Али Сухейль из племени бени тамим приветствовал английские войска, шедшие на Багдад, снабдил их информацией и получил подарки¹²¹. Когда же стало ясно, что победа будет на стороне англичан, все помещики и шейхи поспешили им на помощь.

Что касается премьера Рашида Али Гайлани, то этот опытный политик, желая сохранить возможность перемены курса на всякий неожиданный случай, отнюдь не стремился сжечь за собой все мосты. Вообще же его роль была не так велика; решающее слово принадлежало «Золотому квадрату». «Его (Гайлани. — Г. М.) действия в апреле—мае 1941 г., — отмечал Лонгригг, — не обнаруживали ни наличия определенных убеждений, ни решительной политики; он либо плыл по течению, либо вынужден был предпринимать отдельные действия»¹²². Керк писал, что выступление 1 апреля было спровоцировано прибытием Корнуоллиса, а военные действия под Хаббания были начаты после высадки индийской бригады в Басре¹²³.

Такого же мнения придерживались и арабские историки. Например, Муса Хабиб называл восстание 1941 г. «навязанным восстанием» и писал, что «восстание армии было импровизированным, без плана и цели, так как оно было навязано, а не явилось результатом организации и подготовки»¹²⁴. Сам Гайлани в своих мемуарах уверял, что офицеры вплоть до бегства регента не думали о захвате власти¹²⁵. Все это объясняет, почему «четыре полковника» оказались совершенно неподготовленными к войне.

¹¹⁵ Цит. по: «Notes et etudes documentaires», p. 28.

¹¹⁶ М. Khadduri, *Independent Iraq*, p. 186.

¹¹⁷ Х. Мурувва, *Саурат аль-Ирак*, стр. 30.

¹¹⁸ «Notes et etudes documentaires», p. 28.

¹¹⁹ Текст его обращения опубликован в «Oriente moderno», 1941, p. 552, 553.

¹²⁰ S. Longrigg, *Iraq 1900 to 1950*, p. 295.

¹²¹ S. de Chair, *The golden carpet*, appendix, p. 84.

¹²² S. Longrigg, *Iraq 1900 to 1950*, p. 297.

¹²³ G. E. Kirk, *The Middle East in the war*, p. 77.

¹²⁴ 4

موسیٰ حبیب، ثورة ۱۴ تموز، بغداد، ۱۹۵۸، ص. ۲۲

¹²⁵ См. «Ахер саа», 13.III.1957.

В момент возникновения военного конфликта фашистские организации никак себя не проявили. Пока шла война, не было слышно ни о клубе «Мусанна», ни о «Футувва». Сами Шавкат, занимавшийся в мирное время разглагольствованиями о самопожертвовании и «искусстве смерти», после начала военных действий поспешил скромно отойти в тень. Действительность показала, что фашизм не укоренился в Ираке.

Как же были восприняты иракские события за пределами страны?

Надежды на поддержку со стороны других арабских стран немедленно рухнули. Наджи Сувейди в начале мая 1941 г. прибыл в Ар-Рияд для переговоров с Ибн Саудом, но последний твердо заявил ему, что единственный курс, приемлемый для арабских стран, заключается в поддержке Англии¹²⁶. Египет, Палестина и Трансиордания находились под английской оккупацией. В Сирии, правда, имело место поощряемое генералом Денцем движение в пользу немедленной унии с Ираком¹²⁷, но оно не успело получить какого-либо развития.

Турция 4 мая 1941 г. выступила в роли посредника и предложила свои услуги для урегулирования конфликта, однако Иден заявил 6 мая, что Англия согласна на переговоры лишь при условии отвода иракских войск от Хаббания¹²⁸. Таким образом, турецкое посредничество не разрядило обстановку.

Казалось бы, что государства фашистской «оси» захотят оказать «Золотому квадрату» всяческую поддержку. Однако этого не случилось. Дело заключалось в том, что военные действия в Ираке начались в не совсем подходящий для фашистских стратегов момент. Только что закончилась война в Греции. Балканы были уже целиком оккупированы фашистами, но захват Крита еще только подготавливался. Английский флот пока господствовал в восточной части Средиземного моря, Роммель находился у границы Египта, а с Сирией существовала лишь воздушная связь. Самое же главное заключалось в том, что все помыслы Гитлера были поглощены предстоящим нападением на СССР.

¹²⁶ M. Khadduri, *Independent Iraq*, p. 193.

¹²⁷ W. Root, *The secret history...*, p. 292.

¹²⁸ «Правда», 7.V.1941.

Известно, что по «плану Барбароссы» предусматривалось начать вторжение в СССР 1 мая, и лишь неожиданное сопротивление Югославии вынудило Гитлера изменить весь план, бросить часть сил, сконцентрированных вблизи границ СССР, на Балканы и перенести дату начала восточной кампании на 22 июня. Как отмечал Керк, «в течение нескольких месяцев немцы были заняты в основном подготовкой вторжения в Россию, и, очевидно, когда развернулись военные действия в Ираке, немцы не могли оказать сколько-нибудь эффективную помощь Рашиду Али»¹²⁹.

Если в 1941 г. восстание в Ираке еще могло казаться частью обширного германского плана, предусматривавшего захват Ближнего Востока, то опубликованные после окончания войны документы окончательно опровергли это мнение. Следует согласиться с английским автором Баклеем, который писал: «Было бы преувеличением полагать, что Рашид Али действовал в тесном сотрудничестве с Берлином»¹³⁰. Гитлер и не помышлял в то время о широких операциях на Ближнем Востоке. Английский автор Хинсли в хорошо документированной книге доказывал, что даже посылка Роммеля в Африку не означала подготовки к решающей кампании, «рассчитанной на выигрыш войны»; такую кампанию Гитлер намеревался вести в России»¹³¹.

8 января 1941 г. Гитлер дал знать Роммелю, что он не верит в успех наступления на Александрию, а 15 февраля приказал вообще не предпринимать крупных операций в Средиземном море до осени (когда ожидалась победа в России). 20 марта Гитлер дал Роммелю месячный срок для подготовки контрудара в Киренаике, однако за месяц Роммель сумел не только подготовить, но и осуществить успешное наступление, разбить 8-ю армию и дойти до границы Египта. Он ожидал, что Гитлер пришлет ему подкрепления и прикажет развивать действия в направлении Суэцкого канала, однако в мае (т. е. когда уже шла англо-иракская война) Роммелю было указано, что его задачей является

¹²⁹ G. E. Kirk, *The Middle East in the war*, p. 76.

¹³⁰ Ch. Buckley, *Five ventures*, p. 6.

¹³¹ E. Hinsley, *Hitler's strategy*, p. 145.

лишь удержание Киренаики, а наступление на Египет не имеет первостепенной важности¹³².

Операции на ближневосточном и средиземноморском военных театрах Гитлер считал вынужденными и досадными, отвлекающими силы от намечаемой им войны с СССР. Геринг признал впоследствии, что хотя Крит и учитывался в плане борьбы с английским судостроительством на Средиземном море, но «в тот момент все было подчинено задаче вторжения в Россию, и никто не думал о походе в Африку»¹³³. Лишь в июле 1941 г. германский генеральный штаб разработал план «Ориент», исходивший из расчета победного завершения войны в России той же осенью. Согласно этому плану, зимой 1941/42 г. танковый корпус должен был вторгнуться в Ирак с Кавказа, а десять дивизий из Болгарии должны были пройти через Турцию (с согласия последней) в Сирию и Ирак. Лишь после этого Роммелю надлежало начать наступление на Каир¹³⁴.

Таким образом, подготовка Гитлера к вторжению в СССР помешала ему воспользоваться иракскими событиями. Черчилль указывал в телеграмме английскому командующему на Ближнем Востоке Уэйвеллу 6 мая 1941 г., что Гайлани ожидал момента, когда державы «оси» смогут ему помочь. «Наша высадка в Басре заставила его выстрелить, когда курок был лишь наполовину взведен, прежде чем державы оси были готовы»¹³⁵.

Обратимся к ходу операций. Силы воюющих сторон были первоначально далеко не равны. Иракская армия, насчитывавшая до 40 тыс. человек, состояла из четырех дивизий, по три полка в каждой, и одной механизированной бригады. Авиация же насчитывала всего около 60 самолетов, из которых только 20 были современного типа¹³⁶. Одна дивизия была расположена в районе Киркукского нефтяного месторождения, другая — на юге и две находились в районе Багдада¹³⁷.

¹³² Ibid., p. 146.

¹³³ «Nazi conspiracy and aggression», supplement B, p. 1108.

¹³⁴ W. S. Churchill, *The second world war*, p. 490, 491.

¹³⁵ Ibid., p. 229.

¹³⁶ «Notes et études documentaires», p. 28; Ch. Buckley, *Five ventures*, p. 7.

¹³⁷ S. de Chair, *The golden carpet*, p. 21.

Английский гарнизон в Хаббания располагал следующими силами: шесть рот ополчения — 1,2 тыс. человек (айсоры, курды и арабы); полбатальона пехоты, переброшенной по воздуху из Басры, — 350 человек; 30 пилотов и 30 учащихся летной школы; 1 тыс. человек другого летного персонала; рота броневиков — 18 машин. Авиация насчитывала около 80 учебных самолетов устаревших типов. Артиллерия гарнизона состояла из двух старых мортир, служивших украшением у ворот, и нескольких минометов. Всего в Хаббания находилось около 2,5 тыс. человек¹³⁸. В день начала военных действий этим силам противостояли иракские войска в следующем составе: пехотная бригада, механизированная артиллерийская бригада, 12 бронемашин и т. д., всего 10 тыс. человек с 50 орудиями¹³⁹.

Преимущество англичан в авиации сыграло свою роль. В первые же дни войны английские самолеты, базировавшиеся на Хаббания, уничтожили большую часть иракской авиации на аэродромах. Затем английская авиация могла уже почти беспрепятственно оказывать поддержку гарнизону Хаббания, главная опасность для которого состояла в артиллерийском обстреле. Иракская артиллерия, начавшая обстрел Хаббания утром 2 мая, могла при условии точного и интенсивного огня за несколько часов разгромить аэродром и весь гарнизон английской базы, однако она не использовала своих преимуществ.

Военные действия достаточно наглядно показали, что английские инструкторы готовили иракскую армию только для подавления внутренних восстаний, а не для операций против современных войск. Иракские солдаты, по свидетельству Глабб-паши, воевали храбро¹⁴⁰, но решающее значение имело фактическое отсутствие нормального руководства сверху.

Не удивительно, что в подобных условиях иракская армия, имея неоспоримое численное преимущество, не смогла организовать эффективной осады Хаббания и уничтожить базировавшиеся там английские самолеты, представлявшие для нее главную угрозу. Четыре дня

¹³⁸ G. de Gaury, *Arabian journey*, p. 143; S. Longrigg, *Iraq 1900 to 1950*, p. 290; M. Khadduri, *Independent Iraq*, p. 191.

¹³⁹ M. Khadduri, *Independent Iraq*, p. 191.

¹⁴⁰ J. B. Glubb, *The story of the Arab legion*, p. 278, 284.

англичане успешно держались в Хаббания, создавая у иракцев впечатление, что те имеют дело с сильным гарнизоном. На рассвете 6 мая иракские войска отступили.

Английская пропаганда создала легенду о «чуде Хаббания». В действительности никакого чуда не было. Факты показывают, что английское верховное командование, давно предвидя возможность конфликта, не сумело, однако, к нему подготовиться. Традиционная неповоротливость и косность английского высшего командования, которую отмечал еще Энгельс¹⁴¹, ярко проявились в Ираке. Как иронически писал один американский автор, «к тому времени, когда британский генеральный штаб принял свою ванну и напился чаю, ему пришлось убедиться, что иракцы не собираются играть в крикет»¹⁴². Однако, воспользовавшись организационной слабостью иракской армии и пассивностью командования во главе с «четырьмя полковниками», англичане вынудили противника отступить.

Отойдя от Хаббания, иракские войска расположились на дороге Рамади — Багдад, представляя собой, по словам Лонгригга, «удобнейшую мишень для бомбардировки»¹⁴³. После бомбардировки английский гарнизон Хаббания совершил вылазку и разгромил разбитые и понесшие потери иракские части, захватив свыше 400 пленных и много трофеев. Под ударами английской авиации иракские войска, не имевшие самолетов, откатились к Фаллуджа. Первый этап войны закончился. Иракская армия перешла к обороне.

Пока происходили эти события, индийская бригада, высадившаяся в Басре 18 апреля, отбросила 3 мая противостоявшие ей иракские части и начала медленно продвигаться на север. Было ясно, что ее путь на Багдад займет немало времени ввиду разлива рек, а Англия надо было спешить. 4 мая Черчилль дал указания командующему английскими вооруженными силами на Ближнем Востоке генералу Уэйвеллу создать специаль-

ную войсковую группу в Палестине и перебросить ее в Ирак.

Уэйвелл, на которого после поражений в Ливии и Греции возложена была еще новая ответственность за военные действия в Ираке, был настроен пессимистически и в ответной телеграмме Черчиллю настаивал на мирном урегулировании конфликта. Он высказывал сомнение в том, что гарнизон Хаббания сумеет продержаться до прибытия колонны из Палестины, и опасался «внутренних беспорядков в тылу»¹⁴⁴. 7 мая Черчилль телеграфировал Уэйвеллу: «Отважные действия, предпринятые сейчас против иракцев, позволяют подавить восстание до прибытия немцев». В ответ Уэйвелл утверждал, что колонна, посланная из Палестины, не сможет овладеть Багдадом, и вновь настаивал на «политическом», а не военном выходе из положения. Однако в ответ на все эти возражения Черчилль писал Уэйвеллу 9 мая в форме приказа: «Соединившись с гарнизоном Хаббания, вы должны использовать ситуацию в максимальной степени и без колебаний попытаться ворваться в Багдад даже с совсем небольшими силами, идя на такой риск, на который обычно с успехом идут немцы... Переговоры могли бы только привести к затяжке, во время которой прибудет германская авиация. Сейчас требуются действия...»¹⁴⁵.

Это категорическое требование Черчилля вынудило Уэйвелла создать специальную группу для похода из Палестины на Багдад. Сколотить такую группу, как признавал английский историк Буллард, в тот момент было крайне трудно. «Некоторую помощь оказали сионистские экстремисты из Иргун Цвей Леуми»¹⁴⁶, но без помощи Арабского легиона экспедиция была бы невозможна»¹⁴⁷.

Созданный англичанами в Трансиордании Арабский легион смог выделить лишь 350 человек. Этот отряд, который возглавил сам командир легиона Глабб-паша, совместно с бригадой 1-й кавалерийской дивизии (три

¹⁴¹ См.: Ф. Энгельс, *Британская катастрофа в Крыму*, — К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, т. 10, стр. 594—600; см. также Ф. Энгельс, *Военное дело в Англии*, — *Избранные военные произведения*, М., 1937, стр. 71—75.

¹⁴² J. van Ess, *Meet the Arab*, p. 177.

¹⁴³ S. Longrigg, *Iraq 1900 to 1950*, p. 292.

¹⁴⁴ W. S. Churchill, *The second world war*, p. 228.

¹⁴⁵ Ibid., p. 231.

¹⁴⁶ Существовавшая в то время в Палестине сионистская организация полувоенного типа, крайне националистическая по своему характеру.

¹⁴⁷ R. Bullard, *Britain and the Middle East*, p. 131.

механизированных кавалерийских полка), пехотным батальоном Эссекского полка и тремя эскадронами пограничных частей составил группу под общим командованием генерал-майора Кларка. Ей были приданы броневики, артиллерия и 500 грузовиков для передвижения¹⁴⁸. Ее авангард, названный «Кингкол»¹⁴⁹, вышел из Натания 11 мая и на следующий день вступил в Ирак. Сопротивления эта группа не встретила. Колонна легких иракских войск под командованием Фавзи Кавуджи, известного борца против англичан и сионистов, решившего внести свой вклад в восстание, вошла в форт Рутба 9 мая, но на другой день, после столкновения с английскими броневиками из разведывательного отряда, отступила на восток.

13 мая «Кингкол» прошел Рутба и 16 числа достиг пункта «25-й километр». Путь, проходивший через безводную и бездорожную пустыню, был исключительно тяжелым. Колонна, имея впереди разведывательный отряд, которым командовал Сомерсет де Шер, описавший этот поход в своей книге «Золотой ковер», двигалась по компасу, не имея точного маршрута и иногда сбиваясь в песке, и им с большим трудом удалось вернуться к «25-му километру». В конце концов 18 мая «Кингкол» вошел в Хаббания и соединился с гарнизоном авиационной базы, который с 6 мая находился в соприкосновении с иракскими войсками западнее Фаллуджа¹⁵⁰. Атакой на Фаллуджа 19 мая начался заключительный этап кампании.

Положение сторон в этот момент было следующим. Вся северная часть страны находилась в руках багдадских властей. Киркукский нефтяной район был занят иракскими войсками, откачка нефти по нефтепроводу прекратилась. На юге разлив рек сильно препятствовал продвижению сформированной из индийцев бригады, следовавшей из Басры по берегу Евфрата (к 30 мая, т. е. к концу войны, она дошла лишь до Насирия). Единственной реальной угрозой в этом районе

¹⁴⁸ S. Longrigg, *Iraq 1900 to 1950*, p. 294; J. Glubb, *The story of the Arab legion*, p. 267.

¹⁴⁹ По имени командовавшего авангардом Кингстоуна его бригада называлась «Kingstone column».

¹⁵⁰ S. de Chair, *The golden carpet*, p. 21—50.

была находившаяся примерно 70 км западнее Багдада английская группировка, насчитывавшая несколько тысяч человек. Правда, иракская авиация уже была уничтожена, и английские самолеты (в том числе самолеты морской авиации, летавшие с Персидского залива) систематически бомбили места расположения иракских войск и тыловые базы. Однако уже появилась германская авиация. Начиная с середины мая немецкие самолеты ежедневно курсировали над районом Хаббания¹⁵¹. Керк считал, что если бы в это время немцы вместо высадки на Крите бросили свою авиацию и авиадесантные части в Ирак, то англичане не смогли бы там удержаться¹⁵². Однако Гитлер, занятый Критом и в еще большей степени предстоящей русской кампанией, продолжал медлить с посылкой помощи Ираку.

Нельзя сказать, что в Берлине не придавали значения иракским событиям. Приведем хотя бы следующий пример. 7 мая 1941 г. в Англию прилетел Гесс, пытавшийся заключить с английским правительством мирный договор. Как сообщал Черчилль в письме Рузвельту 17 мая, он выдвинул несколько условий, на которых Германия, по его мнению, пошла бы на прекращение войны. Первое условие заключалось в том, что при любом мирном урегулировании Германия должна будет поддержать правительство Ирака и добиться удаления англичан из Ирака¹⁵³. Так как Гесс был ближайшим сподвижником Гитлера, то предложенные им условия, несомненно, свидетельствовали о том, что германские руководители придавали серьезное значение Ираку.

Во время встречи Дарлана¹⁵⁴ с германским послом Абецом, происходившей 3 мая, первый согласился предоставить Ираку французское военное снаряжение, находившееся в Сирии, а также обеспечить заправку и ремонт германских самолетов, пролетавших транзитом через Сирию в Ирак. Он обязался также предоставить в распоряжение немцев аэродром в Халебе. Впослед-

¹⁵¹ J. B. Glubb, *The story of the Arab legion*, p. 277. — Первые германские самолеты приземлились в Мосуле 8 мая (Ch. Buckley, *Five ventures*, p. 21).

¹⁵² G. E. Kirk, *The Middle East in the war*, p. 76.

¹⁵³ W. S. Churchill, *The second world war*, p. 46.

¹⁵⁴ Адмирал Дарлан в то время был главой французского коллаборационистского правительства.

ствии эти обязательства были зафиксированы в «Соглашении Абец — Дарлан», подписанном 27 мая¹⁵⁵.

Вопрос о помощи Ираку обсуждался также во время встречи с Дарланом 11 мая. Одновременно Гитлер дал Папену, прибывшему к нему в Зальцбург, указание «постараться добиться у турок разрешения на тайный провоз оружия в Ирак через турецкую территорию»¹⁵⁶. При встрече Муссолини с Риббентропом в Риме 13 мая германский министр рассказал о помощи, которую обязался оказать Дарлан, и высказал мнение, что после прибытия в Ирак крупного транспорта оружия и боеприпасов можно будет направить туда авиационные части. Муссолини заявил, что он придает иракским событиям большое значение и уже подготовил для отправки в Багдад через Родос 5 транспортных самолетов, груженных 400 пулеметами и 20 противотанковыми орудиями, а также 12 истребителей¹⁵⁷.

Однако итальянской помощи Ирак так и не дождался. 30 мая 1941 г. министр иностранных дел Италии Чиано записал в своем дневнике: «Плохие новости из Ирака, и что еще хуже, наши самолеты, спустя месяц после начала конфликта, до сих пор еще не вступили в действие»¹⁵⁸. Что касается германских самолетов, то, прибыв в Ирак, они испытывали недостаток в авиационном бензине. В операциях в Ираке, по различным данным, участвовало от 30 до 120 германских самолетов, часть из которых базировалась на Мосульском аэродроме. Командовать германской авиацией в Ираке должен был сын фельдмаршала Бломберга, но самолет, на котором он летел, был по ошибке обстрелян иракской зенитной артиллерией над багдадским аэродромом, и Бломберг-младший был убит. Вместо него в Ирак прибыл генерал Фельми, снабженный специальной инструкцией¹⁵⁹, составленной на основе директивы Гитлера от 23 мая. Этот официальный документ, посвященный вопросу о помощи гитлеровской Германии Ираку, представляется весьма интересным.

Директива фюрера № 30 о Ближнем Востоке.

Полевая ставка 23 мая 1941 г.

«Арабское освободительное движение на Ближнем Востоке является нашим естественным союзником в борьбе против Англии. В этой связи восстание в Ираке приобретает особое значение. Это восстание перейдет границы Ирака и укрепит враждебные Англии силы на Ближнем Востоке, прервет английские коммуникации и отвлечет английские войска и суда от других театров войны. В силу этих причин я принял решение способствовать развитию операций на Ближнем Востоке путем поддержки Ирака. Окажется ли впоследствии возможным — и если да, то каким путем — организовать атаку на Суэцкий канал и окончательно вытеснить англичан с их позиций между Средиземным морем и Персидским заливом, нельзя решить до осуществления „операции Барбаросса“»¹⁶⁰.

В соответствии с этой директивой в Ирак должна была быть послана военная миссия, которой надлежало организовать снабжение иракцев оружием и самолетами, а также предпринять пропагандистские и разведывательные действия¹⁶¹.

Приведенный документ является наиболее убедительным доказательством в пользу того, что усиленная подготовка к войне против СССР отвлекла внимание Гитлера от Ирака. По мнению Глабба, высадив свои войска в Ираке, немцы могли бы затем захватить Палестину, овладеть Басрой и Суэцем и открыть для своих подводных лодок Индийский океан, где спустя полгода они бы встретились с японцами¹⁶². Даже Черчилль не скрывает того, что авиационные силы Гитлера могли в 1941 г. захватить Ирак, Иран и Сирию, что открыло бы перед ним необозримые перспективы. «Гитлер, — утверждал он, — несомненно упустил на Ближнем Востоке возможность получить за небольшую цену огромную добычу»¹⁶³.

¹⁶⁰ Полный текст приводится по книгам: A. Bullock, *Hitler A. A study in tyranny*, p. 588 и W. S. Churchill, *The second world war*, p. 234.

¹⁶¹ E. Hinsley, *Hitler's strategy*, p. 156.

¹⁶² J. Glubb, *The story of the Arab legion*, p. 302.

¹⁶³ W. S. Churchill, *The second world war*, p. 236.

¹⁵⁵ W. Langer, *Our Vichy gamble*, p. 148.

¹⁵⁶ «Nazi conspiracy and aggression», vol. 4, p. 501.

¹⁵⁷ Ibid., p. 501, 502.

¹⁵⁸ [Ciano], *The Ciano diaries, 1939—1943*, p. 359.

¹⁵⁹ W. S. Churchill, *The second world war*, p. 234.

Советский Союз, принявший на себя всю тяжесть удара германской военной машины, спас Азию от гитлеровского нашествия. Весь ход мировой войны был изменен. Именно это обстоятельство и решило судьбу Ирака.

13 мая 1941 г. Папен, вернувшись в Анкару после аудиенции у Гитлера в Зальцбурге, встретился с Наджи Шавкатом. Папен заявил ему, что Германия очень занята на Крите и в других местах и что восстание совершено преждевременно. Вернувшись в Багдад 18 мая, Шавкат выразил мнение, что нужно начать переговоры с Англией. Однако «четверка» отвергла его предложение как предательское и решила продолжать войну¹⁶⁴.

На следующий день, 19 мая, английские войска атаковали Фаллуджа. Главная задача их состояла в том, чтобы не дать иракцам взорвать большой металлический мост через Евфрат. Продвижению на Фаллуджу сильно мешал разлив Евфрата, но все же вечером 19 мая после короткого боя айсорские и английские пехотинцы ворвались в Фаллуджу, захватив сохранившийся в целости мост. Утром 22 мая иракская пехотная бригада, подброшенная из Багдада, при поддержке нескольких легких танков перешла в контратаку, ворвалась в Фаллуджу и завязала уличные бои с айсорской пехотой. На помощь были вызваны остальные силы бригады Кингстоуна. Большую роль сыграла артиллерия: английская батарея 25-фунтовых орудий обстреливала иракские войска с западного берега Евфрата, а иракцы, имея лишь 18-фунтовые орудия, не могли причинить ущерба артиллерийским позициям противника¹⁶⁵. Вечером 22 мая иракские части отступили.

Стремясь задержать продвижение англичан, иракское командование затопило весь район между Тигром и Евфратом к западу от Багдада. Тогда Кларк разделил свои силы на две колонны: северная, которой командовал подполковник Фергюсон и в которую входил отряд Арабского легиона с Глаббом, должна была обойти затопленный район с севера и наступать на столицу по Мосульской дороге. Южная под командованием Кинг-

стоуна наступала на Багдад прямо по дороге от Фаллуджа.

Переправившись на пароме через разлившийся Евфрат, северная колонна совершила большой крюк. Обойдя затопленный район и продвигаясь на юг по дороге Мосул — Багдад, 28 мая колонна встретила сопротивление у станции Таджи. С боями англичане дошли до кирпичного завода в Кадимейне, и здесь их атака была отбита иракцами¹⁶⁶.

Южная колонна, выйдя из Фаллуджа, 28 мая вошла в Хан-Нукта. Здесь руководитель разведывательной группы де Шер, в штабе только что отступившего иракского батальона, подключился через оставшийся невыключенным полевой телефон к иракской военной телефонной сети и распространил слух, что не менее 50 английских танков наступают на Багдад. Штаб 3-й иракской дивизии выслал в Хан-Нукта две роты, но по дороге они были рассеяны английской авиацией.

Утром 29 мая колонна Кингстоуна достигла западных предместий Багдада. Колонна Фергюсона окопалась под Кадимейном. Глабб вспоминал в своих мемуарах, что генерал Кларк «чувствовал себя очень неспокойно». Действительно, положение англичан было довольно рискованным. Единственная линия коммуникаций северной колонны ввиду затопления местности тянулась от Хаббания через пустыню к станции Мушахида и отсюда на юг, к Кадимейну. Что же касается колонны Кингстоуна, то она насчитывала менее 1300 человек и не имела ни одного танка¹⁶⁷. По данным Баклея, 29 мая в районе Багдада находились 13 иракских батальонов и 5 артиллерийских полков¹⁶⁸.

Но багдадские лидеры уже не думали о сопротивлении. Судя по всему, сам Рашид Гайлани с самого начала войны не верил в возможность военной победы над Англией. Впоследствии он писал: «Для нас не могло быть и речи о том, чтобы одержать победу»¹⁶⁹.

В последние дни войны в Багдаде царил растерянность. Руководители режима пребывали в состоянии пассивности. Узнав о том, что англичане перерезали

¹⁶⁴ M. Khadduri, *Independent Iraq*, p. 195.

¹⁶⁵ S. de Chair, *The golden carpet*, p. 59.

¹⁶⁶ J. Glubb, *The story of the Arab legion*, p. 290.

¹⁶⁷ S. de Chair, *The golden carpet*, p. 108.

¹⁶⁸ Ch. Buckley, *Five ventures*, p. 32.

¹⁶⁹ «Wille und Macht», 1942, August, S. 10.

дорогу на Мосул и обходят Багдад с севера, правительство спешно покинуло страну. 29 мая Гайлани переправился в Иран, за ним последовали полковники и другие главари восстания. Таким образом, когда английские войска достигли Багдада, правительство уже покинуло столицу, бросив армию на произвол судьбы.

Как Глабб¹⁷⁰, так и де Гори¹⁷¹ указывали, что генерал Кларк к моменту неожиданного окончания войны сильно сомневался в возможности быстрого успеха. Под Багдадом и Кадимейном начиналась позиционная война, обе стороны окапывались. Колонна Кингстоуна в 8 милях к западу от Багдада восстанавливала разрушенные мосты через каналы и дренажные трубы, готовясь к боям. В такой обстановке внезапно наступил конец «Тридцатидневной войны», получившей известность тем, что она закончилась без решающего сражения.

После бегства правительства власть в Багдаде оказалась в руках мэра города Аршада Умари, который сообщил Корнуоллису (пересидевшему всю войну со своим персоналом в здании английского посольства) о готовности иракской стороны начать мирные переговоры. В ночь на 31 мая Корнуоллис по радио известил штаб генерала Кларка о том, что в 2 часа ночи иракские делегаты придут на Железный мост через канал Хирр (в полутора километрах западнее Багдада). На мосту состоялась встреча между двумя иракскими офицерами и английскими представителями, среди которых были полковник де Гори и майор Спенс, а также следовавшие в обозе английской армии Али Джавдат и Глабб-паша.

После того как было достигнуто соглашение, группа англичан, в составе которой находились де Гори и де Шер, вместе с иракскими офицерами направилась через линию фронта в Багдад, в английское посольство. Разбудив Корнуоллиса, английские делегаты вместе с ним вновь отправились на линию фронта, и там при участии Кларка был составлен текст соглашения о перемирии.

По условиям соглашения обе стороны освобождали военнопленных, иракские части возвращались обратно

в свои гарнизоны, германские и итальянские военнослужащие подлежали интернированию. Днем 31 мая соглашение о прекращении военных действий было подписано. С английской стороны его подписали представитель штаба Уэйвелла вице-маршал авиации д'Альбиак и генерал Кларк, с иракской — генерал Исмаил Намик и два офицера.

В этот же день вблизи Железного моста багдадская знать во главе с Мухаммедом Садром и Аршадом Умари торжественно встречала регента Абдул Иллаха. Затем вернулся Нури Саид, занимавшийся в Иерусалиме сочинением бесчисленных памфлетов, которые английские самолеты разбрасывали над Ираком¹⁷².

Новое правительство возглавил Мадфай. Но его кабинет опять оказался недолговечным. 9 октября 1941 г. премьером вновь стал Нури Саид. Английское господство в Ираке, рухнувшее было в тяжелый для Англии момент мировой войны, было восстановлено.

Из всех лидеров апрельского переворота только один Рашид Гайлани избежал наказания. Приговоренный заочно к смертной казни, он перебрался из Ирана в Германию, а после окончания второй мировой войны тайно вернулся на Арабский Восток. Полковник Фахми Саид и Махмуд Сальман, пойманные в Иране, были повешены в Багдаде 5 мая 1942 г. 20 августа 1944 г. их участь разделил Кямил Шабиб, и уже после окончания мировой войны, 16 октября 1945 г., был повешен Салах эд-Дин Саббах, привезенный в Багдад из Турции¹⁷³. Был казнен также Юнис Сабава. Наджи Сувейди был сослан в Родезию, где и умер. Наджи Шавкат был заключен в тюрьму в 1945 г.

Восстание 1941 г. в Ираке нельзя рассматривать как изолированный эпизод, в отрыве от общего антиимпериалистического, национально-освободительного движения арабских народов, развернувшегося после первой мировой войны. Предпринятая иракской армией весной 1941 г. попытка вырвать Ирак из цепей английского господства была не случайным выступлением и тем более не прогерманским путем, как старалась это изобразить английская пропаганда, а естественным резуль-

¹⁷⁰ J. Glubb, *The story of the Arab legion*, p. 298.

¹⁷¹ G. de Gaury, *Arabian journey*, p. 145.

¹⁷² G. de Gaury, *Arabian journey*, p. 137.

¹⁷³ Аль-Хасани, *Тарих аль-Ирак*, стр. 225.

татом длительной борьбы широких масс иракского народа против империалистического владычества. Давно накапливавшееся недовольство, все более усиливавшееся возмущение британской оккупацией привели, наконец, к взрыву. Тот факт, что этим восстанием пытались воспользоваться державы фашистской «оси», находившиеся в то время в состоянии войны с Англией, не может в принципе изменить освободительного характера движения 1941 г. Роль ударной силы движения, как и впоследствии, в 1958 г., играла патриотически настроенная иракская армия.

Антианглийское движение 1941 г. не привело к освобождению Ирака от империалистического господства. Это объяснялось как общей международной обстановкой того периода, так и характером сил, стоявших во главе движения. В течение последующих 17 лет Ирак продолжал находиться под контролем Англии и под гнетом проимпериалистической террористической диктатуры антинародной феодальной клики Нури Саида. Но все эти годы иракский народ не прекращал борьбы за свое освобождение, и революция 14 июля 1958 г. явилась кульминационным пунктом этой борьбы. Расправившись со своими врагами, народ Ирака, занявший славное место в авангарде освободительной борьбы арабских народов, вышел на широкую дорогу независимого развития.

ЛИТЕРАТУРА

- «Аграрный вопрос и крестьянское движение», т. 4, М., 1937.
 «Материалы по национально-колониальным проблемам», вып. 2, М., 1932.
 «Constitution de l'Irak. Série de publications de la Société des Nations» Genève, 1929.
 «Demande d'admission de l'Irak dans la Société des Nations», Genève, 1932.
 «Economic conditions in Iraq. Great Britain. Department of overseas trade», London, 1933, 1936.
 «Economic and commercial conditions in Iraq», London, 1933.
 «Economic development of Iraq», Washington, 1952.
 «Extracts from the reports of the Iraqi communist party, read by Idris Cox to the conference of Communist and Worker's parties within the sphere of British imperialism, held in London, April 21—24, 1954», — «World news», 1954, № 30.
 «Factors limiting US investments abroad», Washington, 1952.
 «FAO of the United Nations. Yearbook of food and agricultural statistics», Washington, 1947.
 «The Iraq directory», Baghdad, 1936.
 «Der Irak. Materialien zur Neuordnung», Berlin, 1942.
 «League of Nations. Permanent mandates commission. Minutes of 20—25 sessions», Geneva, 1931.
 «Memorandum on the termination of the mandatory regime in Iraq», London, 1932.
 «The Middle East», London, 1955.
 «Nazi conspiracy and aggression», Washington, 1946.
 «Paiforce: the official story of the Persia and Iraq command 1941—1946», London, 1948.
 «Policy in Iraq. Memorandum by the secretary of State for the colonies», London, 1929.
 «The political development in Iraq leading up to the rising in the spring of 1935», — «Journal of the Royal Central Asian society», 1935, January.
 «Reports of mandatory powers submitted to the Council of the League of Nations in accordance with art. 22 of the League», Geneva, 1921—1929.
 «Review of the civil administration of Mesopotamia», London, 1920.
 «Review of commercial conditions in Iraq», London, 1945.

«Special report by H. M. government to the Council of the League of Nations on the progress of Iraq in the years 1920—1931», London, 1931.

«Statistical abstract of Iraq for 1940», Baghdad, 1941.

«Statistical handbook of Middle Eastern countries», Jerusalem, 1945.

МЕМУАРЫ

[Bell G.] «The letters of Gertrude Bell», London, 1927.

de Chair S., *The golden carpet*, London, 1944.

Churchill W. S., *The second world war*, vol. III, London, 1950.

«The Ciano diaries 1939—1943», New York, 1946.

van Ess J., *Meet the Arab*, New York, 1943.

de Gaury G., *Arabian journey*, London, 1950.

Glubb J. B., *The story of the Arab legion*, London, 1948.

Grobba F., *Irak*, Berlin, 1941.

Haldane A. S., *The insurrection in Mesopotamia*, 1920, Edinburgh, 1922.

Peterson M., *Both sides of the curtain*, London, 1950.

Stark F., *East is West*, London, 1945.

Wilson A. T., *Loyalties. Mesopotamia, 1914—1917*, London, 1930.

Young H., *The independent Arab*, London, 1933.

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ДРУГИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И РАБОТЫ

Аламов, *Ирак арабский, Бассорский вилайет в прошлом и в настоящем*, СПб., 1912.

Брукс М., *Нефть и внешняя политика*, М., 1949.

Бронштейн В. и Розенблюм В., *Нефтяная эпопея*, М.—Л., 1936.

Варга Е., *Основные вопросы экономики и политики империализма*, М., 1953.

Галджьян А., *Аграрный вопрос в Ираке*, — сб. «Аграрный вопрос на Востоке», М., 1933.

«География нефти», под ред. У. Пратта и Д. Гуд, М., 1954.

Гофман К., *Нефтяная политика и англо-саксонский империализм*, М., 1930.

Гурко-Кряжин В., *Арабский Восток и империализм*, М., 1926.

Гурко-Кряжин В., *Ближний Восток и державы*, М., 1924.

Гурко-Кряжин В., *Национально-освободительное движение на Ближнем Востоке*, М., 1923.

Данциг Б. М., *Ирак в прошлом и настоящем*, М., 1960.

Датт П., *Кризис Британской империи*, М., 1950.

Денни Л., *Борьба за нефтяную монополию*, М.—Л., 1934.

Корсун Н., *Арабский Восток, Ирак*, М., 1928.

Левин И., *Ирак*, М., 1937.

Левин, *Подготовка войны на арабском Востоке*, М., 1937.

Манукян А. и Козарез К., *Капиталистический рынок нефти*, М., 1953.

«Международный нефтяной картель», М., 1954.

Санталов А., *Империалистическая борьба за источники сырья*, М., 1954.

Хайят Дж., *Иракская деревня*, М., 1954.

«Хрестоматия по новейшей истории», т. I, М., 1960.

Aaref H., *La grande Bretagne en Egypte en Iraq*, Paris, 1939.

Bonné A., *State and economics in the Middle East*, London, 1948.

Brockelmann C., *Histoire des peuples et des états islamiques*, Paris, 1949.

Buckley Ch., *Five ventures*, London, 1954.

Bullard R., *Britain and the Middle East*, London, 1951.

Bullock A., *Hitler A. A study in tyranny*, London, 1952.

Coke R., *Baghdad the city of peace*, London, 1927.

Coke R., *The heart of the Middle East*, London, 1925.

Cooke H. V., *Challenge and response in the Middle East*, New York, 1952.

Crum B., *Behind the silken curtain*, New York, 1947.

Davenport E., Cooke S., *The oil trusts and Anglo-American relations*, London, 1923.

Dowson E., *An enquiry into land tenure in Iraq*, Letchworth, 1931.

Dunn R., *Cotton in the Middle East*, New York, 1952.

Fisher W., *The Middle East*, London, 1950.

Foster H., *The making of modern Iraq*, Oklahoma, 1935.

Cathorue-Hardy G. M., *A short history of international affairs, 1920—1939*, London, 1941.

Chosh R. C., *Constitutional documents of the major islamic states*, Lahore, 1947.

Gordon H., *Lands of the cross and crescent*, Ventnor, 1948.

Guedalla P. H., *Middle East, 1940—1942*, London, 1946.

Hinsley E. H., *Hitler's strategy*, Cambridge, 1951.

Hoepli H. U., *England in Nahen Osten*, Erlangen, 1931.

Hooper Ch., *L'Iraq et la Société des Nations*, Paris, 1928.

Hourani A. H., *Minorities in the Arab world*, London, 1947.

Hüber R., *Deutschland und der Wirtschaftsaufbau der Vorderen Orients*, Stuttgart, 1938.

Hüber R., *Es weiterleuchtet zwischen Nil und Tigris*, Berlin, 1940.

Huxley J., *From an antique land*, London, 1954.

«An introduction to the past and present of the Kingdom of Iraq», Baltimore, 1946.

Ireland Ph., *Iraq. A study in political development*, London, 1937.

Jamali M. F., *The new Iraq*, New York, 1934.

Jawad H., *The social structure of Iraq*, Baghdad, 1945.

Jones J., *La fin du mandat français en Syrie et au Liban*, Paris, 1931.

Joumerd A., *La constitution irakienne en théorie et en pratique*, Paris, 1941.

Joune H., *The independent Arab*, London, 1933.

Katibah H. J., *The new spirit in Arab lands*, New York, 1940.

Khadduri M., *Independent Iraq*, London, 1951.

Keen B., *The agricultural development of the Middle East*, London, 1946.

Kimche J., *Seven fallen pillars*, London, 1950.

Kirk G. E., *A short history of the Middle East*, London, 1948.

Kirk G. E., *The Middle East in the war*, London, 1952.

Kluge H., *Das Königreich Irak*, Leipzig, 1934.

Kodsí. *Le mandat anglais sur l'Irak*, Paris, 1937.

Laqueur W. Z., *Communism and Nationalism in the Middle East*, New York, 1956.

- Langer W., *Our Vichy gamble*, New York, 1947.
 Lenczowski G., *The Middle East in world affairs*, New York, 1952.
 Loder J. de V., *The truth about Mesopotamia, Palestine and Syria*, London, 1923.
 Lojewsky W., *Aufmarsch im Orient*, Leipzig, 1941.
 Longrigg S., *Iraq 1900 to 1950*, London, 1953.
 Lugol J., *Egypt and world war II*, Cairo, 1945.
 Maine E., *Iraq from mandate to independence*, London, 1935.
 Matthews R., Akrawi M., *Education in Arab countries of the Near East*, Washington, 1949.
 Morrison S., *Middle East survey*, London, 1954.
 «The Near East and the great powers», Cambridge, Massachusetts, 1951.
 No'de E., *L'Irak*, Paris, 1934.
 Oppenheim M., *Die Beduinen*, Leipzig, 1939.
 «La recherche et l'exploitation du pétrole dans le Proche et le Moyen Orient», Paris, 1936.
 Root W., *The secret history of the war*, New York, 1945.
 Seifert H., *Der Aufbruch in der arabischen Welt*, Berlin, 1940.
 Seton W., Williams M. V., *Britain and the Arab states*, London, 1948.
 Stafford R., *The tragedy of the Assyrians*, London, 1935.
 Upthegrove C., *Empire by mandate*, New York, 1954.
 Warriner D., *Land and poverty in the Middle East*, London, 1948.
 Weber W., *Italien und das Nahe Orient*, Berlin, 1941.
 Worthington E., *Middle East science*, London, 1946.

نورى عبد الرزاق حسين، تيارات سياسية فى الحركة

الوطنية العراقية، القاهرة، ١٩٥٨

حسين مروة، ثورة العراق، بيروت، ١٩٥٨

موسى حبيب، ثورة ١٤ تموز، بغداد، ١٩٥٨

محمد عودة، ثورة العراق، القاهرة، ١٩٥٨

عبد الرحمن الحسنى، تاريخ العراق السياسى والحربى، صيدا، ١٩٤٨

بصرى مير، مباحث فى الاقتصاد العراقى، بغداد، ١٩٤١

يوسف حلو، نفتنا السليب، بيروت، ١٩٥٤

ИМЕННОГО УКАЗАТЕЛЬ

Абдаллах 132, 141
 Абдул Иллах 137, 145, 152, 153,
 155, 156, 175
 Абдул Хамид 108
 Абец Отто 169, 170
 Айрленд Филипп 17, 52, 54, 57
 аль-Айюби Али Джавдат 65,
 76, 80, 81, 84, 85, 100, 104—
 106, 109, 132, 149, 155, 174
 Али Сухейль 161
 д'Альбиак 175
 Арслан Шекиб 120, 122
 аль-Асиль Наджи 112, 124, 125
 аль-Аскари Джафар 64, 86, 111,
 112, 121, 133, 135
 Аслан Адиль 120
 Ататюрк Мустафа Кемаль 107,
 109, 125
 аль-Атийя Шаалян 84, 87, 94
 аль-Бадри Шакир 160
 Баклей Кристофер 158, 163, 173
 Бальфур Артур Джемс 118
 Барзани Ахмед 9, 78—80, 92, 93
 Бахри Юнис 143
 Белл Гертруда 17
 Бисмарк Отто 122
 Бломберг 170
 Бонни 6, 22, 26
 Буллард 167
 Бутти Рафаэль 132
 Вайтон Альберт 17, 18, 31, 54,
 134
 Вильсон Арнольд 9, 16, 17,
 21, 78
 Габриэли Лунджи 144

Гази 76, 81, 82, 85, 91, 110, 111,
 133, 140, 145
 аль-Гайлани Рашид Али 49, 62,
 64, 65, 67, 75, 85, 86, 102,
 104,—106, 112, 137, 148, 149,
 152—157, 161, 163, 164, 173—
 175
 Ганима Юсеф-бей 27, 29, 35
 Гентиг 151
 аль-Гита Кешиф 82, 87
 Глабб Джон Багот 165, 167,
 171—174
 де Гори 174
 Гробба Фриц 139, 146
 Дарлан 169, 170
 Дауд ад-Дауд 93
 Даусон Эрнест 22, 33
 Дени 151, 162
 Джабур Салих 113, 131, 155
 Джавад Мухаммед Али 110,
 133, 134
 Джавад Хашим 41, 42, 44
 аль-Джаляби 86
 аль-Джамали Фадиль 121
 аль-Джанаби Махмуд Фадиль,
 142
 Джонс Дж. 13
 Дэвенпорт Э. 40
 Заки Амин Сулейман 150, 156
 Заки Мухаммед 67
 Зарка Мухаммед 25
 Зейд 139
 Ибн Сауд 117, 118, 162
 Ибрахим Абд аль-Фаттах 101,
 103

Ибрахим Юсеф Изз эд-Дин
113, 127, 131
Иден Антони 116, 152, 162
Иордан Юлиус 139
Исмаил Абд аль-Кадир 103,
129, 132

Кавукджи Фавзи 121, 124, 168
аль-Каззаз Мухаммед Салих
96—99, 129

Касим Осман 144
аль-Кассаб 86
Керзон 3
Керк Дж. 149, 161, 163, 169
Керр А. К. 111
Кимхе Ян 44, 54, 55, 137
Кингстоун 168, 172—174
Кларк 168, 172—175
Кнабеншүз 155
Кокс Перси 17
Корнуоллис Кайнехен 76, 85,
154, 155, 157, 159, 161, 174
Коун Ричард 18, 49
Кох Паула 151

Кубба Мухаммед Махди 121,
141
Кук Г. 55
Кук С. 40

Ленин В. И. 31, 32
Ленцовский Джордж 145
Линкольн Абрахам 55
Лонгригг Стефен 5, 11, 13, 25,
43, 54, 56, 128, 130, 131, 140,
161, 166

Мадфай Джамиль 76, 81, 85,
86, 99, 104, 106, 133, 135, 136,
146, 149, 155, 175
Макдональд 85, 91, 92
Маркс Карл 41
Махмуд 78, 80, 161
Монк-Мэсон Дж. 145, 157
Мурувва Хусейн 6, 129, 160
Мусанна ибн Харис 121
Мухлис Мавлюд 116, 133

Намик Исмаил 148, 175
Нольд Э. 8, 13
Нури Абд аль-Лятиф 110, 112,
135

Нури Саид 54, 56, 62—68, 76,
85, 86, 97, 102, 105, 109, 111,
112, 135, 136, 140, 145—150,
152—157, 175
Ньютон 154

Омар 121
Омейяды 123
Оппенгейм Макс 151

Папен фон 150, 170, 172
Петерсон Морис 137, 145
Петэн 151
Прат 151

Рави 154, 155
Рашман Карл 151
Реза-шах 65, 68, 108, 110, 133,
134, 145
Розер Рудольф 151
Рувейха Рудольф 151
Рузвельт Франклин 152, 169

ас-Саадун Абд аль-Мухсин 64,
68
ас-Сабави Юнис 156, 175
ас-Саббах Салах эд-Дин 136,
175
Садр Мухаммед 148, 175
Саид Фахми 136, 175
Сальман Махмуд 136, 144, 153,
175
ас-Сальман Хасан 156
Сидки Бакр 73, 84, 91, 92, 94,
108—113, 115, 124, 127, 128,
130, 131, 133—135, 149
Сиккар Абд аль-Вахид 82, 84,
86—88

Смарт 159
Спенс 174
Суейди Неджи 65, 106, 116,
141, 149, 152, 156, 162, 175
Суейди Тевфик 85, 135, 142,
149
Сулейман Хикмет 49, 55, 65, 67,
68, 71, 81, 82, 84, 86, 99, 102,
105, 106, 108—113, 115, 124,
126—128, 131—135, 137
Сульцбергер 143, 144

Табир Саид 141
Тевфик Хусейн Фавзи 146, 147

Тикрити Саид 134
ат-Тимн Джафар Абу 64, 65,
68, 69, 102, 103, 106, 112, 114,
127, 130, 131

Уда Мухаммед 6, 108
аль-Умари Амин 134, 147
Умари Аршад 174, 175
Умари Мустафа 135
Уорринер Дорин 6, 24, 25
Уэйвелл Арчибальд 164, 166,
167, 175

Фавзи Хусейн 135, 136, 146—
148
Файсал 4, 62, 65—68, 76, 99,
108, 110, 115, 117, 119, 120, 146
Фариси 76
Фарук 145, 149
Фахед 100
Фельми 170
Фергюсон 172, 173
Фостер Г. 52
Фрэзер 158

Хабиб Муса 161
Хаввам 87, 90, 91
Хаддури Меджид 5, 84, 101,
130, 137.
Хадид Мухаммед 101, 103
Хайдар Рустум 76, 137, 146—
148
Хайят Джафар 25
Халиль Хошави 92, 93
аль-Хасани Абд ар-Раззак 100,
112, 130, 147
Хатиб Мухаммед 160
Хаурани 78

аль-Хашими Таха 85, 110, 121,
136, 137, 141, 147, 149, 152,
154, 155
аль-Хашими Ясин 64, 65, 67, 68,
85, 86, 102, 104—113, 115, 116,
121, 127, 128, 132, 133
Хейлшэм 74
Хемфрис 74
Хинсли Э. 163
Хусейн 117
аль-Хусейни Амин 140, 143, 144,
160

Чадарчи Кямил 102, 103, 112,
127, 131, 132
Черчилль Уинстон 8, 153, 157,
158, 164, 166, 167, 169, 171
Чинано 170

Шабиб Камил 136, 155, 175
Шавкат Наджи 66, 67, 76, 149,
150, 153, 154, 156, 172, 175
Шавкат Сами 142, 143, 162
Шарраф Шериф 156
Шахбендер Абд ар-Рахман 151
Шахбендер Ибрагим 56
Шахбендер Муса 120, 143, 156
Шевкет-паша Махмуд 108
Шер Сомерсет 168

Эдмонс 112
Эйлендер Р. 151
Энгельс Фридрих 166
Эттли Клемент 157

Юнис Зия 133

Ямулки 147, 148

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абадан 125
 Алжир 3
 Александрия 163
 Анкара 125, 150, 172
 Афганистан 125, 142
 Афины 152
 Багдад 3, 16, 22, 26, 33, 38, 43, 44, 46, 49, 50, 53, 55, 71, 72, 73, 78, 82, 83, 85, 86, 88, 89, 90, 95, 97, 102, 111—114, 119, 120, 122, 124, 133—135, 142, 143, 145, 148, 151, 154, 155, 159, 161, 164, 166, 167, 169, 170, 172, 173, 174
 Бандунг 5
 Басра 7, 33, 37, 90, 93, 97, 108, 128, 141, 153, 155, 157—159, 161, 164, 166, 168, 171
 Бейрут 133, 151
 Берлин 143, 163, 169
 Берн 75
 Болгария 164
 Вашшаш 134, 148
 Гарраф 93
 Гвиана Британская 73
 Германия 139, 142, 144—146, 150, 151, 169, 175
 Греция 156, 162
 Давалим 90, 93
 Дагара 85
 Дамаск 3, 120, 151
 Джазира 73
 Дивания 24, 69, 82, 84—86, 88, 91, 94, 131, 154

Дияла 16, 22, 85, 95
 Дохун 73
 Дулайм 24, 95
 Евфрат 3, 7, 69, 81, 85, 88, 91, 94, 168, 172, 173
 Египет 3, 48, 62, 118, 123, 135, 142, 149, 158, 162, 164
 Женева 9
 Захо 73
 Иерусалим 140, 175
 Измир 144
 Индия 3, 123, 142, 157
 Иордания 4
 Иран 13, 50, 77, 109, 124, 125, 137, 171, 174, 175
 Испания 143
 Италия 137—139, 150, 170
 Йемен 118, 142
 Кавказ 164
 Кадимейн 42, 173, 174
 Каир 3, 149, 164
 Карачи 158
 Кербела 113, 131, 141, 160
 Кипр 73
 Киренаика 163, 164
 Киркук 51, 124, 128
 Крит 164, 169
 Курдистан 77, 78
 Кут 128
 Ливан 3, 139
 Ливия 3, 137

Лондон 17, 101, 116, 121, 122, 124, 159
 Лятифия 38
 Марокко 3
 Мекка 120
 Мексиканский залив 38
 Мешхед 85
 Мосул 8, 10, 33, 51, 100, 133, 134, 141, 143, 157, 169, 173, 174
 Мудайна 93
 Мунтафик 18, 90, 91, 93
 Мухаммара 117
 Мушахида 173
 Насирия 91, 92, 168
 Неджеф 82, 85, 86, 128, 131, 141
 Нигер Французский 73
 Освенцим 144
 Палестина 118, 120, 122—124, 135, 140, 141, 144, 149, 154, 158, 162, 167, 171
 Рамади 166
 Рим 138, 170
 Родезия 175
 Родос 170
 Румайса 90—94
 Самауа 85, 94, 131
 Саудовская Аравия 117, 122, 123, 152
 Сирия 48, 71—73, 93, 112, 118—123, 132, 139, 143, 151, 162, 164, 169, 171
 Стамбул 108, 109, 150
 Судан 3

Сукаш-Шуйюх 91, 92
 Сулеймание 99, 161
 Суэц 171

Таджи 173
 Тель аль-Ляхм 91
 Тигр 4, 44, 72, 73, 88, 172
 Тунис 3
 Турция 13, 50, 51, 70, 77, 79, 92, 110, 124—126, 133, 137, 146, 150, 162

Укайса 91
 Ур 90, 92

Файсалия 85
 Фалуджа 166, 168, 172, 173
 Франция 117, 119, 121, 150

Хаббания 8, 10, 155, 158, 159, 161, 162, 165—169, 173
 Хайфа 89, 153
 Хаккиари 70
 Халеб 76, 151, 169
 Хан-Нукта 173
 Хидр 94
 Хилла 21, 24, 76, 84, 85
 Хинайди 8, 10
 Хирр 174

Шайба 8, 10
 Шамия 86
 Шатт аль-Араб 125
 Шатт аль-Хай 91

Эфиопия 139

Югославия 156, 163

Япония 123, 152

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	7
Глава I. Социально-экономический строй	15
Глава II. Феодално-бюрократическая диктатура	47
Становление «черного режима»	47
Крестьянские восстания середины 30-х годов	77
Начало рабочего движения	95
Глава III. Обострение внутривосточной борьбы	104
Переворот 1936 г.	104
Взаимоотношения Ирака с соседними странами и режим Хикмета Сулеймана	115
Борьба за власть накануне и в начале второй мировой войны	135
Тридцатидневная война	156
Литература	177
Именной указатель	181
Географический указатель	184

Георгий Ильич Мирский

ИРАК
В СМУТНОЕ ВРЕМЯ
1930—1941

*

Утверждено к печати
Институтом народов Азии
Академии наук СССР

*

Редакторы издательства С. И. Стеркина, Ю. Н. Зотова
Художник М. Ф. Ольшевский
Технический редактор А. К. Красная
Корректоры М. Н. Гарбер и Е. А. Мамиконян

*

Сдано в набор 1/IX—1960 г. Подписано к печати 17/I 1961 г.
А-00932 Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 5,875
Усл. п. л. 9,64 Уч.-изд. л. 10,26
Тираж 2400 экз. Зак. 1832
Цена 50 коп.

*

Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2.

*

Типография Издательства восточной литературы
Москва, И-45, Б. Кисельный пер., 4.